

НЕВСКИЙ
АЛЪМАНАХЪ
НА 1820 ГОДЪ.

ИЗДАНЫЙ

Е. Алдынымъ.

В.

Левъ Зубовъ
САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

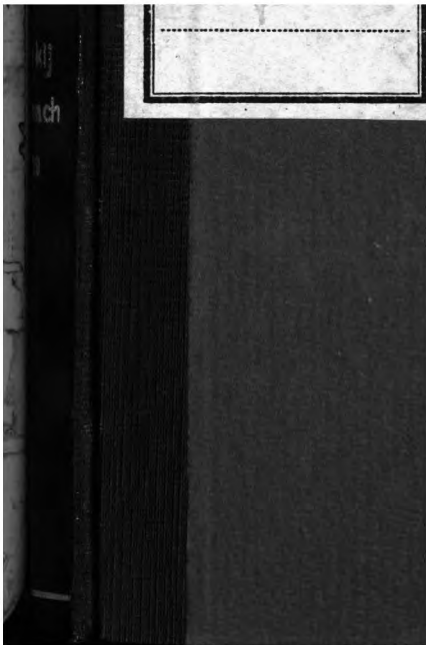
ВЪ ТИПОГРАФИИ ДЕПАРТАМЕН. НАРОДН. ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1820.

Pe 2291

Re

Re 2291

Slovenská knihovna

SLOVANSKÁ KNIHOVNA

3186186799

H16 A31

НЕВСКИЙ
АЛЪМАНАХЪ
НА 1820 ГОДЪ.

ИЗДАНЫЙ

Е. Алдынымъ.

В.

Левъ Зубовъ
САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФИИ ДЕПАРТАМЕН. НАРОДН. ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1820.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шѣмъ, чптобы по оппечатаваніи представлены
были въ Цензурный Комитетъ при экземпляра.
С. Пешербургъ, 27 Декабря 1828 года.

Цензоръ К. Сербиновичъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Картинки:

8981

1. Поршреть блаженныя памяти Императрицы Маріи Феодоровны.
2. Заглавный листокъ.
- 3, 4, 5, 6, 7 и 8 — сцѣны изъ романа: *Евгеній Онегинъ*, соч. А. С. Пушкина.

Проза.

	Стр.
Вспуленіе Французскихъ войскъ въ Липву, въ 1812 году. (О. Н. Глинки)	1
Цыганка, повѣсть, (Кар — а)	14
Вьвьска, разговоръ путешественника, (О. М. Солова)	46
Спанъ Димитрія Самозванца подъ Москвою, 16 Іюня 1605 года. (Ө. В. Булгарина)	175
Мысли и замѣчанія, (Н. Д. Шевангина-Писарева)	239
Черкъсь, разговоръ. (— ина)	256
Характеристическія картины. (Ө. Н. Глинки)	303
Алавердскій Праздникъ. (Гри — ва)	321
Ливонія	344
Картина Турецкой войны 1828 года (Ө. В. Булгарина)	372
Вьвьсь. (Ө. Г.)	410

Стихотворенія:

Развалины. (Н. М. Языкова)	7
Безумная, Романсъ. (Ш. И. Козлова)	9
Къ . . . (Князя П. А. Вяземскаго)	11
А. Н. С — у. — (***)	12
Услуга опѣ Медвѣдей, быль. (Ө. Н. Глинки),	38
А. Н. В — у. — (***)	42

На смерть двухъ дѣвиць. (П. Г. Ободовскаго) 43

Солнце и дорожный, басня. (О . . .) 45

М. Н. Д — й. (Н. М. Языкова) 129

Прощающыя (Dziady) 134

Большая красавица. (А. Д. Иллитевскаго) 172

Видѣніе (Ө. Н. Глинки) 173

Не вовсе брошенный въ бѣдѣ. (А. Д. Иллитевскаго) 174

Ручей. (Н. М. Языкова) 231

Куплеты. (Князя П. А. Вяземскаго) 233

Бывшей моей невѣстѣ 235

Оцѣнка стиховъ. (А. Д. Иллитевскаго) 237

А — Ъ. (***) 238

Романсъ. (Н. Я.) 248

Къ Неерѣ. (В. Орлова) 251

Ирландскія Мелодіи. (М. В.) 253

Два ночи. (***) 277

Бѣднякъ-Весельчакъ. (Я.) 279

Опрывокъ изъ II части Дурацкаго колпака 201

Эпиграфъ. (Я.) 299

На смерть Пирушкина: (*) —

Домовой. (А. Д. Иллитевскаго) 300

Предвѣщаніе. (А. Ш. Подолинскаго) 310

Завѣшное пиво. Басня. (А. Е. Измайлова) 317

На побѣды Россіянь. (Князя А. А. Шаховскаго) 331

Зима пришла. (***) 334

Волшебный фонарь. (М. А. Дмитріева) 337

Два колоса. (К. П. Масальскаго) 343

Загадка. (Ө. Глинки) 365

Опрывки изъ XI пѣсни Одиссея. (К. П. Масальскаго) 367

С (А. Ш. Подолинскаго) 370

Эпиграмма. (*) 409

Октября 30 дня 1828. (Гр. Д. Ш. Хвостова) —

Весна. Элегія (М. А. Дмитріева) 411

КАРТИНКИ:

ЕВГЕНІЙ ОНЪГИНЪ

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ.

Сог. А. С. Пушкина.

I.

Все было тихо; лишь ночные
Перекликались часовые;
Да дрожекъ опдаленный спукъ
Съ Миллонной раздавался вдругъ;
Лишь лодка, веслами махая,
Плыла по дремлющей рѣкѣ:
И насъ плѣняли вдалькѣ
Рожѣкъ и пѣсня удалая.

II.

Богатъ, хорошъ собою, Ленскій
 Вездѣ былъ принятъ какъ женихъ;
 Таковъ обычай деревенскій;
 Всѣ дочекъ прочли своихъ
 За полурускаго сосѣда;
 Взойдетъ ли онъ; — шопчасъ бесѣда —
 Заводишь слово спороной
 О скукѣ жизни холоспой;
 Зовушь сосѣда къ самовару,
 А Дуня разливаешь чай,
 Ей шепчущъ: Дуня, примѣчай;
 Помошь приносятъ и гитару:
 И запищитъ она, (Богъ мой)!
 Приди въ тертобъ ко мнѣ златой.

IV.

Наспанешъ вечеръ деревенскій:

Бильярдъ оставленъ, кій забытъ,

Передъ каминомъ споль накрытъ,

Евгеній ждепъ; вошъ ѣдешъ Ленскій

На тройкѣ чалыхъ лошадей:

Давай обѣдай поскорѣй!

Вдовы Клико или Моэша

Благословенное вино

Въ бушылкѣ мерзлой для поэта

На споль шопчасъ принесено . . .

V.

Морозна ночь; все небо ясно;
Свѣшилъ небесныхъ дивный хоръ
Течешъ пакъ тихо, пакъ согласно....
Тапьяна на широкій дворъ
Въ ошкрышомъ плащицѣ выходишь,
~~на маслѣ заводитъ;~~
Но въ темномъ зеркаль одна
Дрожишь печальная луна...

VI.

И горожанка молодая,
Въ деревнѣ льшо провождая,
Когда спремглавъ верхомъ она
Несется по полямъ одна,
Коня предъ нимъ оспановляещъ,
Ремянный поводъ качающъ,
И, флеръ опг. шляпы опвернувъ,
Глазами бѣглыми чинящъ
Проспую надпись — и слеза
Туманишъ нѣжные глаза.

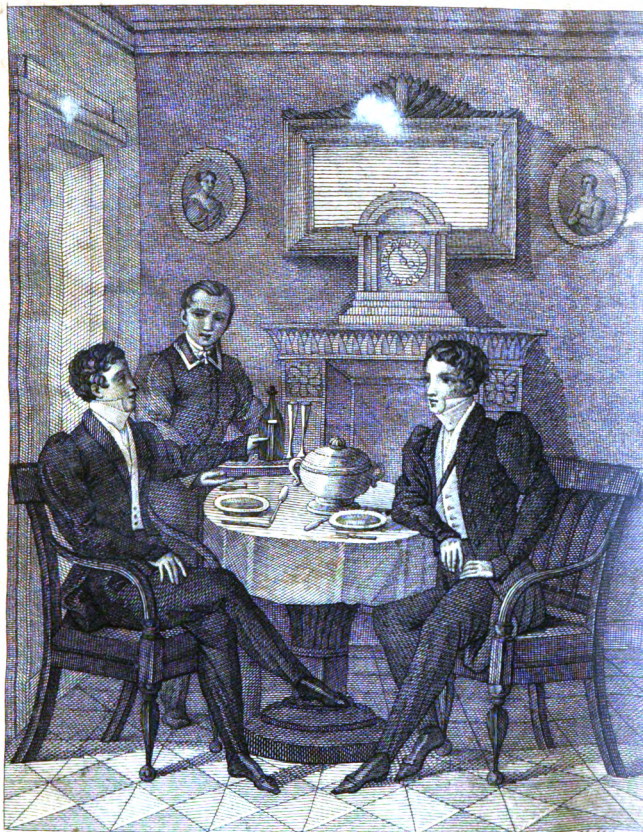

Рис. А. Нондска

Грав. М. Удальцова

Благословенное вино
Въ бутылкѣхъ мерзкой для поста

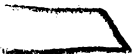
Digitized by Google

Вис. А. Номбека

Гр. В. Гримман

Лишь лодка, всеми нами мавая,
Плыла по дремлющей реке:

47454

Грав. А. Номска.

Гр. С. Гавриловича и.

И защити́тъ Го́да [Богъ мой].
Приди въ червогъ ко мнѣ златой.

Рис. А. Номдека.

Грав. В. Мещеряков.

Но въ тайномъ зеркалѣ одна
Дрожатъ печальная луна.

НЕВСКІЙ АЛЬМАНАХЪ.

1829.

ПЕТЕРБУРГЪ.

ВСТУПЛЕНІЕ
ФРАНЦУЗСКИХЪ ВОЙСКЪ
ВЪ ЛИТВУ
ВЪ 1812 ГОДУ.

Поселяне Липовскіе, какъ видно, не участвовали въ общемъ волненіи умовъ, разпространившемся въ другихъ сословіяхъ народа. Волненіе многочисленныхъ армій разныхъ языковъ, разныхъ вѣръ, предвѣщало событія необыкновенныя, грозныя — и жипели мирныя не хотѣли бытъ близкими свидѣтелями послѣдствій предназначаемой войны. — Поки-

дая селенія, они скрывались съ женами и дѣшми въ непроходимыя пущи, подъ защиту своихъ болошь. — Русскіе, опспуая, не желали и не могли оспавлять за собою надежнаго продовольствія. — И пакъ все, что послужило бы къ поддержанію непріяшеля, было уничтожаемо — и Липва, съ каждымъ днемъ болѣе, принимала видъ заупустѣнія. — *Лабомъ* и другой извѣспнѣйшій изъ Французскихъ писателей о войнѣ 1812 года говоряшь, что Французы не могли дождаться той вождельной минушы, когда, наконецъ, спущають на землю подвласную Россіи, кошорую воспаленное ихъ воображеніе предспавляло имъ раемъ. Съ первымъ шагомъ за Неманъ имъ показалось, что дышають инымъ воздухомъ, что вспунають въ новый міръ. Надежды льспили самолюбію; мечшы сѣлили вѣрныя успѣхи. Но скоро радужная икань исчезла, опкрылась существенность печальная. — Глубокое безмолвіе спраны, въ кошорую вошли, рѣзко прошивурѣчило шумному

движенію войскъ, блжсшавшихъ оружіемъ и гордыхъ славою, спяжанною на многихъ поляхъ побѣдъ, въ разныхъ концахъ Европы и даже подъ пальмами Нила.

Сколь ни велики были полчища, переступившіе за Неманъ, они, однакожь, какъ будто ушонули въ необозримомъ пропяхеніи глубокихъ Липовскихъ лѣсовъ. — Спраны сіи могли удивить иноземцевъ, непривычныхъ къ великимъ размѣрамъ проспрансшва, несоопвѣпспшвующаго населенію. Опъ Немана и Вильны до береговъ Двины, Березины и Днѣпра проспширающа обласпи разныа. Везпрывные лѣса издревле покрывающъ великое, почни плоское проспрансшво сіе. Города кажуща погруженными во глубинѣ древесныхъ пуцей, прорѣзанныхъ большими дорогами, на которыхъ шолько и видны движеніе и промышленность. Рѣки знаменишыа, какъ пуши шорговли, полосящъ, по мѣсшамъ, сію лѣсисшную площадь, привлекая къ берегамъ своимъ людность и населеніе; между шѣмъ, какъ

множество ручьевъ и рѣчекъ, по большей части безымянныхъ, орошая низовья мѣста, сливаясь въ большія озера и питающъ влагу болотъ. — Спраны сіи не малолюдны, но населеніе ихъ разсыяно и, шакъ сказать, ушаено въ лѣсахъ. Города всѣ на перечетѣ, въ разстояніи неблизкомъ; древніе Польскіе замки или запусѣли, или совсѣмъ въ развалинахъ — и для поспоронняго спраны сіи, въ самомъ дѣлѣ ошнюдь не бѣдныя и не безлюдныя, могутъ показаться совершенно пустынными.

Разныя опряды Французскихъ войскъ, пройдя по зыбкимъ пескамъ частыкъ боровъ и по шонучимъ грязямъ, едва прикрышымъ длинными мостами изъ бревенчатого накашника, увидѣли, наконецъ, большую дорогу и вывели на оную конницу, спрашную количествомъ и порядкомъ — и артиллерію многочисленную. Огромные парки и подвижные запасные магазины шянулись въ слѣдъ за артимією, перья много воловъ и лошадей опъ

ранняго подножнаго корма и по необходимости пробивашься чрезъ болоша и слѣдовашь по дорогамъ, размышымъ безпрерывными дождями. — *Вентурини* (одинъ изъ писателей о войнѣ 1812 года) полагаешь, въ числѣ прочихъ причинъ ранней гибели Французской конницы, будшо бы недоспашокъ навыка и умъня Французовъ ухаживашь за лошадьми.

Между шѣмъ, большая дорога, кошорой достигли, доспавя нѣкошорую удобность, ни сколько не порадовала взоровъ. Тѣ же лѣса молчаливые, дикіе синѣлись по краямъ горизонша; ненашная погода усугубляла мрачность окрешносшей. Сѣдя шучи кружились на небѣ; долговременные дожди, сѣясь сквозь шуманы, влажною пылью, размягчали иловашную почву; въ часшыхъ борахъ, колеблемыхъ вѣшромъ, раздавалось прошаяное завываніе, порождающее невеселыя думы и предчувствія шоскливыя.

Въ Вильну введена гвардія; другія войска, по испорченнымъ дорогамъ и мѣсцамъ

почти обезлюдѣвшимъ, принуждены были, съ удвоенною скоростію идти къ назначеннымъ цѣлямъ. — Въ такомъ походѣ не лзя было уважать ни трудовъ, ни самой собственносги поселенина. — Нежатыя нивы измяты; встрѣчавшіяся на пути селенія опустили, какъ послѣ мороваго повѣтрія; голоса жизни умолкли по селамъ и встрѣча съ мирнымъ человѣкомъ почивалась произшествіемъ рѣдкимъ.

Таковы были обстоятельства, сопровождавшія вступленіе Французскихъ войскъ въ древнія области Лишовскія. Удивленные печальными картинами сихъ унылыхъ странъ, солдаты и начальники горѣли неперѣнїемъ проникнуть далѣе и далѣе, въ надеждѣ встрѣшивъ болѣе выгодъ и славы. Но арміи Россійскія уклонялись ошорожно и быстро, въ слѣдствіе мудрыхъ соображеній, извѣстныхъ только главнымъ вождямъ. По вечерамъ, изъ-за синевы лѣсной, сверкали иногда огни Русскіе; на вершинахъ холмовъ маячили, какъ

ночные призраки, спорожевые козаки, при-
крытые бурками, вооруженные длинными
пиками; но съ наступленіемъ дня все изче-
зало, будшо сновидѣніе — и Французскія вой-
ска, съ возраставшимъ нешерпѣніемъ, шо-
ропились завоевывашъ одно проспранство
земли опустѣлой.

Ө. Глинка.

РАЗВАЛИНЫ.

Ночь; пики небеса, съ воспочнаго ихъ края
Луна, красивый блескъ на землю разсыпая,
Въ пучинѣ воздуха лазурной, восплаѣтъ;
Чушь дышетъ въперокъ, чушь льюпся зыби водѣ.
Вонъ памъ, господспвуя надъ бретоми и холмами,
Двѣ башни и стѣна съ высокими зубцами,

Оспашки подвиговъ могучей спарины,
 Какъ снѣгъ, бѣлѣюща луной озарены!
 Далеко, голыжъ скалъ чрезъ каменны спупени,
 Сошли на свѣжій лугъ пробишны ихъ пѣни
 И пѣмны, какъ молва давно минувшихъ дней,
 Лежащъ предъ новыми жилищами людей.
 Вонъ рядъ обломковъ! Тамъ на вышины крупныя
 Општажно шолпы взбѣгали боевыя
 И гибли!... Божешво и' рай моей мечпы,
 Чернокудрявая красавица, гдѣ пы?
 Приди; на эшопгъ холмъ луной осеребренный
 Возсядемъ; швой пѣвецъ младый и вдохновенный
 Повѣдаю шебѣ сказанья спарины
 Про гордыхъ вишызей свободы и войны;
 И, сладоспыны, какъ шумъ пашнспвенной дубравы,
 Звучны, какъ говоръ волнъ пуспынныхъ, пѣсни славы
 Польюшся... Ясная улыбка оживитъ
 Твои уша и жаръ на пурпурѣ ланищъ,
 Свѣшло заискряшся божешпывенныя очи....
 Приди!... Но я одинъ; безмолвно царшво ночи,
 Высоко шаръ луны серебряный вспаётъ,
 Чуть дышешъ въперокъ, чуть лѣюшся зыби водѣ.

Н. Языковъ.

БЕЗУМНАЯ.

! (Романс.)

Меня жестокиѣ браняють ,
 Меня безумной называють ,
 Спокойной , смирной бытъ веляють ,
 Молишься Богу заспавляють .
 Нѣтъ ! Здѣсь — далеко отъ своихъ ,
 Покой бѣжишь очей моихъ ,
 Въ чужой утробной споронѣ
 Нѣтъ силъ молишься Богу мнѣ .

Но будь я шамъ — гдѣ Донъ родной
 Шумишь знакомыми волнами ,
 Гдѣ перемъ опущескій проспой
 Въ пѣни шашца подъ дубами ,
 Тамъ спану я покоя ждашь ,
 Тамъ спану Бога умоляшь ,
 Чпобъ сжался надъ поскою моею ,
 Онъ мнѣ конецъ послалъ скорый .

О какъ мнѣ бѣдной не пужить!
 Ты, радость, и меня манила!
 И я собиралась въ свѣтъ жить,
 Была мила ему, любила —
 И въ церковь Божью, вся въ цѣлкахъ,
 Пошла съ румянцемъ на щекахъ,
 И помню по, что съ женихомъ
 И я спояла подъ вѣнцомъ.

Но гибнетъ радость навсегда;
 Къ бѣдѣ, къ слезамъ я пробудилась,
 И ясная любви звѣзда
 Въ кровавомъ облакѣ запылилась;
 Сокрылся мой привѣтный свѣтъ:
 Его ищу, его ужъ нѣтъ...
 Ахъ, улетая, ангелъ мой,
 Что не взялъ ты меня съ собой?

Иванъ Козловъ.

КЪ

Въ новый годъ.

Мои красавицы, я васъ благодарю
За ваши дружескія строки! . . .

Вамъ спрашно, что, какъ вы, не радъ я Генварю;

Но ваши правильны ль упрёки?

Когда на васъ я посмошрю

Я вижу Май безсмѣнно яснѣй,

И вѣтъ въ виду поры ненастной

По вашему календарю.

Но опытъ въ головѣ моей посбавилъ хмѣля

И много первыхъ дней Апрѣля

Начёлъ я на вѣку своемъ.

И шакъ, не мудрено ни мало,

Что я, спавъ горе-мудрецомъ,

На новый годъ, какъ на обманъ бывалой,

Смошрю угрюмымъ Сеншябрёмъ.

Князь Вяземскій.

А. Н. С — У.

Прощай надолго, милый мой;
 Да Провидѣніемъ хранимый,
 Ты возвратишься невредимый
 На пользу родины свяшой!
 Да жаръ возвышенныхъ желаній
 Въ тебѣ мужаешь и распѣшь
 Среди классическихъ работъ
 На свѣшломъ поприщѣ познаній!
 Да памь, — откуда съ давнихъ поръ,
 Надеждъ пипомцы дороге,
 Россіи книжники молодые
 Вывозятъ ей лишъ плѣнъ и вздоръ,
 Туманъ шальнаго мудрованья,
 Глухую слѣсъ, немилосль къ намъ
 И знаменишыя прозванья
 Своихъ учители, — да памь
 Въ справѣ наукъ правдиво-гордой,
 Служа Каменамъ и добру,
 Не окрестился въ Нѣмчуру
 Твой духъ дѣшпельный и швѣрдой;
 Но жадный шворческихъ прудовъ,
 Но полный силы своенравной,

Сбережётъ сокровища вѣковъ
 И посвящашъ ихъ православно
 Богамъ родимыхъ береговъ!
 Прощай! Когда-то наша младость
 Цѣла роскошно, милый мой,
 Гуляли мы — рука съ рукой,
 Учили въ вѣспѣхъ, жизни сладость
 Мы пили чашею одной.
 И чтожь? Какъ призракъ сладострасья
 Пора безоблачнаго счастья
 Всегда любимая душѣй
 Исчезла въ мигъ; но пѣя съ собой
 Возьмешь подъ небеса чужія
 Воспоминанія благія
 Про мѣръ плѣнительныхъ суетъ,
 Про наслажденья удалыя,
 Про шумъ и пѣсни прошлыхъ лѣтъ
 И въ часъ раздумья и досуга
 Мечта, волшебною рукой,
 Какъ на яву, передъ тобой,
 Въ картинѣ песнрой и живой
 Поставишь недруга и друга: —
 Тебя воспорги обоймушь,
 И взоръ Филолога утрюмой
 Развеселился ясной думой
 И закипитъ ученый прудъ!

* * *

Ц Ы Г А Н К А.

Повѣсть, предлагаемую мною здѣсь чита-
 телямъ, я переписала почти изъ слова въ
 слово съ прехъ листовъ бумаги, въ кошо-
 рой завернушь былъ сюрпризъ для моего
 двухлѣшняго племянника, принесенный изъ
 кандиперской лавки Жоли; — четвертый
 листъ находился шупъ же, — въ немъ, какъ
 я могъ судить по нѣсколькимъ оставшимся
 лоскушкамъ, объяснялись всѣ темныя мѣста;
 но какъ прежде, нежели мнѣ пришло въ го-
 лову пробѣжать такую странную рукопись,
 я выкурилъ двѣ, или три трубки шабаку —
 а челоуку моему вздумалось зажигать ихъ

симъ послѣднимъ листомъ, по возможности объяснишь неясное въ этомъ разсказѣ, не-возвратно поперяна.

Кар — ь.

Едва, едва дымилась шрубка въ рукахъ Капишана; казалось онъ забылъ ее, погруженный въ воспоминанія — и несовершенно пріятныя; — у кого онъ могущъ бышь иныя? — То легкая улыбка, какъ въ весенній день сквозь перелетное облако блестящій лучъ золошаго солнца, появлялась на устахъ его; шо грусть накладывала двѣ, при морщины на высокое чело и шуманила взоры. — « И шакъ, что же въ ипогъ? » сказала онъ съ язвительною усмѣшкою, шакъ знакомою несчастливцамъ; — спойло ли борешься съ неудовольствіями, сражаешься съ неудачами и мучишь себя пошерями, чшобы прожить чешвершь вѣка, дойши до конечнаго неудовольствія?.. Я выразился слабо!.. Нышь, любияшь

дѣвушку, одно мгновеніе видѣнную — на зло разсудку, на зло выкладкамъ приличія — ешь несчастіе; эшо сшраданіе Таншала: душа сгараешъ въ неизъяснимомъ, мучишельномъ пламени; сердце просишь соучасшя — а люди смѣются, или проходя мимо, говоряшь: *Богъ съ нимъ!* — Для чего я не могъ ошашъ ся навсегда въ шомъ безконечно спокойномъ сосшояніи, присовокушилъ онъ, кошорое почпи не лъзя было назвашъ жизнию? Но шѣ годы, а съ годами и шѣ мечшы, съ кошорыми я шакъ весело бросилъ въ вихрь брани, не возвращашъся; они пронеслись — какъ дымные шабачные круги; чшобъ разсѣяшь ихъ не нужно было шакого грознаго урагана, довольно, какъ для послѣднихъ, самаго легкаго вѣшперка.....

Въ небольшомъ Польскомъ городкѣ, вблизи Жидовской корчмы — смошрѣшь на грязную улицу и не думаешь о прошедшемъ — не возможно; слѣдственнно никто не удивилъся шакому сосшоянію молодаго война; — но ска-

зашь ли, что причины гораздо важнѣйшія навели Капишана на раздумье? — Въ шестнадцатъ лѣтъ онъ сдѣлался солдатомъ; до двадцати шести служилъ по совѣсти и честно: когда приказывали, шелъ впередъ, хотя шамъ окашывали пулями, какъ горохомъ, — или споялъ на мѣстѣ въ цѣпи, хотя служилъ цѣлью для мѣшкихъ стрѣлковъ. За то, грѣхъ упайшь: дружно, какъ братья, креспы прикрывали израненую грудь молодого воина — это шѣшило пылкое его честполюбіе; но возвращаясь на родину, онъ узналъ, что отецъ и мать уже не живущъ болѣе, а ими только онъ соединялся съ человѣчеспвомъ..... Разгульная, бивачная жизнь сдружила его съ однимъ Ленскимъ, но роковая пуля подь Парижемъ положила почти замершво лихова удалца; — его увезли въ Россію къ богашому ошцу, вѣрояшно для того, чтообы похоронить на родипельскомъ кладбищѣ — и съ шѣхъ поръ Капишанъ не слыхаль о немъ ни слова.... Много людей встрѣчалъ онъ на свѣ-

шъ, но эши люди, управляемые эгоизмомъ, дѣйствовали опъ него независимо, — онъ былъ зришель эшой всеобщей комедіи, или драммы, какъ хопише — и равнодушный къ людямъ, былъ самъ незанимашельною вещью для людей. — Вопъ эшо нѣсколько помило сердце его, пыльное и чувствительное, желавшее подѣлиться чувствованиями... онъ видѣлъ родъ человѣческой не сквозь очаровательное стекло, зналъ его испорченность и уже начиналъ пренебрегать имъ — худшая степень, чемъ равнодушіе!... Расскажу случай: одинъ изъ его знакомыхъ говорилъ о немъ дурно за глаза; — Капишанъ узнавъ объ эшомъ, спрашивалъ его о причинѣ, побудившей къ такому поступку, — шопъ, не краснѣя, отвѣчалъ ему: не ужели нужны здѣсь причины?.. Я говорилъ о тебѣ дурно пошому, что не лзя же всегда хорошо говорить о людяхъ! — Капишанъ опъ души смѣялся безправственности философа — и уши клеветника оспались цѣлыми.

Около двухъ недѣль жилъ Капитанъ въ мѣспечкѣ — и не могъ забыть того прекраснаго дня, копорый провелъ онъ недавно въ Кіевѣ, въ копорый на общемъ гуляньѣ увидѣлъ милую дѣвушку, цвѣщую какъ юность, прелестную какъ любовь!.. Кшо она, опкуда она, гдѣ живетъ она?.. Эти вопросы не были имъ забышы, но какъ всѣ наши лучшія ожиданія не исполняются, такъ и они предложенные, оспались безъ опвѣщенья.

— О чемъ думаешь, удалой офицеръ? — сказала женщина высокаго роста, копорая оспановившись у окна — и опершись на клюку, казалось, давно разсмащривала его вниматель-но. « О чемъ?.. Какъ бы выгоднѣе передать Жидамъ десять оспавшихся у меня цѣлковыхъ; — чшо же ты качаешь головою, спарушка? » — Нытъ, мой свѣтъ, не ушайшь своего горя, не о шомъ ты думаешь, — а воптъ, покажи мнѣ свою руку, я тебѣ все выскажу вѣрно и не обману.... — О, щайъ

**

ты изъ благочестивыхъ путешественницъ?...
Милоспи просимъ ко мнѣ. —

Спаруха не засшавила повшорить приглашенія, она уже была въ горницѣ: — исполинскій ростъ ея, дикіе блуждающіе взоры навели бы спрахъ на робкую жершву суевѣрія, но Капшанъ, чуждый шакого чувсшва, хотѣлъ шолько себя разсѣять, и въ шупскахъ пропянувъ къ ней руку, просилъ разсказашъ о чемъ онъ думаль, или если бы эшо было шрудно, ошгадашъ, чшо его въ послѣднее время особенно занимало?..

— О мое красное солнышко! ошвѣчала спаруха, разсмашривая чершы руки и вода по ней своими изсохшими персшами, — давно не голубила шебя кровная, давно не шѣшила шебя радосшная улыбка роднаго; безъ шебя ихъ положили въ холодную землю и прикрыли тяжелымъ камнемъ; — а безъ нихъ, ты среди Божьяго свѣша, какъ одинокій крешъ сшоишь и ждешъ, когда свалишся....

« Спаруха! Опъ кого пы знаешь шакія подробности? »

— Какъ опъ кого, неразумный? Да развѣ не говоришь мнѣ рука швоя; развѣ звѣзда швоя не человѣческая, или закрыша шуманами, или не свѣшипъ на красивомъ небѣ?.. Нѣшъ, судьба швоя до сего времени была не красна и не радосшна.... а вошь, здѣсь ли нія свѣшпая и чиспая; бышь шебѣ, добрый молодець, счаспаву, когда не будешь слушашься сердца. — Къ слову, скажи: пы видѣль, не правда ли?

« Чшо же я видѣль? Говори.

— Ну, видѣль золошые креспы, да куполы — обширный городъ, широкую рѣку, — большихъ боярь, да красивыхъ дѣвушекъ....

« О, кшо эшого не видѣль, проживь мои годы!... »

— Нѣшъ, мое солнышко, не хочешь пы понимашь меня; — скажу яснѣе: пы не за

бываешь красавицу, сердце швое зоветь шебя шуда, откуда солнце всходитъ, гдѣ кашился, словно какъ по бархашу завѣшный Днѣпръ; — что жь шы краснѣешь? Быль молодцу не укора; шолько помни, что хопя грѣшься у огня пріятно, но огнемъ же и обожжешься.... Чему дивишься, давъ напередъ мнѣ прочитайшь, какъ по книгѣ, что у шебя написано на сердцѣ?... Послушай, добрый офицеръ, если хочешь жить счастливо, шо приходи сегодня ко мнѣ, какъ смеркнешся, — когда солнце зайдетъ за лѣсъ и при часа проплывушь въ шемношѣ; — шамъ подъ горою, близъ поганой Жидовской корчмы небольшой домикъ; — придешь къ нему, ударъ кольцомъ въ вороша — залаешъ собака, ударъ въ другой разъ — промяучишь кошка, ударъ въ шретій разъ — прохочушь не по чело-вѣчьему, — шы жди не подавая голоса, дождешся меня; — я предшавлю шебѣ, о комъ шы думаешь; разгадаю, что шебя ждешъ въ будущемъ.... а шамъ дѣйшвай, какъ хочешь;

вѣдь знаешь, что люди бѣды называютъ къ себѣ сами, и что счастье и несчастье рождается происходяшь.

Въ полночь Капишанъ былъ у Цыганки; круглое зеркало и восковыя свѣчи въ разныхъ направлѣнiяхъ распавленныя, показывали, что его ожидали. — Капишанъ пошепталъ въ шуское зеркало, оно, казалось, было покрыто темнымъ флеромъ — и въ немъ ничего не лзя было видѣшь... Только, чѣмъ болѣе всматривался онъ, тѣмъ болѣе и болѣе исчезалъ шускъ, разноцвѣтныя коймы, неизчислимыя, какъ цвѣты въ калейдоскопѣ, развиваясь и свиваясь пестрыми въ глазахъ его; то медленно, то скоро, то быстро, то тихо кружились прекрасныя цвѣты розы и василька.... Глаза были подкуплены какимъ-то очарованiемъ, жаль было расщипаться съ эшою волшебною фаншасмагорiею... Вошь широкiя, разноцвѣтныя леншы свились въ клубки, вошь открылось пространство, глаза не находясь ему предѣла, — вошь ус-

становился ландшафтъ : широкая рѣка капиш-
 ся межъ виноградниковъ, — сонныя воды, бран-
 ныя сонмы съ развишыми знаменами шли въ
 различныхъ направлѣнїяхъ, казалось, не бы-
 ло многихъ лѣшъ, или время быспро обра-
 шилось вспяшь; — шакъ, эшо одинъ изъ не-
 забвенныхъ переходовъ въ далекой Германїи,
 эшо опраднй день, въ кошорый онъ извѣ-
 далъ дружбу Ленскаго, — жадно ошановились
 взоры на незабвенномъ юношѣ, шакъ рано
 угасшемъ; — эшо онъ, ловкїй, безпечнй,
 полный жизни.... Вдругъ пошускнѣло зерка-
 ло, разноцвѣшныя коймы замелькали по
 шпоронамъ; вошь пошянулись широкїя цвѣш-
 ныя леншы чаще и быспрѣе, шо волнуясь,
 шо перецушываясь, свиваясь и развиваясь, —
 вошь изъ радужнаго смѣшенїя, неизьяснимо
 какъ, образовался ландшафтъ, ошяшь знако-
 мый и памяшнй: — эшо горы Богемскїя; — влѣ-
 во длинную цѣшью гора на горѣ, какъ буд-
 шо лестница на высокое небо; — жаркїй
 лѣшнй день : знойное солнце палишь уснув-

шую долину, въ кошорой паршія конныхъ
пѣснилась у водооя; — вошь въ споронѣ
большой дороги, кошорая какъ поясъ распя-
нулась по полянѣ, — привязанъ къ дереву по-
лумершвыи цыганъ, уже взведены курки на
писшолешахъ, но — часъ его не пробиль: ро-
ковая пуля свиспишь въ просшранствѣ и,
разсѣкая бесполезно воздухъ, падаетъ без-
сильная на поле земледѣльца. — Кшо жъ даль
другое направленіе высшрѣлу? Капишанъ всма-
шриваешся и видишь самага себя..... Но
зеркало опяшь пошускнѣло, опяшь прошяну-
лись леншы, опяшь изъ безчисленныхъ цвѣ-
шовъ образовался красивый ландшафтъ: —
большой садъ, полный народомъ, благоуханіе
весны расшворяло воздухъ, радость и без-
печность водили шолмы, жаждавшія удоволь-
ствія, — онъ видишь дѣвушку, кошорую
сердце ошгадываетъ безъ имени, кошорая
знакома безъ словъ.... Чаше мѣняющся изо-
браженія: шо онъ находишь ее въ сельскомъ
удиненіи, шакъ же прелешною и изящною;

шакъ же привлекашелою ; шо въ бесѣдкѣ изъ
 просныхъ акацій, въ сумрачный вечеръ, ког-
 да нѣга и пайна роскошеспвуютъ на землѣ;
 увлекаемый безконечнымъ могущеспвомъ спра-
 ши, онъ у ногъ ея, говоритъ о любви сво-
 ей; — его слушають охотно, но печально—
 и вдали накашываються ужаснѣе и ужаснѣе
 шемныя шучи.... Вдругъ карпина измѣни-
 лась: милая красавица въ объятіяхъ другаго—
 ласки, но не любви и нѣжности распоча-
 ются... Нѣтъ, шяжкая плаша обязанности,
 приневоленная жершва ошдается ею друго-
 му; — кшо онъ, жалкій?... Трепеща взгля-
 дываешь Капитанъ на лице ненавистнаго
 властелина красавицы; — ужасно!... Эшопъ
 блѣдный, достояніе гробовъ, минущный гостъ
 прекраснаго міра, давно погибшій — но не-
 забвенный Ленскій!... Грустное чувство,
 какъ испребляющій пламень, обняло Капита-
 на, голова его закружилась, мысли безъ цѣ-
 ли, безъ предмета, какъ формы безъ веще-
 шва, стремились одна за другою; — еще;

еще мгновение, духъ занялся и лишенный чувствъ, онъ упалъ на руки вспревоженной Цыганки.

Изъ высокаго лѣса вилась дорожка на красивыя, большія поляны; — вдали блеснѣль шпиць деревенской церкви и домики мелькали по скашу горы.... Тихо по дорогѣ ѣхаль эскадронъ драгунъ, получившихъ по новому размѣщенію кварширы въ деревнѣ; — вошь, они вспѣнили чистую струю небольшого ручья, кошорый весело и безпечно журчалъ въ полянѣ, вошь живой конь офицера свернувъ кольцомъ гордую шею, красивымъ галопомъ поскакалъ на гору, — офицеръ въѣхаль въ деревню, и прямо къ господскому дому; — шамъ вѣрно ждали его: все суешилось, все гошовило ласковый приѣмъ, — вошь милая хозяйка, съ привѣпливостію Русскою встрѣшила гостя.... офицеръ взглянулъ.... Боже

мой! Все, что пошло, что обольщало, что сославляло блаженство и шагость бытия для него въ послѣдніе годы — все изобразилось ему при взглядѣ на прекрасную двадцатилѣтнюю женщину. — « Такъ не льстивый призракъ обольщаль меня, сказала онъ глубоко въ душѣ своей и голосъ замеръ на устахъ.... Такъ ворожба швоя, Цыганка, не была тщешный сонъ, кошорый очаровываль и пугаль мое воображеніе! »

Въ спрасшномъ упоеніи жилъ Капишанъ вблизи прелешной своей знакомки. — Онъ видѣль ее разъ на гулянѣ въ общеспвенномъ саду Кіевскомъ, — въ другой въ очарованномъ зеркаль Цыганки — и съ шѣхъ поръ много прошло времени, но забышь не могъ онъ ни привлекательной наружности красавицы, ни спраха, въ кошорый приведенъ былъ гаданіемъ. — Различныя чувшва боролись въ груди его: разумъ усшупаль замѣшнѣе и замѣшнѣе, наконецъ, свирѣпая спрасшь

заглушивъ послѣднія усилія слабаго благоразумія, влилась въ кровь несчастнаго.

Къ чему же послужило гаданіе? Остановило ли оно опредѣленное судьбою, или придавъ силы разсудку и доброй волѣ, опклонило бѣдствія?.. Нѣшь, нѣшь; эша неземная красота, копорой улыбка была неизъяснимо сладостна, копорой чувствованія были очаровашельно возвышенны, копорой душа чистая и мечпашельная свѣпилась въ большихъ лазоревыхъ глазахъ; — она опрадная, какъ поэзія — вмѣспила въ себѣ всю неизмѣримоспѣ блаженспѣ для пылкаго воина.... Любви нераздѣльной, всеобъемлющей пребовало сердце его; любовь пылкая, всесокрушающая дарилась ему — и онъ въ спраспныхъ восторгахъ горячими поцѣлуями шушилъ тихій ропошѣ спыдливости.

Но были минушы — и часпо, въ копорыхъ онъ вспоминаль, что любимая имъ женщина принадлежишь другому, что поцѣлуи, горя-

щіе на устахъ ихъ, какъ грѣхи насчишывающія невидимымъ геніемъ — и что книга судебъ страшна для нихъ... О, какъ часто восклицалъ онъ: «зачѣмъ мы узнали другъ друга, къ чему роковыя пули щадили меня въ то время, когда сошни людей падали, къ чему ядъ заразы не проникъ въ кровь мою, когда полумертвый лежалъ я, между шолпами спраждащихъ, въ одномъ изъ пѣхъ обширныхъ преддверій гроба, которыя образуются въ години войны?... Но легкой шопощъ, привѣшливый взглядъ, безмолвное покашіе руки — пышной, алебасровой — эшо аромашное, какъ испареніе розы, дыханіе, кошорое онъ вливалъ въ себя, раждали въ немъ буйныя, пламенныя желанія — заглушали минушнй голось совѣспи, и ропощъ души встревоженной пресщупленіемъ, умиралъ, какъ звонъ колокольчика въ глубокой долинь.

Падать не лзя было болѣе; но спасшсь еще было время, когда въ одинъ изъ пре-

красныхъ лѣшнихъ вечеровъ, къ влюбленной чепъ, въ дубовой рошъ, предспала неизъяснимая Цыганка: мушныя глаза, въ безпорядкѣ вьющіяся волосы, одежда небрежная и запыленная — все показывало въ ней неспокойное расположеніе души.

— Худо, воинъ, шы поняль мои гаданія, сказала она — и по несчастію я не могла ошвесць шебя опъ бездны, въ кошорую шы такъ жадно спремишся — и я ли виноваша въ шомъ?.. Желъзо, обращенное въ плугъ, приносишь поселянину благодѣтельную пользу; но обращенное въ широкій ножъ, въ рукахъ разбойника на большой дорогѣ, разсѣкаешъ связи общеспвеннаго довѣрія, и гибельно для человѣчеспва... Свяшое чувшво къ прекрасной женщињ, пѣснящееся въ грудь юноши, кошорое люди называютъ любовью, ешь наслажденіе, очарованіе жизни; но оно же безъ чистоты нравспвенной, не освященное религіею, влечешъ къ порокамъ. Послушай меня: можно ли опредѣлишь часъ, когда

разбойникъ перестанешь губить души, судья нецраведный чинишь расправу не по совѣспи?... Дай же мнѣ руку, солдашъ, — за доброе дѣло я плачу тебѣ, — слѣдуй за мною, только минуша оспаеися для швоего спасенія; слѣдуй за мною!... Уже Капишанъ, увлекаемый какою-шо мощною, сверхъестественною силою, бѣжалъ за сшранною женщиною, съ быспрошою удалявшеюся изъ роши; уже онъ хопѣлъ зайши за деревья — и милая, единшвенная подруга, кошорую любилъ онъ въ мѣрѣ, скрылась бы опшъ глазъ его — и на вѣки; — кто бы не рѣшился оглянушься?... Онъ ошановился, взглянулъ... печальная, унылая — она спояла шамъ, прислонясь къ дереву, плашокъ бѣлѣлся въ рукахъ ея, конечно омоченный слезами опчаянія и любви? И можно ли ошавишь ее на вѣки, не просишься? Бросишь навсегда въ жершву помишельной ревности безумнаго мужа, опчаянной злости его неудовлешвореннаго оскорбленія?... Нѣшъ, я бѣгу къ ней!... Мысль

полько мелькнула въ умѣ, и онъ уже лежалъ у ногъ печальной красавицы....

Цыганка исчезла, вода закипѣла въ ближнемъ ручьѣ, кукушка вылетѣла изъ гнѣзда, оспавя на произволь случая пшеницъ своихъ; сверчокъ запищалъ въ сосѣднемъ спроненіи.... Это мгновеніе было дѣйствительно ужасно!...

На другой день хозяинъ дома пріѣхалъ — мраченъ и суровъ, какъ осенняя ночь; онъ увидѣлъ Капишана и улыбка на незнакомомъ ей лицѣ пробѣжала мгновенно, подобно блуждающей звѣздѣ; но въ этой улыбкѣ не было жизни, не было увѣренія, что сердце согласно съ лицемъ.... Холодное ли пожатіе руки должно было ознаменовать радостное свиданіе послѣ долгихъ дней разлуки?.. Ты ли это юноши, благородные, пылкіе, кощерые на оспрѣ своихъ сабель положили завѣщаніе — живи друзьями, умери друзьями?.. Такъ, это они, но это люди!...

Пустынный пошокъ, оборвавшись съ крупицы; не бѣжипь тихо — онъ будипь мершвую долину своимъ дикимъ шумомъ; шакъ пылъ спрастей не скрывается въ душъ челоуѣка.... Скоро холодные друзья сдѣлались непримиримыми врагами, и ненависть закипѣла въ сердцахъ, въ кошорыхъ въ продолженіе восьмилѣтней разлуки, болѣе или мене шеплилось чувство взаимной любви!..

Нѣшь, ищише досшоинствъ въ челоуѣкѣ молодомъ; разсмапривайше юношу, какъ образець шворенія Вседержипеля; мужъ, взросшій въ школъ опыта и бѣдствій, дорогою цѣною плашипь за жалкое благоразуміе, приобрѣшенія ума дѣлающся на счетъ пошеръ сердца. — Вы согласипсь, если разсмаприте въ черсахъ лица юноши эшу гордую улыбку въ бѣдѣ, — эшо благородное довѣріе къ себѣ въ важнѣйшихъ случаяхъ, эшо самоопроверженіе, эшо пренебреженіе къ жизни, полной радостей; ибо свѣшь очамъ его изобраается въ какомъ-шо очаровашельномъ образѣ,

и сравните эшого полубога съ шѣмъ расчешливымъ шоргашемъ, кошорый не дѣлаешъ шагу, не опредѣливъ напередъ своихъ выгодъ, не убѣдясь въ своей безопасности, для кошораго равно смѣшны изящное и высокое въ людяхъ; ибо онъ считаешъ ихъ ничтожными тварями — и кошорый, по совѣспи, не ошдаспъ минушы своей жизни за величайшее дѣло....

Ленскій былъ чернѣйшій человекъ, но чиспъ ли былъ передъ нимъ его бивачный поварихъ?... Ленскій въ шинѣ почилъ кинжалъ и выскивалъ мѣсто, въ кошорое бы ловче вонзихъ его, — Капиха, казалось, явно гошовъ былъ сдѣлашъ шоже.... Одинакія мысли привели къ одной цѣли, и вскорѣ послѣ прїѣзда господина своего, земледѣльцы, работая на полѣ, слышали за перелѣскомъ пистольшныя выспрѣлы.... Сшадоронъ поднялось надъ лѣсомъ и пошянулось на западъ, — добрые крешьяне перекрешлись, сказали: « съ нами крешная сила! » — и съ шецлою вѣрою, чуждые ушонченной зло-

★★

бы, какъ наши счастливые праотцы, продолжали работу....

Похоронный маршь — эта печаль, пере-
лишая въ звукъ, шихо умеръ въ воздухъ, раз-
спилаясь надъ кладбищною рощею. — Тѣло
офицера опускали въ могилу, послѣдній залпъ
раздался въ честь лихаго рубаки, и сердце
его не затрепешало опъ выстрѣловъ; — груст-
ною шолпою офицеры приближались къ вѣч-
ному дому поварища — и, какъ заботливые
братья, желая пріюпитъ его, засыпали зем-
лею могилу... Слезы, какъ перлы блиспали
на многихъ рѣсницахъ....

Въ то время, въ шолгъ собранной любо-
пытшвомъ и праздносшю, спояла женщи-
на; много лѣшъ прожила она — эшо доказы-
вали морщины; но глаза сохранили еще бы-
валый огонь и свѣшились, какъ яркое пла-
мя. Эшо была Цыганка, незнакомая офице-

рамъ и окрестнымъ жишелямъ; — народъ разошелся по домамъ, ночь спановилась глуше и глуше, женщина не оспавляла могилы; казалось, въ ней она схоронила всю любовь свою.... Она шосковала, она плакала, какъ плачущь ошъ сердечной гореспи — и когда на ближней колокольнѣ часы пробили полночь, шо кшо-шо шепошомъ позвалъ ее, она встрепенулась, накинута большое бѣлое покрывало на голову и пошла скорыми шагами на голось. — Долго, посреди мрака, видѣлось развѣваемое въшромъ покрывало — и суевѣрные люди, удивленные нечаянностію произшесшвія, говорили, что привидѣніе блуждало на могилѣ усопшаго.....

Увѣряш ли, что это произшесшвіе ишпинное?...

УСЛУГА ОТЪ МЕДВѢДЕЙ.

(Быль.)

Ужъ осень очень глубока :
 Пустынный лѣсъ, полный рѣка;
 Краснѣетъ даль главою кудрявья рябины,
 И грибъ и груздь подъ соль идѣтъ,
 И сушишся запасъ душистыхъ малины
 И щепельковыя собираются въ оплѣтъ
 Куда-то за море касатки . . .
 Хозяйка въ огурцы кладетъ пахучій пшеницъ.
 Пустнѣетъ огородъ, поля и нивы гладки;
 Но пахнетъ лакомо дымящійся овинъ
 Зерномъ подсушеннаго хлѣба
 И вопъ ужъ сумерки подкрались какъ-то съ неба,
 Осенній день за вечерѣтъ
 И спрашный Брянскій лѣсъ шемнѣтъ, шемнѣтъ;
 На споронѣ маячилась избушка,
 Въ ней жилъ Миронъ съ женой и матерью спарушкой.

Воптъ къ нимъ спучашъ : « пусптише на нощлегъ !
« Мы двое въ чепверомъ , но нѣштъ опъ насъ помѣхи ;
« А завпра вамъ доспавимъ смѣхъ ,
« Пирушку съ пляской и попѣхи ! »
То были два поводыря
И съ ними два огромные медвѣдя.
Мужикъ гостей благодаря ;
Сказалъ мальчицкѣ : « ну , братъ , Феда !
Сведи ихъ на сарай , а ужинашъ со мной ;
Я новосель ; въ избѣ намъ не гдѣ помѣспитъся :
Живу съ спарушкою , съ парнишкой , да съ женою . »
Воптъ ужинѣ прочъ и всякъ въ своемъ углу ложишся ;
Но госпию одному не спитъся :
Здоровъ и нѣ сенѣ , и хорошо поѣмъ
И ужъ медвѣдь его , свернувшись , закрапѣлъ ,
Товарищъ пожъ крапитъ изъ всей поры и мочи . —
Ужъ время близко полуночи ,
А къ госпию все не сходишъ въ госпи сонѣ ,
И вдругъ почувалъ онъ
Какой-то шумъ , какой-то спонѣ пропаяжной . . .
Могучій , молодой и по душѣ опважной ,
Онъ изъ сарая вонѣ , глядишъ , глядишъ ;
Изба въ огнѣ , но не горитъ !
Онъ подѣ окошко : видишъ . . . Худо !
Вапага удалыхъ , ихъ было семь на счетъ ,
(Въ спранѣ лѣсной , въ глуши безлюдной)
Хозяина , скрутивъ , на вендикахъ печетъ

И гаркають : « давай казну ! » Жена — хозяйка
 Тожь связана ; — вошь нашъ къ поварицу : « вставай-ка !
 « Смопери : вошь пакъ и пакъ ! Медвѣдей прочь съ цѣпей
 « И по дубинѣ имъ : скорѣй , скорѣй ! » —
 Вспають , бѣгутъ къ избѣ — шамъ двери на запорѣ ;
 Но вѣдь не свой же братъ медвѣдь ! .. Не шутишь въ спорѣ ;

При шомъ звѣрей полкнули подъ бока :
 « Бей , Мцшка ! Машка , бей ! ... И двери розно !
 И входящъ виписи съ дубинами , прегрозно .

Ошъ радости у мужика
 Душа дрожишь ; а воры кшо-куда попало ;
 Однакожь имъ на пай порядочно доспалось !

Связали нѣсколькихъ — и въ земскій судъ —
 И судьи — если мнѣ раскащики не лгутъ —
 Медвѣдей на лице , по формѣ призывали :

Ужь разумѣшся , они желали
 Удосповѣришься , узнатьъ ,
 Хошя бы съ спавкою очною ,
 Что могутъ иногда , порой иною ,
 И не люди людей спасать !

Ө. Глинка.

А. Н. В — У.

Помнишь ли, мой другъ заспольной,
Какъ въ лѣсу, порою пьемы,
Праздникъ молодости вольной
Вмѣстѣ праздновали мы?
Хмѣля сладостнаго полны,
Мы лежали, а вдали
Двухъ коспоровъ живыя волны
Разливались и росли;
Мы смотрѣли яркимъ окомъ
На поварищей: они,
Въ соспязаніи высокомъ,
Буйно-смѣлы, легкимъ скокомъ
Пролетали чрезъ огни!
Въ насъ кипѣла, въ насъ бурлила
Чародѣйственная сила
Думъ разгульныхъ, удалыхъ,
Чиспыхъ, гордыхъ и сваяныхъ!

Помнишь ли, какъ нѣжно-пылки,
 Въ чesпѣ божественной, вдвоёмъ
 Пили, били мы бупылаки,
 У пруда, передъ коспромъ?

Такъ я жилъ, во время оно,
 Здѣсь въ Нѣмецкой споронѣ,
 Романшической, ученой
 И когда-то милой мнѣ;
 А шеперь — шокъ да лѣни
 Беззаботно предаю
 Упро свѣпльыкъ вдохновеній,
 Юносшь добрую мою:
 Не шумящъ мои досуги,
 Не поропися мой прудъ;
 И порой, какъ въ мой приющъ
 Праздномыслящіе други
 Ненарокомъ забредуть: —
 Молодцовъ любезныхъ шайка
 Спанешъ въ кругъ, середъ двора, —
 Часть и два насъ пѣшипгъ свайка,
 Право славная игра!
 Разговоръ небрежно-сонный:
 Хохопъ, споръ и крикъ... но вопъ
 На лазурный неба сводъ,
 Свѣпочъ мрака благосклонный,
 Мѣсяцъ пышно воспашетъ;

Всѣ уйдушъ — и я на ложе
Повергаюсь въ пишинѣ —
И надежда: завпра шоже,
Усладипельна ли мнѣ?..

НА СМЕРТЬ ДВУХЪ ДѢВИЦЪ

М. и Г. ТАТИЩЕВЫХЪ.

(Посв. ихъ неутѣшной матери.)

Безпечныя! Въ одеждѣ снѣго-бѣлой,
Въ вѣнкахъ изъ розъ на дѣвственномъ челѣ,
Не видяшъ слезъ онѣ семьи осиротѣлой;
Какъ ангелы, пришельцы на землѣ,
Онѣ вокругъ мамери порхали
И грудь страдалицы, сраженную поской,
Онѣ улыбкою одной!
Какъ нектаромъ небеснымъ услаждали. —

Уже грядущаго оправдую зарю
 Въ мечтахъ вспрѣчала мать : когда съ благословеньемъ
 Дѣвъ юныхъ поведешъ къ святому алтарю ;
 Когда съ мольбой и умиленьемъ ,
 Прижавъ къ груди предметъ и радости и слѣзъ ,
 Ихъ чела осѣнишъ вѣнкомъ изъ брачныхъ розъ . —
 Сбылись мечты ! Она во храмѣ ,
 Предъ алтаремъ проспершая въ слезахъ ;
 И дѣвы юныя въ вѣнкахъ
 Увы , предъ ними въ ошчямѣ
 Пылаешъ шрепешной спруей
 Не брачный пламенникъ , но факель гробовой !
 О мать ! Не орошай слезами пепель милый ,
 На упрѣ дней онѣ , какъ розы , опщѣли .
 Чшо мѣръ для нихъ , гдѣ мы помимся до могилы ?
 На небесахъ онѣ опщизну обрѣли !
 Ахъ , все прекрасное цвѣшетъ не для земли !

П. Ободовскій.

СОЛНЦЕ И ДОРОЖНЫЙ.

(Басня.)

Дорожный мужичокъ покушашъ закопѣлъ ;
Развелъ огонь — и коптикъ закипѣлъ.
Вопъ солнышко пришло въ недоумѣнье
И мужичку съ досадой говоритъ :
« Возможно ли ! Тогда, какъ все шворенье
За каждый лучъ меня благодаритъ —
Передъ побой огонь горишь ! » —
Не спорю я со свѣпюснїю вашей ,
Сказалъ мужикъ съ улыбкою въ отвѣтъ ,
Вашъ лучъ живитъ и грѣетъ цѣлый свѣтъ ,
Да въ голодѣ не кормитъ кашей.

0

В Ы В Ъ С К А.

(*Разсказъ Путешественника.*)

Хлопъ, хлопъ, хлопъ! Бичъ моего почшальона раздался въ воздухъ и перервалъ упренную мою дремошу, наведенную пасмурною, дождливою погодою и однообразнымъ качаньемъ коляски по весьма не живописной дорогѣ. Почшальонъ соскочилъ съ сѣдла, опперъ дверцы коляски и почшипельно снимая шляпу, сказалъ мнѣ: « Милоспивый Государь! Вы благополучно прибыли въ Вердѣнь; гдѣ вамъ угодно будешъ ошановишься? »

— « Гдѣ самъ знаешь, другъ мой; по мнѣ все равно.

— « Въ шакомъ случаѣ, я приму смѣлость рекомендовать вамъ трактиръ на почтѣ. Это лучший въ городѣ: всѣ иностранные Принцы, всѣ знашныя путешественники въ немъ ошанавливаются. »

Я кивнулъ головою въ знакъ согласія; почтальонъ снова вскочилъ на сѣдло, бичъ его снова захлопалъ и звонко ошавался по узкимъ улицамъ города. Черезъ нѣсколько минутъ, мы ошановились у почтоваго двора, и хозяинъ трактира, вызванный на улицу со всею своею челядью привѣшливымъ спучкомъ бича, подошелъ ко мнѣ, приподнялъ свой черный шелковый колпакъ и, рассыпаясь въ учтивостяхъ, просилъ сѣлать честь его *заведенію*.

Хозяинъ, сухой, какъ ученая розысканія нѣкошорыхъ аншикваріевъ, и блѣдный, какъ муза нѣкошорыхъ элегическихъ поэшовъ, по-

вель меня въ общую залу, засыпая на каждомъ шагу градомъ вопросовъ, догадокъ, предположеній и шому подобнаго; а между пѣмъ онъ находилъ еще досугъ отдавать приказанія шракширному слугѣ, служанкѣ и двумъ поваренкамъ. Все это говорилъ онъ съ необыкновенною скоростію, какъ бы боясь, что бы кашель и удушье, кошорымъ онъ былъ подверженъ, не пресѣкли у него рѣчи. Вопъ его-шо безъ грѣха можно было назвать, по поговоркѣ его единоземцевъ, *словесною мельницей* (moulin à paroles): опъ роду я не видывалъ такога словоохотнаго и несноснаго болшуна и распрощика, даже и изъ его брашья шракширщиковъ.

Въ первой комнашѣ, за щеголевашою конпоркой краснаго дерева съ бронзовыми прикрасами, сидѣла молодая, пригожая дѣвушка съ прелестными черными глазами, въ кошорыхъ свѣшился огонь чувшва. Она была одѣша не нарядно, но очень къ лицу и шакъ ловко, какъ шолько умѣешь одѣшья двадцаши-

лъпняя Французенка. Если бѣ были еще въ модѣ чувспвишельныя пупешествія во вкусѣ Женевца Верна, то я описаль бы вамъ всѣ складочки ея плашья, всѣ сгибы, уголки и наклонъ ея шока, и во всемъ эшомъ искаль бы ключа къ душѣ, склонноспямъ и привычкамъ красавицы; но шеперь, на бѣду намъ пупешественникамъ, наспаешъ вѣкъ взыскапельной сущеспвенности и опъ писапеля шребуюшъ поменьше мечшашельности и но-больше дѣла.

— « Дочь моя! » сказалъ шпакширщикъ, оборошясь къ пригожей коншорщицѣ: поспарайся, чтобы шребованія эшого господина вышолнялись съ возможною почноспію и поспѣшноспію. Смѣю спросишь, милоспивый государь, о вашемъ доспоинствѣ: вы Графъ, или Маркизь? »

— « Ни шо, ни другое, г. хозяйнѣ. Я про-сто Руской пупешеспвенникъ, дворянинъ, »

если вамъ нужно это знать, и вошь все, что могу вамъ объявишь о себѣ.

— «О, разумью! Вы, господа Рускіе Князья, изволише ушайвашь высокій вашъ родъ по понкому чувспву снисхожденія, чшобъ уволишь насъ, бѣдныхъ мѣщанъ, опъ должныхъ вамъ почешей. Но мы поже знаемъ свой долгъ.

— «Я вамъ сказалъ о себѣ сущую правду. Прошу васъ не величашь меня шѣми пишупами, кошорыхъ не имѣю, если не хопише меня огорчишь.

— «Вижу, что вамъ угодно соблюдашь спрое *инкогнито*. Извольше, пусть будетъ по вашему: я поже умѣю кшаши бышь скромнымъ.»

Несмотря на это обѣщаніе, когда онъ ввелъ меня въ залу, шо по всему видно было, что онъ гошовъ былъ спуспишь съ языка какую нибудь нелѣпосшь въ родѣ сказан-

ныхъ имъ прежде. Къ счастію, я взглянулъ на него во время, и мой взглядъ наложилъ на него оприцаштельную скромность.

Въ залѣ сидѣлъ толстый, рыжеващій Англичанинъ, съ багровыми щеками и носомъ, съ лицемъ, на кошоромъ рука покойной г-жи Дю-Дефанъ шакже легко могла бы обманушься, какъ и на лицѣ соплеменника его Гиббона. Голова его, за недоспашкомъ шеи, покоилась на груди; лучи свѣша скоплялись на величавой его лысинѣ, какъ будшо въ фокусѣ зажигащельнаго спекла. Разспавя врознь мясиспья свои ноги, укушанныя въ длинныя шшивлешы дикаго казимира, Англичанинъ преспокійно и безошвѣшно выслушиваль льспивыя привѣшсшвія и корыспшныя предложенія малорослаго Ишпаліянца, бродящаго художника, кошорый вершѣлся и прискакиваль около него, какъ кошка около жирнаго куска говядины. Рядомъ съ Англичаниномъ сидѣла, и шакже безмолвно, его сожшщельница, высокая, сухая, съ однимъ изъ

**

тѣхъ холодныхъ женскихъ лицъ, на копоря боишься сморѣть, чшобъ не проспудишь себѣ глаза. По всему видно было, что эша чеша, копорой Ишаліанецъ пакъ щедро распочаль названія: Signor Milordo и Signora Milorda, — была чеша купцевъ изъ Лондонскаго City, переѣхавшая на швердую землю поважничать передъ чужеземцами и вымещать на нихъ смѣсь и презрительные взгляды, какими съ избыткомъ и мужа и жену дарили въ Лондонѣ богатые ихъ сограждане. — Четвершое лице, изъ находившихся въ залѣ, былъ Французъ самой подозрительной наружности. Онъ похаживаль по комнатамъ, поглядываль шо на шого, шо на другаго, ошпанавливался, прислушивался и изрѣдка пожималь губами.

Дурная погода производить на меня весьма сильное вліяніе: она совершенно владѣеть нравственнѣмъ моимъ расположеніемъ. То, что въ ясный день забавляло бы меня и смѣшило, въ пасмурный и дождливый вы-

водишь изъ шерпѣнія. По сему-шо и въ Вердѣнской гостиницѣ все было не по мнѣ, все досадно: и болшлivosть хозяина, и спѣсь Англичанъ, и низосъ Ипаліянца, и приглядыванье и подслушиванье неблаговиднаго Француза. Эшо пагубное вліаніе усилилось даже до шого, что красота молодой коншорщицы начала мнѣ казаться самою обыкновенною, а скромный ея видъ жеманшвомъ провинціальной кокешки. Наконецъ, не въ соспоянніи бывъ долѣ сносить сего досаднаго ощущенія, схватилъ я шляпу, и не сказаъ никому ни слова, на зло погодѣ и своему здоровью, пушился бродить по улицамъ.

Я за правило себѣ положилъ въ моихъ путешествіяхъ, вездѣ осмошрѣшь, развѣданы и *отвѣдать*, чѣмъ славится какое-либо мѣсто. Особливо послѣднее наблюдалъ я во всей строгосши, и не безъ причины: въ винахъ, пладахъ и лакомствахъ, кошорыя опвѣдывалъ я на мѣстахъ, гдѣ они родятся или

длаюшся, — визнавалъ я вкусъ, склонности и досужество жишелей и шьмъ распроспра- нялъ кругъ моихъ нравспвенно - экономичес- кихъ наблюдений. И здѣсь, едва вышелъ я на улицу, какъ вспомнилъ, что Вердёнъ сла- вишся своими конфектами, извѣсными во Франции подъ именемъ dragées de Verdun. Не шрудно мнѣ было ихъ опшискашь: въ рѣдкомъ домѣ, особливо на главныхъ ули- цахъ, не было вывѣски конфешчика; я за- ходилъ къ каждому, покупалъ по цѣлому па- кету и все эшо складывалъ въ огромный боковой карманъ широкаго моего спранни- ческаго плаща. Нагрузясь такимъ образомъ, возвратился я въ свой шракпиръ, съ хоро- шимъ запасомъ для послѣобѣденнаго моего десерша въ коляскѣ.

Уже я всходилъ на лѣшницу, какъ оборо- шясь назадъ, увидѣлъ на другой споронѣ улицы очень замысловашую вывѣску. На ней было намалевано обыкновенное цирюльничье блюдо, съ такою надписью: *Солнце свѣ-*

титъ для каждаго (Le soleil luit pour tout le monde). Воображеніе пошчасъ сказало мнѣ, что хозяинъ эпои вывѣски долженъ бытъ человекъ необыкновенный, человекъ.... человекъ.... словомъ, другой Фигаро; любопытство подшакнуло воображенію, прибавя, что мнѣ непременно надобно съ нимъ познакомиться. Я оспановился на минушу, въ раздумѣ снялъ шляпу и повелъ рукою по волосамъ, послѣ по бородѣ, нашель, что и пѣ и другая ошросли и что мнѣ не лзя продолжашъ пушешествія въ шакомъ видѣ, если не хочу пугашъ собою всшрѣчныхъ: сѣмая основашельная причина, зайши къ цирюльнику и продлишь у него мое засѣданіе! Не будь эпои причины — я нашелься ъ въ великомъ запрудненіи: любопытство мое было сильное, и я избаловаль въ себѣ эшу наклонность пѣмъ, что всегда слѣдо выполнялъ ея прихопи; къ шому же, не въ похвальбу сказанъ, я человекъ совѣспливой: не люблю даромъ ошнимашъ у людей время, особливо

у художниковъ. Въ шакомъ бореніи двухъ враждующихъ между собою чувствъ, не знаю, на что бы я рѣшился: можешь быть — до чего не доведешь обладающая спрось! — можешь быть, я рѣшился бы вовсе безъ нужды пуспшишь себѣ кровь или вырвать зубъ, лишь бы полько въ угоду любопытству, познакомишься съ цирюльникомъ и вывѣдашь его похождения.

Уже я перескочилъ черезъ улицу — и въ эпомъ должны мнѣ повѣришь: не полько въ провинціальныхъ городахъ Франціи, но даже и въ самомъ Парижѣ есть шакія улицы, черезъ копорыя безъ пруда можно перепрыгнуть въ одинъ скачекъ. Короче: я въ лавкѣ цирюльника. Ко мнѣ подошелъ высокой, спашной молодой мужчина, съ пріятнымъ лицомъ, кудреватыми, черными волосами и большими бакенбарщами, подровненными волосокъ къ волоску. « Въ чемъ нужны вамъ мои услуги, милоспивый государь? » спросилъ онъ; и я,

безъ дальнихъ околичностей, указаль ему на свою бороду и голову.

— « А, понимаю, сударь! Васъ нужно обришь, оспричь, завишь и причесашь по самой послѣдней модѣ; не правда ли? »

Я мигомъ сдѣлаль свои соображенія: все, что предлагаль мнѣ цирюльникъ въ своихъ догадкахъ, взяшое вмѣстѣ, займешъ его долѣе, и слѣдовашельно дасшь мнѣ болѣе времени поразговориться съ нимъ и поразспросишь его.

— « Правда, другъ мой; шы опгадалъ. »

— « Ребяша! Басшьень, Жано, Блезь! »
И при мальчика въ бѣлыхъ фаршучкахъ и съ волосами въ бумажкахъ, явились на зовъ своего хозяина.

— « Мигомъ: горячей воды, бришовный приборъ, ножницы, гребни; что бы завивальныя щипцы были на жару.... Я самъ буду имѣшь чесшь убирашь господина. »

Покуда мальчики управлялись, я окинулъ глазомъ вокругъ себя. Комната была убрана очень опрятно, и даже съ нѣкошорою роскошью: столы, стулья и прочая мебель красного дерева, на окнахъ чистыя кисейныя занавѣски. Большое зеркало висѣло между двумя окнами; подъ нимъ на столѣ, разослана была синяя салфетка съ красивыми узорами, а на ней разложены были бритвы въ разныхъ футлярахъ. Другое большое зеркало (*psyché*) стояло у глухой стѣны, а на другой сторонѣ у стѣны же, шкафъ со стеклами, задернутыми шафшою; на шкафѣ лежала гитарра. Хозяинъ стоялъ предомною въ плащѣ тонкаго сукна и довольно новомъ, съ тонкимъ чистымъ фаршукомъ, который нашелъ онъ пайну какъ-то щеголеваго опоясавъ вокругъ штала.

— По всему видно, другъ мой, что ты доволенъ своимъ состоянiемъ, » сказала я ему.

— « Не жалуюсь, сударь: я имѣю довольно обширную практику. Г. Меръ здѣшняго города никому, кромѣ меня, не хочешь вѣришь головы и бороды своей; всѣ, кто познашнѣе и побогаче, также ко мнѣ идушь или за мною присылаюшь, не счишая молодыхъ и пожилыхъ модницъ, кошорыхъ и здѣсь, какъ и во всякомъ другомъ городѣ Франціи, можно бы набрать порядочный легионъ. И вошь не давно еще была у меня депушация ошъ опцевъ Іезуишовъ, чшобы я взялъ на свое попеченіе ихъ головы, когда они оснуюшь свое пребываніе въ нашемъ городѣ.

— « Берегись, мой другъ, шы возбудишь во мнѣ зависшь.

— « Ахъ, сударь! Учасшь моя шочно была бы завидна, еслибъ не вмѣшались сердечныя обшпояшельшва....

— « Ты несчастливъ, мой другъ, » вскрикнулъ я, не давъ ему кончить; « въ швомъ

лѣта, съ швоею наружношю, съ швоимъ паланпомъ — несчастливъ въ любви... Можно ли эшо! Кшожь эша жестокая? Расскажи мнѣ печальную швою повѣшь.»

Многіе конечно подивяшся шакимъ восклицаніямъ; но эшо съ моей шпороны былъ поже небольшой расчешъ. Я зналъ, что ничѣмъ нельзя легче распрогашъ и задобришь Француза, какъ учасіемъ и будшо бы невольно сказанными привѣшшвіями — и не ошибся. Цирюльникъ мой приосамился, слегка пощипалъ себя за бакенбаршъ и сказалъ:

— « Вы напрасно назвали дѣвицу Селину Террье жестокою: скажу вамъ, что она не равнодушна была къ шѣмъ небольшимъ дошпоиншвамъ, копорыя вамъ угодно было во мнѣ найши. Нѣшъ, милосшивый государь! Возьмише назадъ свое обвиненіе! Моя Селина имѣешъ не каменное сердце. Вы ее видѣли, вы должны были ее видѣшь; скажише, похожа ли она на жестокую? »

— «Какъ! Эшо....?»

— «Эшо дочь стараго, удушливаго скряги Террье, содержашеля гостиницы, чшо на почщѣ, гдѣ вѣрно и вы ошановились.

— «А, а!... поздравляю: шы умѣлъ вы-
братъ по себѣ.

— «Не правда ли, сударь?... Скажу вамъ
больше: и повѣсть моя не шакъ печальна,
какъ вы думаете. Въ ней есть конечно шем-
ная пшшна, за шо есть цѣлыя полосы и
другихъ цвѣшовъ, посвѣшлѣе и повеселѣе.

— «Любопышенъ бы ее слышатъ: эша
пестроша общаетъ въ ней чшо-шо очень
цвѣшисшое, и я давно уже предубѣжденъ въ
пользу повѣшповашеля.

— «О, сударь! Вы слишкомъ милосшивы,
примодвилъ онъ шихимъ голосомъ; съ скром-
нымъ, но довольно въ себѣ увѣреннымъ ви-
домъ. «Впрочемъ, чшобъ вамъ не скучно

было сидѣшь, — слабыя мои дарованія въ разсказѣ къ вашимъ услугамъ. »

Въ сердцаѣ у меня спало тепло ошъ удовольствія, какъ у ребенка, которому подарили любимую игрушку; однакожь я по возможности скрылъ свою радость, чшобы не подаль разскащику моему подозрѣнїя на счешъ корыстныхъ видовъ моего прихода. Я ошвѣчалъ ему просшымъ увѣренїемъ, чшо мнѣ прїяшно будешъ узнашь его жизнь и подвиги. Вопшь почти слово въ слово, собшвенный его разсказъ, за исключенїемъ шолько нѣкошорыхъ междомешій, когда ему случилось, заговорившись, дѣлать не то, чшо надобно; и нѣкошорыхъ корошкихъ выходокъ прошивъ его мальчиковъ, за то, чшо вода не довольно горяча, а щипцы слишкомъ разкалены, и ш. п.

« Я уроженецъ здѣшняго города. Опець мой былъ парикмахеромъ и въ старинные годы славился здѣсь тѣмъ, что съ опшличною ловкостію и пріятностію начесывалъ голубинья крылышки (*ailles de pigeon*) на головахъ здѣшнихъ модниковъ и взбивалъ огромные шиньоны на величавыхъ челахъ здѣшнихъ красавиць. Онъ считался очень доспапочнымъ человекомъ, имѣлъ обширное волосочесальное заведеніе и могъ бы со временемъ сдѣлаться важнымъ капиталиспомъ; но революція все оборотила вверхъ дномъ: парики слѣзли съ головъ, пудра разсыялась по воздуху, какъ дымъ славы, голубинья крылышки опустились и огромные шиньоны пали на зыбкихъ своихъ основаніяхъ. Мѣсто ихъ заступили не шолько не чесанья, но еще нарочно всклокоченныя головы; цѣлыя толпы парикмахеровъ, за неимѣніемъ лучшаго дѣла, пошли по міру; въ шомъ числѣ и опець мой раззорился. Однакожь, какъ человекъ смѣшливый, онъ не ушопился съ горя

и не сдѣлался пьяницей отъ нечего дѣлать; но припрятавъ гребенки и завивальныя щипцы, изъ прежнихъ своихъ принадлежностей оставилъ при себѣ одинъ фаршукъ и опредѣлился служивелемъ въ одинъ славный по тогдашнему времени кофейный домъ, носившій не помню какое-то грозное революціонное имя. Хозяинъ этого дома славился своею изобрѣшательностію и шую примѣнительностію къ обстоятельству, кошорую въ нынѣшнее насмѣшливое время называютъ *флюгерствомъ* (le girouetisme): онъ придавалъ самыя папріотическія въ тогдашнемъ смыслѣ названія своимъ мороженымъ, пишьямъ и сластямъ; отъ этого домъ его былъ беспрепятственно полонъ, а карманъ и того полнѣе. Здѣсь отецъ мой умѣлъ снова составить себѣ посильнѣйшій капишалецъ изъ крохъ и опивокъ многочисленныхъ посѣщителей кофейнаго дома; и какъ сыну не прилично клеветашь на память отца своего, то я не скажу положительно, чшобы какъ нибудь, ошиб-

кою, западало иногда къ нему въ карманъ что-либо хозяйское. Дѣвица Флора, молодая коншорщица, была крайне дружна съ опцомъ моимъ, который, сколько я могъ судить по оспашкамъ, былъ дѣшина видный и очень не дурень лицомъ: мудрено ли, что они вмѣстѣ вели счетъ исправно? Хозяинъ былъ доволенъ, они не жаловались, а мнѣ и шого меньше причинъ жаловаться, пошому, что взаимной ихъ дружбѣ я обязанъ бышемъ моимъ. Короче: лѣшь черезъ пять ошець мой и дѣвица Флора пришли къ хозяину, объявляя, что не могутъ болѣе служишь ему, разочлись съ нимъ, получили сполна выслуженныя у него деньги и въ шопъ же день заключили брачный свой союзъ предъ лицомъ муниципальнаго сословія. Дѣвица Флора, спавшая г-жею Жакъ, имѣла по же за собою не одно ремесло: еще до вступленія своего въ кофейный домъ, она прошла полный курсъ воспитанія въ разныхъ модныхъ магазинахъ и выучилась искусно дѣ-

дать цвѣшны и головные уборы, шить дамскія плашья и.... всего не припомнишь. Молодые супруги наняли уюшную и опряшную кварширу. Мадамъ Жакъ снова принялась за иголки, проволоки, шелки и разноцвѣшныя обрѣзки; мосьё Жакъ снова опшыкаль свои щипцы и гребенки и началъ завивашь модныя головы *á-la-Tитюсъ*; они прибили надъ дверьми своей кварширы красивую вывѣску, на копорой написаны были Римляне съ курчавыми головами и Римлянки въ новомодныхъ шюникахъ и съ цвѣшочными уборами въ волосахъ; замысловашая надпись на вывѣскѣ: *Aux têtes romaines: Citoyen Jacques, coiffeur, et sa femme, fleuriste et marchande de modes* — еще болѣе придавала цѣны магазину въ поняшяхъ погдашнихъ папріошовъ. По эшому заманчивому названію магазина, а еще болѣе по новоспи, модники и модницы налепали роями, и если не медь, по деньги оспавляли въ немъ. Дѣла моихъ родиселей пошли, какъ не лъзя

лучше: къ довершенію ихъ счастія, небо укрѣпило еще болѣе союзъ ихъ, пославъ имъ меня. Опець мой хопѣлъ назвашъ меня про-сно Жакомъ, чшобъ увѣковѣчить эшо имя въ нашемъ родѣ: но мапъ моя доказала ему, чшо шакія имена были шогда не въ модѣ и чшо мнѣ должно было дашь какое нибудь громкое имя Греческое: опець мой и шупъ, какъ и во всемъ, послушался жены своей—меня назвали Ахилломъ.

« Не спану вамъ разсказывашъ испоріи первыхъ лѣтъ моей жизни и перейду къ моему воспитанію. На восьмомъ году возраста меня ошдали въ школу, гдѣ я многому кое-чему учился; иное понималъ и шеперь помню, другаго не понималъ и шеперь вовсе не знаю. Но, признаюсь, понятнѣе всего были для меня романы, кошорые чипывалъ я украдкою. Они съ самыхъ раннихъ годовъ показывали мнѣ свѣтъ сквозь розовое спеклышко, кошорое шеперь, съ прибавкою лѣтъ и опышности, хопя отчасти и попускъло,

★ ★

но все еще не изменило прежнего своего цѣлша. Въ школѣ, куда я ходилъ цѣлые семь лѣтъ почти каждый день, обучались также и дѣвушки. Не понимаю, почему многіе чужестранцы дивятся ловкости и развязности Французовъ въ обхожденіи съ женщинами и той свѣтскости, шому знанію приличій, которыя замѣчаются у насъ между людьми почти всякаго состоянія. Развѣ эти чужестранцы не знаютъ, что у насъ оба пола съ молодыхъ лѣтъ привыкають быть вмѣстѣ; что воспитаніе, игры дѣтства и проч., доставляють намъ къ шому безпреспанные случаи? Опъ эшого мы привыкаемъ къ вѣжливости, въ шакѣмъ еще возрастѣ, когда у другихъ народовъ дѣти низшихъ званій не имѣють о ней ни малѣйшаго понятія; опъ эшого мы рано приобретаемъ тонкое чувство приличія, которое назначаетъ должныя границы между позволительнымъ и непозволительнымъ въ обращеніи съ прекраснымъ поломъ, и опмешаетъ

все грубое, рѣзкое и непристойное въ рѣчахъ и поступкахъ. И вопль гдѣ, милоспшвый государь, должно искашь испочника свѣпскосши и обходисельносши Французовъ.

« Я сказалъ уже вамъ, что въ той же школѣ обучались и дѣвушки. Иныя были спарѣ меня, а изъ шѣхъ, кошорыя были однихъ со мною лѣпъ или моложе, ни одна мнѣ не нравилась: слѣдовашельно я не могъ еще молодымъ моимъ воображеніемъ сдѣлать повѣрки шому, что чипаль въ романахъ. Пяшь лѣпъ уже сидѣль я на школьной скамѣ, былъ первымъ въ ученѣи и въ играхъ, и шѣмъ заслуживаль уваженіе опъ мальчиковъ; дѣвушки часто заглядывались на меня, и, безъ хвасповспва сказашь, *monsieur Achille* слыль первымъ ученикомъ, первымъ запѣйникомъ и первымъ красавцемъ, словомъ Фениксомъ своего училища. Около эшого времени, привели къ намъ въ школу милую семилѣпную дѣвочку, съ шакимъ пригоженькимъ личикомъ,

съ такими черненькими, блестящими глазками, съ такимъ умильнымъ, сиропливымъ взглядомъ, что я въ одну минушу почувствовалъ къ ней жалость и какое-то непреодолимое влеченіе. Вы конечно знаете, сударь, школьную повадку, по которой всякаго новобранца принимаютъ на испытаніе, т. е., старые ученики придираются къ нему, щиплютъ его, дразнятъ и подсмѣиваются; и если онъ выдержитъ это испытаніе, т. е., если не плача и не жмурясь вытерпитъ щипки, пощечки и насмѣшки, или если онъ такой смѣльчакъ, который не смотря на неравенство силъ, спанетъ драхъ со всякимъ и покажетъ удалство и проворство въ ручномъ бою, — тогда его больше не прогоняютъ и объявляютъ добрымъ товарищемъ. Такой испытаніе, при вступленіи моемъ въ школу, выдержалъ я съ успѣхомъ, и это, конечно, было не маловажною причиною, по которой школьные товарищи начали меня уважать.

Дѣвушкамъ поже бывають испытанія, хотѣя и полетче: ихъ не заспавляють шерпѣшь шолчки и щипки. Такъ было и въ эпопѣ разъ: увидя, что бѣдное дѣтя робко и сиропливо поглядывало на всѣхъ и не смѣло мѣшаться въ наши игры, всѣ, и дѣвочки и мальчики начали надъ нею подшучивать, пугать спрогосшю школьной жизни, темною комнатою и разными наказаніями. Малюшка заплакалась, и за эпо ее пуще прежняго начали дразнить. Я потчасъ за нее вступился, спыдилъ дѣвушекъ, особливо врослыхъ, и объявилъ мальчикамъ, что дерусь со всякимъ, кто спанеть обижать ее. Видя, что я взялъ маленькую ученицу подъ свое покровишельство, и зная на дѣлѣ, какъ вѣрно я держалъ свое слово, въ одинъ мигъ всѣ отъ нея отшпали; я подошелъ къ ней, утѣшалъ ее, приласкалъ и увѣрилъ, что эпо была шолько шупка новыхъ ея шоварицей. Милая малюшка положила свои рѣченки ко мнѣ на плеча, подняла прелестную свою

головку вверхъ и поблагодарила меня такимъ умильнымъ взоромъ, съ шакою радостною улыбкой сквозь слезы, что у меня сердце забилось сильнѣе обыкновеннаго и я шупъ же поклялся бытъ всегдашнимъ ея другомъ и защитникомъ. — Вы, можете бытъ, уже догадались, сударь, что эша малюшка была Селина Террье.

« Два года еще послѣ того осшавался я въ школь. Селина подростшала на моихъ глазахъ и часъ опъ часу болѣе ко мнѣ привязывалась. Въ играхъ она спаралась бытъ какъ можно ближе ко мнѣ; обижаль ли ее что — она шощасъ подбѣгала ко мнѣ и жаловалась. Вы не можеше вообразить себѣ того удовольствія, которое чувствоваль я, когда она, бывало, сядешъ подлѣ меня, ласкаешся ко мнѣ, гладить меня по лицу маленькою своею рученкой и называешъ меня своимъ другомъ, своимъ единственнымъ другомъ. Наконецъ, родители взяли меня изъ школы. Эшо стоило многихъ слезъ Селинѣ,

и, признаюсь, мнѣ самому было грустно ее ославивъ. Однакожь я, подѣ предлогомъ, чшобы повидаться съ прежними моими школьными шоварищами, каждый день заходилъ въ училище и всегда выбиралъ шѣ часы, кошорые ученикамъ даюшся для ошдыха и для игрѣ. Селина выбѣгала ко мнѣ на встрѣчу, весело и привѣпливо кричала мнѣ еще издали: « здравствуйше, добрый мой другъ! » разсказывала мнѣ обо всемъ, чшо съ нею случилось: о своемъ ученѣ, забавахъ и дѣшскихъ гореспяхъ. Всякой разѣ приносилъ я ей или куклу, или лакомшва, и милая малюшка благодарила меня за нихъ, какъ за самые драгоцѣнные подарки.

« Между шѣмъ, годы неслись впередѣ. Селина все подростала и съ каждымъ годомъ спашовилась спройше и пригоше. Уже я видѣлъ въ ней не рѣзвое, игривое дшя, но прелесшную дѣвшку, разцвѣшавшую какъ юная роза въ весеннее ушро; уже, въ обрашченіи со мною, она показывала болше скром-

ности и даже нѣкошорую застѣнчивость, хощя и не опбросила прежней своей довѣрчивости; уже я видѣлъ въ ней будущую подругу моей жизни и напередъ сулилъ себѣ блаженство въ союзѣ съ нею, не предполагая и не воображая никакихъ препонъ. вмѣсто куколь и лакомствъ началъ я носить ей мадригалы, экспромпы и пріолешы, которые кропалъ для нея на досугѣ, и, скажу опкровенно, сударь, — нѣкошорыми изъ нихъ самъ былъ очень доволенъ. Селина принимала ихъ съ шакою ласкающею улыбкой, съ такимъ блескомъ радости въ глазахъ и чишала ихъ съ такимъ умильнымъ выраженіемъ голоса, что я считалъ себя по крайней мѣрѣ на равнѣ съ нашими Буфлерами, Дорапами, Леонарами и другими спихопворными поклонниками прекраснаго пола и признавала въ себѣ рѣшишельный даръ поэзіи.

« Я позабылъ вамъ сказаць, что опецъ мой не могъ успоить прошивъ приманокъ обольспительной мысли— скоро обогатитесь.

Что дѣлать! Видно человекъ созданъ съ этою безпокойною склонностию безпрестанно желать больше и больше: она погубила многихъ честныхъ людей, и даже славныхъ людей; этому служилъ доказательствомъ еще недавній примѣръ Наполеона. Кто бы сказалъ лишь за десять до нынѣшняго, что *маленькій* нашъ Капраль (*) промѣняетъ Французскую Имперію за пѣсный уголокъ на полу-дикомъ островѣ? И вошь какъ, сударь, оправдывается наша пословица: *желаніе лутшаго — врагъ добру* (*le mieux est l'ennemi du bien*). Такъ и мой ошець наскучилъ вѣрными доходами ошъ своего ремесла и ошъ моднаго магазина, вздумалъ вдругъ сдѣлаться богатымъ капиталис-

(*) *Le petit caporal*, шуточное названіе, которое Французскіе солдаты давали Наполеону. — Цирюльничъ рассказывалъ повѣсть свою Рускому путешественнику въ 1820 году, когда Наполеонъ былъ еще живъ на островѣ св. Елены.

шомъ, пустился въ подряды и въ шорговья спекуляціи, а что хуже всего, завель большой пракпирь въ здѣшнемъ городѣ, на зло старому Террье, ошцу Селины. Зависпливый эшопъ ханжа спарался всячески вредить намъ, подкупаль почпальоновъ, чшобъ они завозили къ нему проѣзжихъ, всякими неправдами переманиваль опъ насъ пошпальцевъ и пошшишелей, печашаль препышныя объявленія о своей гостиницѣ не шолько въ здѣшнихъ, но и въ заграничныхъ лиспкахъ — и успѣль въ адскихъ своихъ разсчетахъ: его пракпирь пошпоянно былъ набишь жильцами, проѣзжими пушешествениками и здѣшними гуляками, а къ намъ рѣдко, рѣдко кшо заглядываль, и шо развѣ за недоспашкомъ мѣста въ гостиницѣ Террье.— Къ довершенію своей злобы, узнавъ, что я люблю Селину и каждый день съ нею вижу, онъ взяль ее изъ школы и запрешиль ей принимашъ меня. Всѣ мои спаранія, всѣ убѣжденія ошались безъ пользы: Селина

плакала, я горевалъ, и въ это время отецъ мой съ каждымъ днемъ получалъ самыя огорчительныя извѣстія. Всѣ его спекуляціи лопались, какъ мыльные пузыри, подряды оспавались въ чистый накладъ, и наконецъ онъ, скрѣпя сердце, принужденъ былъ объявить себя банкротомъ.

« Я побѣждалъ сказать Селинѣ о нашемъ несчастіи, думая, что какъ нибудь прокрадусь въ пріемную комнату шракпира, куда отецъ посадилъ ее конторщицей и гдѣ мнѣ иногда удавалось съ нею видѣться. Въ самыхъ дверяхъ сполкнулся со мною старый Террье. — « А, любезный господинъ Ахилль, » сказалъ онъ мнѣ съ самою злою улыбкою : « вы вѣрно опыскиваете здѣсь кого нибудь изъ коммисіонеровъ, или торговыхъ шоварищей почтеннаго вашего бапюшки?.. Жалю, очень жалю о вашихъ неудачахъ. Впрочемъ, это послужитъ полезнымъ урокомъ для другихъ выскочекъ — не бранься не за свое дѣло. Теперь же я попрошу васъ, уволишь

мой домъ опть вашихъ посѣщеній; смѣю васъ увѣришь, что даже прогулки ваши по здѣшней улицѣ будущь напрасны и полько вамъ же могушь нанести неприятности. Безъ дальнихъ околичностей: — вошь спупеньки внизъ и на мостовую! »

« Я гошовъ былъ списнуть горло спарому насмѣшнику, шакъ, чшобы слова замерли въ чахлоу его груди; но вспомнилъ, что онъ опецъ Селины — и удержался. Вмѣсто всякихъ возраженій, я бросилъ на него убійственный взглядъ; въ ошвѣпъ на эшо, онъ подобралъ плоскія свои губы съ шакою ужимкой, которая ясно говорила: « я не боюсь швоего гнѣва и презираю швои угрозы. » Въ слѣдъ за эшимъ, онъ хлопнулъ дверью почши передъ самымъ моимъ носомъ и оставилъ меня вывѣшривашъ свою досаду на улицѣ.

« Съ пылавшимъ лицомъ и кипѣвшею кровью побрель я домой — уже не въ большой и бога-

шый шракширь, а въ скудную, шѣсную кварширу на концѣ города. Здѣсь ожидали меня новыя непріятности: вмѣсто прежнихъ нарядныхъ мебели увидѣлъ я самыя полько необходимыя и самыя бѣдныя; отецъ и мать моя, сидя по разнымъ угламъ, вели между собою спрашную перебранку: мать укоряла отца за его неразсчешливость и безразсудныя спекуляціи; а отецъ дѣлалъ ей упреки за ея мошовство, спрашь къ нарядамъ и неумѣренную роскошь. Эши домашнія междоусобія возобновлялись у нихъ каждый день, и не было способа помирить или унять ихъ. Мать моя сдѣлалась крайне гнѣвлива, криклива и слезлива, и опъ шого нажила себѣ чахошку; отецъ мой, уже нѣсколько лѣтъ познакомившійся съ подагрою, спалъ чаще, прежняго чувствовашъ припадки сей болѣзни. Такимъ образомъ они, поминушныи своими ссорами, все глубже и глубже рыли другъ для друга могилу. Въ одинъ день мать моя до шого разкричалась и закашля-

лась, что съ крикомъ и кашлемъ переселилась изъ здѣшняго міра... Богъ вѣспъ куда; у опца моего, опъ досады и огорченія (попому, что изъ послѣдняго должно было опправитъ похороны,) подагра поднялась вверхъ и задушила его. Я разпродаль оспальное, убогое свое наслѣдіе и похоронилъ родителей моихъ въ одной могилѣ: шамъ мирно они почивающъ вмѣстѣ, какъ бы въ доказательство тому, что гробъ примиряетъ всякую вражду жипейскую. Я заплакалъ на ихъ гробѣ; попомъ началъ думать о будущей своей участи. Опецъ мой, въ послѣднее время своей жизни, опъ нечего дѣлать, училъ меня прежнему своему ремеслу, ш. е. бришь бороду, завивать и чесать волосы. Спымно мнѣ казалось явиться съ бришвой и гребенкой въ томъ городѣ, гдѣ нѣкогда всѣ знали меня, какъ доспапочнаго молодого человека и гдѣ несчастное безразсудство опца моего было еще у всѣхъ въ свѣжей памяти. Какъ перенести всѣ шолки и пересуды?

Какъ выдержашь лицемѣрное сожалѣніе бывшихъ друзей и знакомыхъ, кошорыхъ, вѣроятно, довелось бы мнѣ брить или чесать? А Селина? Каково было бы ея сердцу?... Нѣтъ! лучше уйши изъ здѣшняго города, переселишься шуда, гдѣ меня никто не знаетъ,— думалъ я — и исполнилъ.

«Я бродилъ изъ города въ городъ. Въ одномъ убиралъ волосы модниковъ и модницъ, въ другомъ опредѣлялся въ какой нибудь шракширь или кофейный домъ; и на это, сударь, была у меня своя мысль: можешъ бышь, думалъ я, со временемъ буду я счастливымъ обладателемъ Селины и наслѣдшвеннаго ея шракшира; шогда мнѣ нужно будешъ знать всѣ хозяйшвенныя подробности такихъ заведеній. Между шѣмъ, шоска, подъ часъ, грызла мое сердце; иногда, даже, признаюсь, закрадывалась въ него и ревность: Селина молода и богата, за нее найдутся многіе женихи; почему знать? Можешъ бышь... и кто поручится за сердце шринадцатишш-

ней дѣвушки? Она скромна, чувствительна, нѣжна; но эти чувствительность и нѣжность могутъ обратиться и къ другому какому нибудь воздыхателю, а по нашей пословицѣ, *отсутствующіе всегда виноваты*. Сии грустные думы не безпрестанно однакожь меня преслаждали; самолюбіе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, есть одна изъ самыхъ утѣшительныхъ наклонностей человѣческой души: оно часто, для разогнанія моей тоски, подводило меня къ зеркалу, показывало мое въ пріятнѣйшихъ видахъ, нашептывало мнѣ сладкія слова о моемъ умѣ, нравѣ и способностяхъ и прикрѣпляло ко мнѣ — по крайней мѣрѣ въ моемъ воображеніи — самымъ крѣпкимъ, неразрывнымъ узломъ любовь и поспѣявшю Селины. Въ такой мнѣ мысли и заняшій, заняшій и мысли, прошекало мое время; всего огорчительнѣе было для меня то, что я не получалъ извѣстія о Селинѣ, да и самъ не смѣлъ пи-

сашь къ ней, боясь подвергнушь ее гнѣву опцовскому.

«Я все больше и больше приближался къ Парижу, куда издавна влекла меня мысль — усовершенствоваться въ моемъ искусствѣ и устройшь будущее свое благосостояніе: но *человѣкъ обдумываетъ, а Богъ опредѣляетъ!* Я накопилъ десяшка при *наполеондоревъ*; и рѣшился, не останавливаясь уже ни въ какомъ городѣ, прямо идти въ столицу. Подъ вечеръ одного прекраснаго весенняго дня пришелъ я въ Мо; шамъ все было въ движеніи, какъ будто на какомъ нибудь праздникѣ: шумныя, веселыя толпы молодыхъ воиновъ по прогуливались по городу съ пѣснями и громкими радостными разговорами, по сходились въ кружки на улицахъ, по, выглядывая изъ оконъ шракшировъ и кофейныхъ домовъ, ласково привѣчали пригоженькихъ дѣвушекъ и подшучивали надъ спешенными спарушками. Опкровенная веселость, беззаботность о будущей своей участи,

★★

пылка, неугомонная страсть ловишь каждый миг наслаждения, и брашское согласие, казалось, одушевляли этих добрых воинов. Я позавидовал их счастливой безпечности; подошел къ одному кружку, хотѣлъ спросить одного молодого солдата о томъ, о чемъ, взглянулъ на него и вскрикнулъ: «это ты, Жоржъ?» — «Это ты, Ахиллъ? былъ опивъшь его, и мы обнялись, какъ братья: въ молодомъ солдатѣ узналъ я школьнаго своего поварища. «Да продолжалъ онъ,» это я, Жоржъ, бывший швой соученикъ, шеперь же съ маленькою солдатской добавкой — Жоржъ *Ламитраль*, къ швоимъ услугамъ. «Ужели?...» Жоржъ недалъ мнѣ докончить: «прибереги свои *ужели* до другой поры,» сказалъ онъ: «а шеперь милосши просимъ со мною въ ближайшій пракширь, выпить кружку добраго вина, въ память старой нашей дружбы. Товарищи! кому угодно со мною, по-праздновать вмѣстѣ встрѣчу съ стариннымъ другомъ?» Товарищи мигомъ нашлись: че-

ловѣкъ съ десяшь молодыхъ , бойкихъ солдатъ окружили насъ и чрезъ минушу мы очутились въ особой комнашѣ прапшира , за споломъ , усшавленнымъ бушылками и спаканами.

« Между шушками и смѣхомъ , кошорыми сопровождалась каждая выходка казарменнаго оспроумія , Жоржъ разсказаль мнѣ свои похождения . Онъ шакже былъ влюбленъ по выходѣ изъ школы ; богатый и скупой дядя , опъ кошораго надѣялся онъ получишь наслѣдство , опказаль ему въ своемъ согласіи и во всякой помощи , невѣста измѣнила — и онъ съ опчаянія сдѣлался солдатомъ . Видно однакожь , что опчаяніе добраго Жоржа не было неизцѣлимо : въ полкъ веселыхъ шоварищей , онъ скоро забыль все свое горе , и любовь , и потерю богашаго наслѣдства ; онъ пѣль , пиль вино и проказиль за чешверыхъ .

« Я слушаль рассказы , каламбуры и пѣсни , и шянуль рука на руку съ эшими весельча-

ками. Въ головѣ у меня шумѣло противъ обыкновенія, пошому что, не въ похвалбу скажу, сударь, — я всегда былъ воздержень; а въ молодосши, до эшой встрѣчи, не помню, чшобы когда у меня въ глазахъ двоилось ошь хмѣля.

— «Послушай, любезный Ахилль,» сказала мнѣ Жоржъ: ты, мнѣ кажешся, пьешь за здоровье своей красавицы, и пьешь, какъ красавица.»

— «Нѣшь, мой другъ; ты видишь, что я не ошсшаю ошь другихъ...»

— «Не ошсшаешь! и шолько-шо?... Вѣдь ты у насъ гощь, и мы тебя пошчуемъ; пакъ ты долженъ пить за честь нашего полка и за здоровье каждаго изъ собесѣдниковъ.»

Рюмки снова зашевелились, я видѣлъ, что мнѣ не ошдѣлашься ничѣмъ ошь эшой пирушки и пушился пить на удаую все, что въ меня ни лили. Пирушка дѣлалась шумнѣе

и шумнѣе; начались взаимныя увѣренія и кляшвы въ вѣчной, неразлучной дружбѣ...

— «Эхъ, другъ Ахиллъ,» сказала мнѣ Жоржъ, ударя меня по плечу: «для чего ты не будешь съ нами на полѣ чесши?... Сказашь ли тебѣ за шайну то, что и самъ я слышала за шайну: полѣ нашъ идесть съ большою арміей въ *Московію*; ты помнишь, еще въ школѣ учишель Географіи сказывала намъ, что шамъ-то золошья горы, особливо въ Сибири, немного въ спорону опъ Москвы. Въ эпомъ городѣ есть даже огромные колокола изъ чистаго серебра, а куполы церквей покрышы кованымъ золопомъ... Я вѣдь знаю швою испорію: ты любишь въ нашемъ городѣ Селину Террье, и прочее и прочее — все знаю. — Послушайся меня: въ Москвѣ мы сполько накуемъ *наполеондоровъ*, что каждый изъ насъ вѣрно возврашися въ карепѣ, кошорая до верху будешь набаша золопомъ; при томъ же, офицерскіе чины, кошорые вольно-

опредѣляющимся легко схватишь, знаки отличія, раны, славное имя... Кого эшо не сведешь съ ума? Не полько старый Террье—самъ Великій Моголь за честь себѣ поставишь имѣшь шакого зяшя.

«Товарищи Жоржевы, вслушавшись въ нашъ разговоръ, также приспали ко мнѣ и начали меня подговаривашь и сулили воздушные замки, льстили моему самолюбію... Короче, сударь: хмѣль, золошья надежды, пробужденное честолюбіе, желаніе шѣсѣе сблизиться съ такими славными молодцами.. короче, сударь: на другой день я проснулся съ шяжекою головою, но въ легкомъ солдатскомъ мундирѣ. Новые шоварищи поздравили меня, рассказали, что я наканунѣ самъ доброю волею записался въ ихъ полкъ и былъ у командировъ, что имя мое внесено въ полковой списокъ и проч. и проч. — Дѣлашь было нечего: уйши я не могъ и не думалъ, пошому что считалъ побѣгъ безчестнымъ и не хотѣлъ податъ

худаго о себѣ мнѣнія новымъ моимъ сослуживцамъ. Я оспался солдатомъ и ревностно принялся за неожиданую мою должностъ.

«Полкъ нашъ черезъ день послѣ шого отправился въ походъ, прошелъ всю Германію, гдѣ все клонилось шогда передъ нами; наконецъ увидѣли мы берега Нѣмана. «Такъ вопъ Россія; шакъ здѣсь-шо мы попируемъ, здѣсь - шо будемъ шонупъ по горло въ золошъ и возврашимся Крезами!» думали мы. Вы помнише, сударь, какъ сбылись наши пышныя надежды... Но не спану забѣгашь впередъ и расскажу вамъ главные со мною случаи въ эшомъ походѣ, кошорый и шеперь еще часшо пугаетъ меня воспоминаніемъ, какъ недавній, шяжкій сонъ.

«Съ самаго перехода чрезъ Нѣманъ, мы увидѣли, что не все шакъ хорошо шло, какъ намъ обѣщали. Мы, правда, довольно скоро дошли до Смоленска; но здѣсь намъ должно было каждый шагъ впередъ покупашъ нашею кровьюю.

« Поле Бородинское встрѣсило насъ такою пошвхою, какой и самые спарые служивые по ихъ признанію, съ роду не видывали. Здѣсь уже нѣкопорые изъ нашихъ солдашь вспомнили и начали по пихоньку напѣвашь спарый романсъ :

« Жудо, худо, о Французы
Въ Ронсеваль было вамъ! »

« Но мы все еще не лишались бодрости : высокое мнѣніе о воинскихъ познаніяхъ Наполеона и его Генераловъ, увѣренность въ непобѣдимости нашихъ войскъ и двадцашь лѣшь поспоянной славы одушевляли даже самыхъ робкихъ изъ насъ. . . Такъ шли мы опъ Можайска къ спѣнамъ Москвы. Съ одной горы засіяли передъ нами куполы церквей и башень Московскихъ ; сердце каждаго изъ насъ распрыгалось опъ радости : еще одно, положимъ, самое упорное сраженіе — и мы въ спѣнахъ сполицы Русской ! По знаку, войско наше остановилось : изъ колонны въ

колонну, изъ ряда въ рядъ пронесся слухъ, что уже никакого войска не было въ Москвѣ, и что здѣсь явишся къ Наполеону депутація и поднесеть ему городскіе ключи. Ждемъ нѣсколько времени — никшо не являешся: въ обширномъ городѣ мершвая шишина, какъ будшо бы ужасный моръ въ одну ночь испребиль всѣхъ жишелей, какъ будшо бы эши высокія башни, эши огромныя зданія спояли шеперь надгробными памяшниками опжившаго населенія!... Впереди насъ и поодаль опъ всѣхъ Генераловъ, Наполеонъ расхаживаль съ явными знаками нешерпѣливости: онъ шо разшегиваль, шо засшегиваль свой сюршукъ, шо быспрымъ движеніемъ срываль съ руки перчашку, шо снова надѣваль ее; поминушно повершываль на головѣ шляпу, иногда даже снималь ее, какъ будшо бы ему было душно, шяжело! То сложа руки, шихо расхаживаль онъ шуда и сюда, и казалось, былъ въ самомъ непріятномъ раздумьѣ; шо вдругъ, разкинувъ руки, начиналь онъ ходишь бы-

спрымъ шагомъ, щелкаль пальцами, какъ будшо бы эшимъ движеніемъ хопълъ опогнашь опъ себя какую-шо досадную мысль. Въ пакихъ почши судорожныхъ приемахъ и обо-ропахъ, со всѣми признаками своенрав-наго, упрямаго ожиданія, провель онъ бо-лѣе полчаса, поминушно поглядывая на большую дорогу къ городу... Депушация не показывалась и даже не было надежды ее увидѣшь. У насъ чшо-шо шяжкое легло на сердце: мы сомнишельно переглядывались между собою, какъ будшо желая спросишь другъ у друга: «чшо изъ эшого будешъ?» Но всѣ, и старшіе и младшіе хранили набож-ное молчаніе: всѣ видѣли, чшо *маленькой* нашъ *Капраль* сердился и знали, чшо въ эшомъ расположеніи духа онъ не любиль шушишь. Вдругъ онъ обернулся къ войскамъ, громко и гнѣвно крикнуль: «впередь, къ городу!» и все понеслось за нимъ. Приближаемся къ заславѣ — все шихо, какъ въ могилѣ; про-ходимъ по улицамъ — нигдѣ нѣшь ни души,

дома запершы, площади и рынки пусты; вмѣсто радостнаго шоржества побѣды какое-шо зловѣщее уныніе овладѣло нами; каждый изъ насъ думаль: эшо не къ добру! Намъ грозяшъ или шайные подкопы и засады, или голодная смерть въ стѣнахъ огромнаго, опустѣлаго города. Но всякое непріязненное ощущение недолговѣчно у Французовъ, особливо шамъ, гдѣ ихъ много вмѣстѣ. Мы дождали послѣднія крохи, покинушыя въ Москвѣ ушедшими жишелями, и опъ скуки, для препровожденія времени, разпивали вина, оспавшіяся въ погребахъ богачей, разшаскивали дорогія вещи изъ ихъ домовъ, ломали и портили шо, чего не могли унести, и, роясь въ землѣ и въ подвалахъ, искали запряшанныхъ сокровищъ. Вы скажете, сударь, что руки у насъ не совсѣмъ были чисты, но шакось былъ погдашній нашъ военный духъ: поняшіе о славѣ поселяли въ насъ неразлучно съ поняшіемъ о богапой коншрибуціи; а все шо, что каждый изъ насъ могъ

захватишь у вооруженнаго ли, безоружнаго ли непріятеля, считалось честною добычей.

« Не долго однакожь могли мы спокойно хозяйничать въ Москвѣ: начались непрерывные пожары и мы были въ поминутномъ страхѣ, чшобъ насъ и самихъ не сожгли, вмѣстѣ съ городомъ. Продовольствія часъ ошъ часу уменьшались; фуражеровъ нашихъ или ловили Рускіе паршизаны, или душили крестьяне. При томъ же носились слухи, что Москва оповсюду окружена была Рускими войсками, кошорые ждали насъ, какъ обреченную свою добычу, и уже заранѣе пировали нашу гибель. Ропощъ, неразлучный спутникъ опчаянія, началъ явно возвышаться свой голосъ въ рядахъ нашего войска. « За чѣмъ онъ привелъ насъ сюда? Развѣ онъ хошѣлъ, чшобъ мы поколѣли съ голоду, какъ пощія собаки; либо были изжарены медленнымъ огнемъ, какъ сельди у Парижскихъ нашихъ шорговокъ? » Таковы были рѣчи почти у всѣхъ нашихъ солдатъ.

Довѣренность къ предводителю войскъ исчезла; чувство эгоизма и своекорыстія заступило мѣсто согласія и пріязни между просшими воинами и даже между офицерами; жудкій страхъ вышѣснилъ прежнюю бодрость и отвагу. Москва намъ опрокинула: намъ было въ проспранныхъ стѣнахъ ея, какъ въ пѣсной и душной могилѣ. Мы не шерпѣливо ждали, какъ блага, той минушы, когда выступимъ изъ этого города, хотя и чувствовали, что намъ нельзя было бороться съ неравными силами бодрого, ожесточеннаго непріятеля. Но въ тогдашнемъ положеніи дѣлъ, явная гибель казалась намъ сноснѣе поминельной неизвѣстности.

«Наконецъ, послѣ шести недѣль спраданній и мучительныхъ тревогъ, намъ сказанъ былъ походъ. Но какое жалкое и вмѣстѣ странное зрѣлище представляло наше войско по выходѣ изъ Москвы! Число солдатъ крайне уменьшилось, и оставшіеся въ рядахъ нашихъ были, какъ выходцы изъ того

свѣта: блѣдны, шочи и слабы. Въмѣсто красивыхъ мундировъ, на нихъ оставались либо прошивныя для глазъ лохмотья, либо пестрыя, шуповскія разнорядки, въ коихъ наряды Московскихъ щеголихъ мѣшались съ мужскимъ плащемъ сараго покроя, съ обличеніемъ духовенства и обувью Рускихъ крестьянъ. Это еще не все: насъ встрѣтила преждевременная, суровая Руская зима, по пятамъ за нами гналась сильная армія, копорая каждый день истребляла у насъ часть войскъ, оббивала обозы и пушки и опнимала всѣ способы продовольствія; впереди ждала насъ другая, значительная часть Рускаго войска и перерѣзывала намъ переправу чрезъ Березину. Несперпимый холодъ, недоспашокъ въ пищу, теплой одеждѣ и обуви, дѣйствовало на насъ, какъ повальнй моръ: какое-то оцѣпенѣніе всѣхъ умственныхъ способностей, какая-то ледяная безчувственность заставляла насъ равнодушно смотрѣть, какъ вокругъ насъ десятками и

сопнями падали бѣдные наши товарищи. Я долго выдерживалъ всю жестокость непогоды, всю пыгость лишеній; долго крѣпился и не слушалъ поварищей, копорые подговаривали меня опспашь опъ арміи, чшобы промышляшь себѣ пищу мародѣрствомъ; наконецъ всѣ другія чувспвованія во мнѣ пришупились: понятія о чести, объ обязанностяхъ воина и о долгѣ повиновенія, уже для меня не существовали. Одно темное чувство самохраненія, одинъ неумолкающій голосъ мучительныхъ нуждъ говорилъ во мнѣ: я хопѣлъ пошько хлѣба, пребовалъ пошько хлѣба и готовъ былъ купить его цѣною собственной жизни, или жизни лучшаго моего друга. Я самъ уже началъ подговаривать солдатъ нашего полка: человекъ придцашь согласились иди со мною, и мы начали понемногу опспавать; наконецъ пошли въ спшорону съ большой дороги, по полю, покрышому снѣгомъ; бѣдная шварь, полковая наша собака, поплелась за нами. Она была шакъ шоща и худа, чшо кости

чуть держались въ кожѣ; но какимъ-шо чудомъ оспалась жива и не ошпавала ошь полка. Я любилъ бѣдную *Сантинель* (шакъ называлась собака) и пока могъ, дѣлился съ нею послѣднею коркой, послѣднимъ чершвымъ сухаремъ; за шо и она была ко мнѣ крайне привязана и почши ошь меня не ошходила.

«Товарищи выбрали меня своимъ предводилемъ, и я повель ихъ прямо по шому направленію, по кошорому, вдалькѣ, чшо-шо чернѣлось сквозь снѣгъ и казалось намъ небольшою деревушкой. Однакожь мы обманулись: эшо былъ мѣлкій лѣсокъ. Изъ предоспорожноши я повель небольшой свой ошрядъ по опушкѣ эшого лѣска; вдругъ вижу — нѣсколькo челоувѣкъ конницы ѣдешъ прямо къ намъ. Мы думали, чшо шо былъ козачій разѣздъ; я велѣлъ солдашамъ своимъ разсыпашься за деревьями и спрѣляшъ изъ сей засады, въ случаѣ, если насъ замѣшили и спашнушъ на насъ нападашъ. Конные приблизи-

лись къ намъ на ружейный выспрѣлъ и мы безъ труда узнали въ нихъ нашихъ единораземцевъ, конныхъ егерей, не помню какого полка; ихъ было восемь человекъ. Я показался изъ своей засады, сказалъ привѣшшвіе землякамъ и спросилъ ихъ, куда они ѣхали?

— «Я думаю, куда же, куда и вы идете, поварищъ!» ошвѣчалъ весельчакъ прубачъ, ѣхавшій немного впереди прочихъ.

— «Если шакъ, то мы можемъ совершить эпошь походу вмѣспѣ.

— «О, безъ сомнѣнія! Тѣмъ больше, что мы, хошя и конные, а кажешся васъ не опередимъ: бѣдныя наши швари на силу волокушь ноги.

— «Позвольте узнать,» спросилъ я у рѣчисшаго прубача: «кто у васъ командиръ ошряда?»

— «Я, къ вашимъ услугамъ,» ошвѣчалъ онъ, — «и выбранъ въ эту почешную должность вмѣспѣ съ качешвомъ парламеншѣ-

ра пошому, что разумью немного по Нѣмецки.

— «Но здѣсь говоряшь не по Нѣмецки, а по Руски.

— «Все равно: я спану имъ говоришь по Нѣмецки, а если не поймушь, — могу но нуждѣ сказашь нѣсколько словъ по Итальянски, и даже по Испански.

— «И можеше бышь увѣрены, что васъ также не поймушь.

— «Вошь еще! Да на какомъ же языкѣ имъ говоришь?

— «Я думаю, лучше всего, если можно, на Рускомъ.

— «О! шакъ поздравляю васъ: одинъ мой пріятель, Польскій уланъ, продикшоваль мнѣ словъ десяшокъ на своемъ языкѣ. Я записаль ихъ; они шупъ... Чоршь возьми, какая разсѣянность! Теперь шолько вспомнилъ, что еще въ Москвѣ разкурилъ шрубку эшою бумажкой.»

«Мы засмѣялись; шрубачъ и самъ съ смѣхомъ сказалъ: «это небольшая бѣда, сладимъ какъ нибудь.» Я первый вызвался уступить ему главное начальство надъ нашимъ соединеннымъ опрядомъ; онъ пожеманился немного, повторилъ нѣсколько разъ, что увѣренъ въ высокихъ моихъ познаніяхъ по части шакшики, — и, однакожь, принялъ команду. Мы пошли по небольшой, едва прощипанной пропинкѣ, которая вела изъ лѣсу. Конница наша построилась по чешыре въ рядъ; шрубачъ, нашъ командиръ, ѣхалъ на правомъ флангѣ; а я, сомкнувъ небольшую нашу пѣхошную колонну въ каре, шелъ слѣдомъ за конницей. Скоро мы завидѣли довольно большое селеніе, въ пусынномъ мѣстѣ, далеко отъ большой дороги. Ни одна душа не показывалась; все было тихо и безмолвно и не было никакихъ примѣтъ, чтобы тамъ находился какой нибудь непріятельскій опрядъ. Однакожь мы шли съ большою оспорожностію. Подойдя на пушечный

выспрѣлъ къ селенію, шрубачъ, нашъ начальникъ, остано­вилъ насъ и разсудилъ за приличное сказа­ть своему войску слѣдую­щую прокламацію :

« Солдашы ! гошовьшесь къ жаркому, оп­чаянному дѣлу. Впереди ждуть насъ побѣ­да, слава и хлѣбъ; позади — голодь, хо­лодь и посшыдная смершь. Вивашъ Напо­леонъ ! Впередь ! »

« Мы бросились въ слѣдъ за храбрымъ шу­рубачемъ къ самымъ ближнимъ домамъ. При на­шемъ приближеніи, мужчины и женщины, сшарый и малый, выскочили опромешью изъ эшихъ домовъ и съ крикомъ и плачемъ побѣ­жали внутрь селенія. Трубачъ нашъ, какъ опытный начальникъ, разспавилъ прехъ че­ловѣкъ изъ своей конницы для наблюденія, и сказа­лъ намъ, что въ случаѣ опасности, онъ зашрубитъ сборъ; тогда мы должны всѣ сбѣгашься; и съѣзжашься въ шощъ дворъ, гдѣ онъ самъ будешъ. Выслушавъ сей приказъ, мы рассыпались по домамъ, которые споя-

ли передъ нами; первымъ нашимъ движеніемъ было опыскивать хлѣбъ и съѣстные припасы. Мы подкрѣпили свои силы и брали въ сумы, что могли. Скоро, однакожь, должно было прекратиться эти поборы: не прошло десяти минутъ, какъ роковой зыкъ трубы раздался у насъ въ ухахъ. Мы выбѣжали на улицу и услышали въ селеніи спрашный шумъ и звонъ колоколовъ; мы, не помня себя, вскочили въ шопъ дворъ, откуда слышался призывный ревъ нашего шрубача, — и по слѣдамъ нашимъ туслая толпа крестьянъ обступила дворъ, въ кошоромъ едва мы успѣли запереть накрѣпко ворота. Число крестьянъ безпрестанно усиливалось новыми, копорые сбѣгались со всѣхъ споронъ. Иные скакали верхомъ, другіе бѣжали пѣшіе; у многихъ были ружья, виншовки, пистолешы, копыя и сабли, и кажешся эшо были земскіе рашники: ими командовалъ человекъ въ черной, мѣховой шинели, съ подвязною шапкой на головѣ; онъ развѣзжалъ на добромъ конѣ,

строилъ своихъ ратниковъ и былъ вооруженъ съ ногъ до головы: мы замѣтили у него въ рукахъ саблю, за плечами ружье, а за поясомъ большой Турецкій кинжалъ и пару пистолешовъ; другая пара была въ ольспрахъ его сѣдла. Прочіе крестьяне вооружились, кто чѣмъ могъ: косами, опущенными на прямикъ, попорами, насаженными на длинныя палки, большими ножами, дубинами, кольями и проч. Передъ ними шель священникъ съ крешомъ, а за нимъ нѣсколько причешниковъ съ хоругвями и образами. Мы едва успѣли поспроиться на широкомъ дворѣ, какъ человекъ въ черной шинели, поднявъ саблю вверхъ, закричалъ намъ по Французски: «сдайсь!» Но испуганные разказами нашихъ поварищей, которые увѣряли, что крестьяне Рускіе не щадятъ и сдающихся, мы вмѣсто ошвѣта, пустили нѣсколько выстрѣловъ. Священникъ, раненый, зашатался; но видно было, что онъ не переставалъ ободрять своихъ прихожанъ: намъ ошвѣчали тоже цѣ-

лымъ градомъ выстрѣловъ, копорые, однакожь не могли намъ вредить по высотѣ забора. Черный человекъ опдалъ приказъ — и въ минушу сошни крестьянъ явились съ огромными пучками соломы; не смотря на мѣткіе наши выстрѣлы, не смотря на то, что многіе изъ опважныхъ падали мертвые — другіе безпреспанно заступали ихъ мѣста и въ короткое время обложили соломою весь дворъ. и зажгли ее. Мы поздно замѣтили нашу оплошность; хотѣли опстунить на сосѣдній дворъ — но уже и тамъ пылала солома. Громкое радостное *ура!* осаждавшихъ крестьянъ раздалось въ воздухъ. Нѣчего было дѣлать; огонь и дымъ мѣшали намъ стрѣлять въ осаждавшихъ; спроеіе со всѣхъ споронъ запылало и намъ спановилось нестерпимо жарко. Мы рѣшились испытать послѣднее средство: пройди сквозь прогорѣвшій и рухнувшій заборъ, быспрымъ движеніемъ пробисься сквозь непріятели и опрешироваться въ поле. — Соблюдая еще нѣкоторый поря-

докъ, мы бросились по горячимъ угольямъ и непросывшему пеплу соломы; ударили въ шпыки на шолпу кресьянъ, выдержали залпы сшрѣлковъ, напискъ конныхъ рашниковъ и успѣли ошойши на нѣкоторое разстоянiе отъ пожара. Здѣсь мы кое-какъ поспроились снова; увы! насъ не было уже и половины. Мы видѣли, какъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ товарищей поднимали вверху на оспрыхъ косахъ, другихъ добивали дубинами, шрепшихъ шацили, чшобы бросишь въ пожарище. Но намъ было уже не до нихъ: мы думали о собственной безопасности. На дворѣ спановилось шемно; коропкiй день смѣнялся пасмурнымъ вечеромъ. Ошспрѣливаясь и ошсшупая, пробиваясь сквозь окружавшихъ насъ кресьянъ и поминушно шеряя товарищей, мы все подавались въ поле. Тупъ шолько мы замѣшили, чшо храбрый нашъ шрубачъ съ остальными своими егерями, уѣхалъ впередъ и чшо за ними слѣдомъ скакалъ довольно сильный ошрядъ конныхъ раш-

никовъ. Тѣни вечера густѣли больше и больше; погоня за нами спановилась слабѣе; оспальныхъ мы выспрѣлами держали въ почшипельномъ разспояніи. Я былъ раненъ, но имѣлъ еще довольно силы, когда мы добрались до кушарниковъ. Тупъ, поперявъ надежду схватишь насъ, крешьяне вовсе насъ оспавили. Оглянувшись назадъ, я видѣлъ только дальнее зарево горѣвшей деревни. При мнѣ оспавалось моихъ шоварищей всего на все пять человекъ, и шѣ были крайне изранены. Мы прилегли въ куспахъ, чшобы скрышьясь ошъ неприяшеля и хошъ немного ошдохнушъ. Никто не смѣлъ сказашъ ни слова, бояшъ, чшобы не привлечъ какого нибудъ скрышаго неприяшеля: одни заглушаемые споны раненыхъ были слышны. Упомленіе ошъ чрезмѣрныхъ шрудовъ, боль ошъ раны и пошера крови изшощили во мнѣ послѣднія силы; я впалъ въ безпамяшество, и можешъ бышъ, изшекъ бы кровью, или бы замерзъ въ эту холодную ночь: угадайте.

кому я обязанъ за мое спасеніе? Безпамятство, или какое-шо невольное усыпленіе, продержали меня почти до ушра въ нѣкоторомъ онѣменіи чувствъ. — Пробуждаюсь — и вижу *Сантинель*, кошорая разпянувшись по всему моему шѣлу, грѣла меня кошмапою своею шерсшью и зализывала у меня рану на головѣ. Бѣдняжка! она сама была ранена въ шею ударомъ ножа или косы, и лапы ея были обожжены, видно шогда, когда она вмѣспѣ съ нами выскочила изъ пожара. Я опкрылъ мою суму, досталъ корпіи, нѣсколько вѣшошекъ, кошорыя были у меня въ запасѣ, и склянку водки, захваченную мною въ селеніи; промылъ раны благодарному живошному, кошорое такъ умѣло чувствовашъ сдѣланное ему добро и обвязалъ его лапы вѣшошками; далъ *Сантинели* кусокъ унесеннаго мною, хлѣба, выпилъ самъ глошокъ водки и закусилъ остальнымъ кускомъ хлѣба. Эшо меня оживило и ободрило. Я вспалъ на ноги; поглядѣлъ на моихъ шоварищей. . .

Всѣ они померли или отъ ранъ, или отъ спужи. Старый усачъ, добрый мой пріятель, сидѣлъ закоснѣвъ на сугробѣ снѣга; руками держался онъ за раненую босую свою ногу, какъ будто бы еще хошѣлъ перевязать ее; открытые глаза его свѣшились въ спрашной неподвижности посреди посинѣлаго лица, усы обросли инеемъ и губы лоснились, какъ стекло, отъ заледенѣвшаго пара. Сердце мое сжалось; шяжко я вздохнулъ и спѣшилъ уйши отъ сего ужаснаго зрѣлища. *Сантинель* тихо плелась за мною, дрожа и взвизгивая отъ боли. Я осмался одинъ изъ всѣхъ моихъ поварищей, на жершву холода и недоспашковъ, въ землѣ непріятельской. . . Куда идши? Какъ избѣжашъ отъ ужасной смерши? — Въ такихъ размышленіяхъ прошель я около двухъ сошъ шаговъ. Смопрю: бѣдный нашъ бывшій начальникъ, конно-егерскій шрубачъ, лежишь мершвыи на одной полянѣ. Онъ весь былъ изранень: голова разрублена, на ворошникѣ мундира заспшала

кровь... Добрый конь его споялъ надъ нимъ, уныло глядѣлъ на убишаго своего сѣдока и разгребалъ снѣгъ копышомъ: можно было подумашь, что онъ хотѣлъ опдашь долгъ погребенія бывшему своему господину! Конь заржалъ и замопалъ головою, когда увидѣлъ меня, какъ будто бы предчувствовала, что я изъ числа шѣхъ, кошорые принимающъ участвіе въ судьбѣ несчастнаго, погибшаго въ чужой землѣ, далеко отъ своей родины. Я отворошилъ голову; нѣсколько слезъ съ усиліемъ вырвались изъ моихъ глазъ. Я пошелъ далѣе. Цѣлый день бродилъ я по окрестностямъ; скудные мои запасы ипоощились, голодъ и холодъ меня одолевали. *Сантinelъ* часшо оспанавливалась, заглядывала мнѣ въ глаза и какъ бы спрашивала: гдѣ же конецъ нашимъ спраданіямъ? Здѣсь я узналъ собственнымъ опышомъ, что чѣмъ ближе человекъ бываетъ къ гибели, тѣмъ сильнѣе онъ привязанъ къ жизни. Я не хотѣлъ умереть, дрожалъ при малѣйшемъ шорохѣ, пря-

шался, увидя вдали что либо похожее на человека. Подъ вечеръ силы вовсе меня оставили; я упалъ среди поля и не помню, что со мною было... Очнувшись, я увидѣлъ себя въ крестьянской избѣ; двое поселянь опширали окостенѣлыя мои члены; человекъ въ черной шинели, пощъ начальникъ земскихъ защитниковъ, о кошоромъ я прежде рассказывалъ, сидѣлъ въ углу на скамьѣ. Съ перваго взгляда мнѣ показалось, что все эшо вижу я во снѣ; я закрылъ снова глаза, но чувствовалъ, что меня перли сукномъ, и убѣдился въ существенности шого, что видѣлъ. Тутъ пришла мнѣ спрашная мысль, что меня спараюшся возврашшь къ жизни для шого, чтобы предашь новымъ, ужаснѣйшимъ мученіямъ. Я вскочилъ: чернѣй человекъ тихо и съ учасшіемъ спросилъ меня на Французскомъ языкѣ: «какъ шы себя чув-«свуешь, другъ мой?» — «Мнѣ лучше,» отвѣчалъ я, не помня самъ себя опъ страха: «пустише меня, или...» Чернѣй человекъ улыбнулся. «Идши! куда? чтобы замерзнуть

или бышь убишу?» молвилъ онъ: «вѣтъ, другъ, я не пущу тебя.» — «Чтожь вы хошите со мною дѣлать?» спросилъ я измѣнившимся голосомъ. — «Теперь покажѣсь опогрѣшь и накормишь себя,» отвѣчалъ онъ; «а шамъ что Богъ внушитъ мнѣ.» Холодный пошъ меня пронялъ, зубы у меня засшучали такъ, что звонъ отдавался въ ухахъ, голосъ замеръ и я съ крайнимъ уси-
 лиемъ едва могъ промолвить: «какъ эшо?» — «Успокойся, другъ мой; отвѣчалъ онъ съ смѣхомъ: «тебя; я вижу, напугали нашими крестьянами; но здѣсь ты мой военноплѣн-
 ный. Могу тебя увѣришь, что я не такъ спрашенъ, какъ тебѣ кажусь...» И не давъ мнѣ еще опомнишься, онъ сказалъ что-то по Руски своимъ подчиненнымъ. Мигомъ при-
 несли графинъ водки, хлѣбъ и чашу русской похлебки. Черный человекъ выпилъ самъ, на-
 лилъ другую рюмку и подалъ мнѣ, пошомъ поднесъ по рюмкѣ каждому изъ своихъ рап-
 никовъ. Я не могъ опомнишься ошъ удивле-

нія и благодарности, хотѣлъ изъяснить ихъ новому моему благодѣтелю, — но онъ не далъ мнѣ времени высказать свои чувствованія. «Садись и ушли свой голодъ,» сказалъ онъ, подвелъ меня къ столу и посадилъ меня за чашей горячей похлебки; самъ между шѣмъ похаживалъ въ молчаніи по комнатѣ. Я началъ ѣсть, и сказавъ правду, не церемонился; вдругъ что-то бросилось мнѣ подъ ноги; я вздрогнулъ. . . Это была моя *Сантинель*, кошорая до сихъ поръ спала пригрѣвшись въ углу избы, подлѣ печки. Слезы навернулись у меня на глазахъ; я прижалъ къ груди своей *Сантинель*, какъ друга, съ кошорымъ не надѣялся больше видѣться въ здѣшней жизни; дѣлился съ нею кусками и ласкалъ ее. Черный человекъ остановился, казался разпроганнымъ и сказалъ мнѣ: «да, эша собака споить, чшобъ ее ласкали; она причиною, чшо мы спасли шебъ жизнь. Я съ людьми своими ѣздилъ для осмошра окрестностей, чшобъ узнать, нѣшь ли гдѣ непрія-

шельскихъ мародёровъ. Мы видѣли многихъ изъ погибшихъ своихъ товарищей; я осматривалъ каждыя, въ надеждѣ, что могу спасти кого нибудь изъ этихъ несчастливцевъ; но всѣ спали добычей мороза, или умерли ошъ рань. Такимъ же образомъ мы нашли и себя. Вопшь еще одинъ несчастный, думалъ я: вдругъ собака, лежавшая подлѣ себя, всшала на ноги и глухимъ рычаньемъ какъ будто хопъла насъ отогнашь. Это возбудило во мнѣ любопытство и участіе: я велѣлъ поднять себя; собака скалила зубы, дергала за полы моихъ людей, наконецъ видя, что мы подняли себя и взложили на сѣдло одного изъ верховыхъ моихъ, побрела за нами и не опспавала до самой деревни. Я велѣлъ ее впустить въ избу, кормить хлѣбомъ и она спокойно улеглась, видя или чувствую, что тебѣ никакого зла не дѣлали. Можете вообразить, что я чувствовалъ, слушая этушъ разсказъ. Въ другой разъ былъ я обязанъ *Сантинели* за сохраненіе моей

жизни; я ласкалъ ее, плакалъ какъ ребенокъ, и впервые, послѣ долгихъ дней спрадація и горя, ощутилъ въ душѣ что-то ошрадное.

«Спустя нѣсколько времени, пришли сказать черному человѣку, что все готово. Мнѣ дали теплую обувь, укутали шубой и на голову надѣли мѣховую шапку; въ шакомъ нарядѣ сѣлъ я въ сани вмѣстѣ съ чернымъ человѣкомъ; *Сантинель* по же вскочила туда и улеглась на моихъ ногахъ. Мы помчались, какъ спрѣла, по гладкой снѣжной дорогѣ. За нами скакали около двадцати человѣкъ вооруженныхъ крещьянъ. Черезъ полчаса мы прѣехали въ другое селеніе, кошорое, по обгорѣлымъ ошашкамъ полусозженнаго дома, узналъ я, какъ мѣсто несчастныхъ нашихъ подвиговъ. Я вздрогнулъ и морозъ пробѣжалъ у меня по всѣмъ сосавамъ. Черный человѣкъ, видно, замѣшилъ это; онъ ободрялъ меня и сказалъ, что одинъ только эпотъ домъ и сгорѣлъ; что онъ, при нашемъ опшупленіи, пошчасъ велѣлъ пушить пожаръ,

**

и это не трудно было сдѣлать, ибо множество снѣга подавало къ тому всѣ способы; что по сей-то причинѣ крестьяне не всѣ и то очень слабо насъ преслѣдовали; наконецъ, что онъ на свой счетъ выстроилъ новый домъ погорѣвшему крестьянину и вознаградишь его за всѣ убытки. Тутъ только я узналъ, что сострадательный черный человекъ былъ помѣщикъ этой деревни; прежде служилъ онъ въ военной службѣ; а теперь, для охраненія своего окошка отъ нашихъ мародёровъ, составилъ изъ своихъ крестьянъ то небольшое земское ополченіе, которое такъ ужасно прошивъ насъ дѣйствовало.— Мы подъѣхали къ красивому господскому дому; мнѣ съ *Сантинелью* ошвели особую, шепюю комнашку и...

— «Хозяинъ!» вскрикнулъ одинъ изъ мальчиковъ моего разскащика, шоропливо вбѣжавшій въ комнашу: «Г. Меръ прислалъ за вами и пребуешъ васъ къ себѣ, какъ можно скорѣе.

— «Ты видишь, что я заняшь: скажи, что прийду, когда окончу...

— «Нельзя, хозяинь,» перерываль докучливый мальчикъ: «какой-шо знашный чиновникъ прїхаль изъ Парижа и Г. Меръ непременно долженъ къ нему сей же часъ явишься; а вы знаете, что Г. Меръ никому, кромѣ васъ, не довѣряеть своей головы.

— «Какое безвременье!» вскричалъ мой волосочесатель, нешерпѣливо топнувъ ногою. «Впрочемъ, сударь, я въ минушу кончу уборку вашей головы и въ коропкихъ словахъ доскажу вамъ мою испорію... Скажи, что, что сей часъ!» Мальчикъ исчезъ, а парихмахеръ, спѣшилъ dokonчить мою прическу, и свою повѣспь.

«Новый мой благодѣшель, котораго образъ ношу я въ моемъ сердцѣ, но право спыжусь изломашъ его имя неправильнымъ Французскимъ выговоромъ, держаль меня [въ своемъ домѣ, одѣль меня, кормиль и поиль до шѣхъ поръ, пока ошпашки Французской арміи не

вышли изъ Россіи и ожесоченіе Рускихъ крещьянъ прошивъ насъ не укрошилось. Тогда онъ самъ опхвезъ меня въ городъ и я поспуилъ въ число прочихъ военноплѣнныхъ. Въ продолженіе войны 1813 и 1814 годовъ мнѣ удалось видѣть многіе города Россіи, и въ каждомъ изъ нихъ или убирають волосы, или гошовить мороженья и конфекты для желающихъ. Наконецъ въ одномъ большомъ губернскомъ городѣ я завель лавку, въ копорой продаваль духи и помады, накладные волосы; убираль головы Рускихъ красавиць, снаряжалъ свадебные споы, училь мальчиковъ искусству волосочесапеля и пр. и пр. Сими чеспными средспвами я нажилъ около пяти пысячь франковъ на наши деньги, и эшому не должно дивисься: господа Рускіе очень щедры, особливо къ намъ, Французамъ, а я любиль порядокъ и бережливоспъ. При возвращеніи Французскихъ военноплѣнныхъ, я поспѣшилъ въ опечеспво, съ радоспными следами пришель въ родной мой городъ, съ во-

споргомъ стѣшилъ къ Селинѣ — и выслушала ошъ нея новыя увѣренія въ вѣрной, неизмѣнной любви. Но злой спарикъ, отецъ ея, по прежнему былъ непреклоненъ: онъ слышашъ не хощѣлъ о помъ, чшобъ соединить насъ! Въ досадѣ я рѣшился ийти ему на перекоръ: на вывезенныя мною изъ Россіи деньги, нанялъ кварширу прямо прошивъ оконъ эшого спараго брюзги, и здѣсь ежечасно бѣшу его шѣмъ, чшо онъ видишь меня, видишь, какъ счастье мнѣ съ каждымъ днемъ больше и больше благопріятствуетъ — а онъ не можешъ вредить мнѣ; даже, изъ корысполюбія, не можешъ мнѣ запрешить, когда я зазываю нѣсколько добрыхъ пріятелей въ его шпакширъ, гдѣ, подь часъ, дразню его полнымъ кошелькомъ золоша... »

— «Чего же ты надѣешься впередъ, другъ мой?» спросилъ я моего рассказика.

— «Гмъ! чего я надѣюсь, сударь? я надѣюсь, сударь, чшо со временемъ все переѣнишися. Спарикъ Террье не два же бѣка

спанешъ жишь: авось либо онъ изчахнешъ опъ зависши, или захлебнешся опъ кашля и удушья.

— «А Селина? что она объ эшомъ думаетъ?»

— «Селина любитъ меня, но любитъ и отца своего, и не хочешъ его покинуть. Она все не перяешъ надежды когда нибудь его умилоспивишь, а въ ожиданіи переглядываешся со мною, пересылаешся записками, и часомъ даже переговариваешся, когда спарикъ выходишь изъ дома. — Но я слишкомъ заговорился, сударь; прическа ваша совсѣмъ гошова, а меня ждесть Г. Меръ.

— «Еще одно слово, другъ мой, » смазаль я, подавая ему червонецъ: «скажи мнѣ, пожалуйста, что значить надпись на швоей вывѣскѣ: *солнце свѣтитъ для каждого?*»

Парикмахеръ мой немного смѣшался; довольно неудачно объяснял мнѣ, что сею надписью думаль онъ выразишь минувшія свои бѣды и нынѣшнее благосостояніе, и ш. п. Наконецъ онъ признался съ добродуш-

ною улыбкой, что словами: *Солнце свѣтитъ для каждаго*, хошѣлъ онъ подразнить спараго Террье и высказашъ ему, что не для него только свѣшпшъ солнце счастья. Послѣ шакого поясненія, онъ поклонился мнѣ; я вышелъ и отправился въ гостинницу Террье.

Въ гостинницѣ нашѣлъ я необыкновенное волненіе. На дворѣ стояла прекрасная дорожная кареша, около копорой собралась толпа зѣвакъ и шолковала о чемъ-то въ полголоса; на лѣшницѣ бѣгопня и шолкопня ливрейныхъ лакесвъ и шракширной челяди; вдоль корридора цѣлый спрой разныхъ лицъ въ самомъ чинномъ положеніи и съ заказною радосью во взглядѣ. Я вошелъ въ общую комнапу. Толспаго Англичанина съ сухощавою его половиной шамъ уже не было, вершляный Ишальянецъ шаже изчезъ, а неблаговидный Французъ, прилипнувъ въ углу къ спѣнѣ, казалосъ, не смѣлъ дышашъ. Хозяинъ шракши-

ра почтительно сстоялъ у двери, какъ бы на посылкахъ, и на эшопъ разъ былъ безгласенъ, какъ рыба; только глазами умильно слѣдилъ онъ челоуѣка, копорый свободно и опчаспи горделиво разхаживаль взадъ и впередъ по комнашѣ. Я взглянулъ на сего важнаго незнакомца и мигомъ узналъ въ немъ Графа ***, Пера Франціи, съ копорымъ нѣсколько разъ видѣлся у одного богатаго нашего соопечественника, жившаго шогда въ Парижѣ. Я подошель къ Графу, онъ шакже узналъ меня, сказалъ мнѣ нѣсколько весьма леспныхъ привѣшствій, копорыя спарый Террье ловиль на лешу и, какъ видно было, соспавлялъ по нимъ новыя догадки на мой счель. Въ эшу минушу вошель одинъ изъ служишелей Графа и доложилъ ему, что комнашы его гошовы; Графъ учшиво пригласиль меня съ собою, и я, имѣя на него нѣкошорые виды, о коихъ скажу послѣ, и не подумаль опказашься. Въ корридорѣ обшупила насъ гуспая шолпа людей разнаго звания, съ поздравленіями, сло-

весными и письменными просьбами — разумеется, къ Графу; нѣкоторыя же, сочтя меня или за секретаря его, или за другую важную довѣренную особу, относились напередъ въ полголоса ко мнѣ. Оба мы разкланивались во всѣ стороны, я извинялся и ошговаривался, какъ умѣлъ, а Графъ сказалъ эшимъ господамъ, что чрезъ полчаса приметъ ихъ въ общей залѣ. Мы вошли въ комнаты, приготовленные для Графа.

— «Не правда ли,» сказалъ онъ съ улыбкою, «что эши просители очень милы?»

— «Если вы находите, Графъ, что они очень милы,» ошвѣчалъ я: «шо для меня эшо ободрительно, пошому что и я имѣю честь включишь себя въ число вашихъ просителей..»

— «Вы?...» вскрикнулъ удивленный Графъ, бросивъ на меня недоувѣрчивый взглядъ: «какимъ чудомъ?... Однакожь,» прибавилъ онъ съ изученною важностию: «вы здѣсь иносранецъ и должны пользоваться правомъ го-

сперіимства. Позвольте выслушать васъ прежде другихъ.»

Графъ посадилъ меня подлѣ себя; я разсказаль ему въ коропкихъ словахъ походе- нія моего парикмахера и просиль его содѣй- ствія въ помѣ, чтобы помочь бѣдному Ахил- лу касательно его женихѣ на Селинѣ.

— «Въ помѣ-шо и вся ваша просьба?» сказалъ Графъ, выслушавъ меня. «Этой бѣ- дѣ, кажешся, легко помочь и я охотно го- шовъ сдѣлашь, что могу, для человекъ, ко- шорый проливалъ кровь свою за Францію, подѣ чьими бы шо ни было знаменами. Раз- сказъ вашъ задобриль меня въ его пользу, и мнѣ, какъ шуземцу, пріятно будетѣ вспу- нить въ лесное совмѣспничесво съ Ру- скимъ, когда дѣло идетѣ о помѣ, чтобы сдѣлашь добро Французу. Погодите: сей часъ явишся ко мнѣ здѣшній Меръ и я дамъ ему аудіенцію въ общейъ комнашѣ шракшира. Вы сами увидите, какіе будутѣ плоды этой

аудиенціи; васъ я прошу бышь свидѣтелемъ нашего разговора.»

Черезъ нѣсколько минушь вошелъ хозяинъ и съ низкими поклонами объявилъ, что городской Меръ и другіе чиновники собрались въ общей залѣ и ожидающъ Графа. При семъ случаѣ хозяинъ спросилъ у Графа, угодно ли ему будешъ, чшобъ никого изъ постороннихъ не впускашь въ пріемную залу во время аудиенціи? На лицѣ стараго Террье замѣшно было худо побѣжденное любопытство и крайнее желаніе бышь въ числѣ зрительей. Графъ съ одного взгляда понялъ, что происходило въ душѣ шракширщика.

— «О, нѣшь!» сказалъ Графъ: «я даю публичную аудиенцію и всякой имѣешъ право бышь при ней.»

Тракширщикъ съ веселымъ лицомъ и съ новыми поклонами вышелъ. Въ слѣдъ за нимъ, Графъ, взявъ меня подъ руку, пошелъ въ общую залу.

Меръ и другіе чиновники разшаркались и рассыпались въ поклонахъ и привѣшствіяхъ, при появленіи Графа, который опвѣчалъ имъ барскою уклонкой головы и нѣсколькими ласковыми словами. Послѣ долгой церемоніи, въ которой Гг. шопъ-шо и шопъ-шо были предспавлены Меромъ, Графъ опвелъ сего послѣдняго въ спорону и говорилъ съ нимъ минушь съдесяшь. Я замѣшилъ нашего пракширищика въ шоплѣ зришелей: онъ спюялъ впереди всѣхъ съ улыбкой радости, съ разгладившимися на лбу морщинами; и, казалось, жадно собиралъ запасы для будущихъ своихъ разсказовъ.

Графъ, переговоривъ съ Меромъ, подошелъ вмѣстѣ съ нимъ на средину залы и сказалъ громко:

— «Кешаши, Г. Меръ: у васъ въ городѣ ешь одинъ человекъ, которому я долженъ уплашишь спарый долгъ благодарности, за одного моего ближняго родспвенника, бывшаго въ походѣ 1812 года. Человекъ, о ко-

поромъ я говорю, кажешся, долженъ бышь здѣсь парикмахеромъ: имя его Ахилль, а солдашское прозвище, помнишься, Ла-Розъ. Я желалъ бы сдѣлать для него чтонибудь особенное. . . »

Я взглянулъ на Селину, кошорая сидѣла на своемъ мѣстѣ, у конпорки, — лице эшой молодой дѣвушки прояснилось и щеки запылали; взглянулъ на ея ошца — спарый брюзга сдѣлалъ какую-то спранную ужимку, по кошорой нельзя было разгадать, радовался ли онъ, или печалился ошъ шого, что слышалъ.

— «Я знаю эшого человекъ, кошорый удостоился вниманія Вашего Сіяшельства,» ошвѣчалъ Меръ, — «и смѣю увѣришь, что онъ поведеніемъ своимъ вполнѣ шого заслуживаетъ.

— «Очень радъ,» промолвилъ Графъ; «шолько не знаю, чѣмъ бы вознаградишь его за важныя услуги, оказанныя моему родшвеннику. Эшошъ мнѣ сказывалъ, что Ахилль Ла-Розъ влюбленъ былъ въ одну дѣвушку въ здѣшнемъ городѣ, былъ ей всегда вѣренъ и

надѣялся женишься на ней, по возвращеніи сюда. Женился ли онъ?...

(Я снова взглянулъ на Селину: она покраснѣла пуще прежняго и на глазахъ у нея навернулись слезы).

— «Нѣтъ еще,» отвѣчалъ Меръ.

— «Хозяинъ,» сказалъ Графъ, обращаясь къ шрапширщику, котораго въ это время кусалъ себѣ губы и переминался на мѣстѣ, какъ Индѣйскій пѣшухъ; — «вели позвать сюда парикмахера Ахилла Ла-Розъ.

— «Господь исполнишь волю Вашего Сіяшества,» отвѣчалъ Террье и пошелъ изъ комнаты, въ какомъ-то раздумьѣ или внутренней борьбѣ. Черезъ двѣ - три минуты онъ снова явился съ Ахилломъ, тихо и очень дружелюбно съ нимъ разговаривая.

Ахиллъ, одѣтый щеголевато, подошелъ къ Графу, поклонился очень вѣжливо, но не раболѣпно и съ какою-то воинскою ловкостью. Онъ все еще, какъ видно было, не понималъ, за чѣмъ его позвали. Графъ благо-

М. Н. Д — Й.

Счастливым милостью судьбыны,
 Что я и Руской и поэтъ,
 Несу на ваши именины
 Мой поздравительный привѣтъ;
 Пускай всегда владѣютъ вами
 Подруги чистой красоты:
 Свобода, радость и мечты
 Съ ихъ неприступными дарами;
 Пускай сияютъ ваши дни,
 Какъ ваши мысли, ваши взоры,
 Или пылительной Авроры
 Живые, свѣжіе огни!

Гдѣбъ ни былъ я, клянусь богами,
 Въ странѣ родной и неродной
 Любимъ ли въпренной судьбой,
 Иль сирота подъ небесами,

За фоліаншомъ, за перомъ,
 При громахъ браннаго пимпана,
 При звукъ лиры и спакана,
 Заморскимъ полного виномъ:
 Всегда услужливый мой геній
 Напоминашь мнѣ будеть васъ
 И Дерпшъ, и славу, и Парнасъ
 И сада Радсгофскаго шѣни. —
 Вотъ вамъ примѣръ: въ Россіи, памъ,
 Гдѣ величавая природа,
 Спуденпъ-пѣвецъ, я жилъ съ пѣгода;
 Моимъ разборчивымъ очамъ
 Являлись дивныя каршины:
 Я зрѣлъ, какъ ранніе снѣга
 Сребромъ ложились на вершины
 И на широкіе луга,
 Какъ Волги пѣнились пучины,
 Какъ шрепешали берега,
 Какъ обнаженные дубравы
 Осенній вѣсперъ волновалъ
 И въ пудрѣ по полю гулялъ
 Я видѣлъ сельскія забавы,
 Я видѣлъ свашьбу, видѣлъ свѣпъ—
 И что же чувщивовалъ поэтъ?
 Полна спасительнаго гнѣва
 Моя открытая душа,
 Была скучна, не хороша,

Какъ непоняшлвая дѣва;
 Она молила небеса
 Исправишь воздухъ и дорогу
 И слава Богу, слава Богу,
 Я здѣсь, — мой рай, моя краса!
 Царица вольныхъ наслажденій,
 Гдѣ ты, — богиня пѣснопѣннй?
 Приди, возвышенный швой даръ
 Меня наполнишь, очаруетъ
 И сердце юношескй жаръ
 Къ пруду прекрасному почувешъ.
 Примѣръ не крашокъ, нужды нѣтъ!
 Я обвиняюсь передъ вами,
 Чѣло замечался; но мечпами
 Живешъ и дѣйствуешъ поэтъ,
 И дѣло! Въ мйрѣ съ юныхъ лѣтъ,
 Богатый творческою силой;
 Онъ пламенѣетъ спрасшью милой,
 Душой слѣдишь свой идеаль
 И вопъ нашель... не пугъ-шо было!
 Любимецъ музы прозѣвалъ,
 Прощай возвышенное счастье:
 Предъ нимъ въ оберткѣ божеснва
 Одиъ бездушныя слова,
 Одно холодное учасшь.
 Кого жъ любишь ему? — Мечпы —
 Онъ ими сердце оживляетъ

И сладко, гордо забываешь
 Свой плѣнь и райскія чершы —
 Лица и мозга красоты.
 Ахъ, я забылся! Опъ предмета,
 Куда спихи мои лепяшь?
 Проспитие вашего поэта,
 Я право правъ, не виноватъ,
 Чшо разболпался не въ попадъ.
 Такъ было бъ лучше во спо крапъ
 Въ моемъ шайншвенномъ журналѣ
 Объ непоняшномъ идеалѣ
 Писашъ, чшо здѣсь говорено;
 Но будь какъ еспъ, мнѣ все равно,
 Я знаю вашу благосклонность,
 Не удивилъ, не пронешъ васъ
 Мой необдуманнйй разскаъ,
 Моей мечпы неугомонность.
 Пора' мнѣ кончишь мой привѣшь
 И скуку вашего шерпѣнья;
 Когда въ душѣ чего-шо нѣшь,
 Когда не сладко наслажденъе,
 Когда любимая звѣзда,
 Для вдохновеннаго пруда
 Невѣрно, пасмурно сіяепъ:
 Пѣвцу и прудъ надоѣдаешъ
 И овъ безъ дара Піэридъ,
 Безъ пишической ошваги,

Повѣся голову сидишь
 И помню смолчишь на бумаги.
 Довольно! Нѣтъ, еще мой геній
 Васъ просишь, кланяся вамъ,
 Не скоро ждише объясненій
 Его загадочнымъ словамъ,
 Наспанешъ время, послѣ Мая,
 Подробно онъ расскажетъ вамъ,
 Какая сила роковая,
 На зло Парнасу и уму,
 Апрельъ попоршила ему;
 Еще онъ просишь, Бога ради,
 Безъ Гарпокрапа никому
 Вы не кажише сей шепради.

Н. Языковъ.

ПРАОТЦЫ (Dziady.)

(Сочиненіе Адама Мицкевича.)

Это названіе повѣрья, донинѣ еще существующаго въ прослоюдіи, во многихъ околицкахъ Липвы, Пруссіи и Курляндіи, на поминкахъ усопшихъ предковъ или *родителей*, какъ говоришся у просаго народа въ Россіи. Повѣрье сіе ведеть свое начало ошь времянь языческихъ и нѣкогда называлось *Козловымъ* пиршешвомъ, на копоромъ предводишелемъ или Хорифеемъ былъ Козляръ, Гусляръ, вмѣстѣ и жрецъ и поэтъ (Geślarz). Въ позднѣйшія времена, неоднократно Хрис-

христіанское духовенство и мѣстныя власти сдѣлались искоренишь обычай, перемѣшанный съ свранными заштѣями и не рѣдко съ языческими обрядами; однакожь, просподюдіе празднуешъ *Дяды* скрышно въ часовняхъ или запусшѣлыхъ домахъ близъ кладбища. Тамъ спавишся общая призна изъ разныхъ яспвѣ, пишья и плодовъ, и вызывающся души усопшихъ. Достпойно замѣчанія, что обычай угощашъ умершихъ, кажешся былъ общій всѣмъ языческимъ народамъ: и въ древней Греціи, во времена Гомеровскія, и въ Скандинавіи, и на Воспокъ, и даже на островахъ Новаго свѣща. Липовскіе *Дяды* опличающся тѣмъ, что въ нихъ языческіе обряды смѣшаны съ поняшїями Христіанскими; ибо день поминокъ по душамъ приходишся обыкновенно около того времени, въ кошорое выполнялось сіе повѣрье. Просподюдіе думаешъ, что кушаньемъ, пишьемъ и пѣснями приносишь оно опраду душамъ, находящимся въ чистилицѣ. Споль важный, по наружности, пред-

мешъ празднества, уединенныя мѣста, время ночи и мечшательные чудные обряды, нѣкогда сильно говорили моему воображенію; я вслушивался въ рассказы, повѣсти и пѣсни о покойникахъ, приходящихъ съ шого свѣта съ просьбами или съ угрозами; и во всѣхъ сихъ вымыслахъ можно было найти цѣль нравственную и достичь науки — просонароднымъ способомъ представлять понятія умственные. Слѣдующая поэма представляетъ образецъ сочиненій въ такомъ духѣ: обрядныя пѣсни, суевѣрія и чарованія, по большей части, переданы вѣрно, а иногда слово въ слово взяты изъ просонародной поэзіи.

ЧАСТЬ II.

There are more things in Heavan and Earth,
Than are dreamt of in our Philosophy.

SHAKESPEARE.

*(Часовня на кладбищѣ ; вечеръ. — Волхвъ ,
старецъ , хоръ крестьянъ и крестьянокъ).*

Х О Р Ъ.

Мрачно всюду, глухо всюду; —
Бышь шунгъ чуду, бышь шунгъ чуду.

В О Л Х В Ъ.

Запворише дверь во храмъ;
Спанише возлѣ гроба въ рядъ;
Пусть ни свѣчекъ, ни лампадъ
Насъ не освѣщаетъ пламя,
Ни между заслонъ окна

Не глядишь сюда луна —
Только скоро, шолько дружно!

СТАРЕЦЪ.

Все успроено, какъ нужно.

Х О Р Ъ.

Мрачно всюду, глухо всюду;
Бышь шущь чуду, бышь шущь чуду.

В О Л Х В Ъ.

Къ вамъ, спрадальцы очищенья,
Въ день свяшой поминовенья
Проспираю вѣщій гласъ!
Гдѣ бы ни былъ кто изъ васъ:
Жжешся ль пламенной смолою,
Иль подѣ хладною волною
Спынешь въ озерѣ на днѣ,
Иль въ каминѣ, на огнѣ,
Въ древо заключенъ сырое,
Слезы горькія спруишь —
Пусть къ намъ всякой поспѣшишь
На собраніе ночное!
Прилешайше въ Божій храмъ,
Здѣсь всего у насъ избытокъ:

Есть молитвы, фимиамъ,
Есть и яства и манишокъ.

Х о р ь.

Мрачно всюду, глухо всюду;
Бышь шумъ чужу, бышь шумъ чужу.

В о л х в ь.

Дайше мнѣ сухаго льну,
Я зажгу его съ моленьемъ;
Вы же пламень въ вышину
Мчише дружнымъ дуновеньемъ.
Выше, выше! Пусшь лепить,
Пусшь на воздухъ сторить.

Х о р ь.

Мрачно всюду, глухо всюду;
Бышь шумъ чужу, бышь шумъ чужу.

В о л х в ь.

Вы, сперва, младья плѣни,
Комъ живнiю своей
Въ сей водои бурь, спрасней,
Слезъ, печали и мученiй,
Заблеспали какъ сей лёнъ
И попухнули, какъ онъ, —

Кло изъ васъ блаженства рай
Ждешь, по небесамъ блуждая,
Тѣхъ лепечимъ симъ огнёмъ
Заклинаемъ и зовемъ!

Х о р ь.

Что вамъ нужно для спасенья —
Яспвь, пишья, или моленья?

В о л х в ь.

Посмотрите! Вошь надъ нами,
Въ свѣтѣ радужныхъ лучей,
Золотистыми крылами
Двое плаваютъ дѣшей.
Какъ съ голубкой голубъ нѣжной,
Какъ два розовыхъ лиспа,
Мчипся въ рѣзвостри небрежной
Юныхъ ангеловъ чеша.

Х о р ь.

Какъ съ голубкой голубъ нѣжной,
Какъ два розовыхъ лиспа,
Мчипся въ рѣзвостри небрежной
Юныхъ ангеловъ чеша.

Д и т я , (одной изъ крестьянокъ.)

Край воздушный покидая,
 Мы лепимъ во храмъ свяшой
 Къ нашей мапушкѣ родной.
 Узнаешь ли насъ, родная?
 Мы пеперь на небесахъ,
 Гдѣ задумаемъ, лепаемъ;
 Видишь ли, какъ мы сіяемъ
 Въ чистыя радужныя огняхъ?
 Какъ зари молодой сіянье
 Намъ сошкало одѣянье?
 Какъ намъ крылья опрасли
 Крыльевъ бабочки нѣжиѣ?
 Тамъ намъ лучше и вольнѣе,
 Чѣмъ бывало на земли!
 Все шамъ взоръ нашъ забавляетъ :
 Гдѣ пройдемъ — распешъ цвѣшокъ,
 Гдѣ задумаемъ — пропекаешъ
 Въ мягкой шравкѣ ручейкъ.
 Но хощъ воля шамъ злапая,
 Хощъ цвѣнешъ шамъ вѣчный Май,
 Грустно, грустно намъ родная, —
 Заворенъ намъ свѣшлый рай!

Х о р ъ.

Но хощъ воля шамъ злапая,
 Хощъ цвѣнешъ шамъ вѣчный Май,

Грустно , грустно имъ , родная : —
 Запворемъ имъ свѣшлый рай !

В о л х в ь .

Чшо же , госпи дороге ,
 Для спасенья нужно вамъ ? —
 Жершва ль Богу , оиміамъ ,
 Яшва ль , хлѣбы ли свящые ?
 Здѣсь обиланный сполъ гошовъ :
 Ешъ довольно яшвѣ , плодѣвъ ;
 Ешъ напитки , прохладенья , —
 Чшо вамъ нужно для спасенья ?

Д и т я .

Намъ не нужно ничего :
 Мы несчастны опъ шого ,
 Чшо ни горя , ни печали
 На землѣ не испышали .
 Мирно жили мы ; для насъ
 Въ играхъ дѣтскаго бездѣлья
 Каждый день былъ днемъ веселья ,
 Часомъ счастья — каждый часъ ,
 Опъ рожденія до гроба ;
 И шеперь , слепая оба
 Съ вышины небесной къ намъ ,
 На бесѣду къ Божій храмъ ,

Мы не требуемъ моления,
 Вкусныхъ яствъ, плодовъ, вина:
 Дайше, въ день поминовения,
 Два намъ горькія зерна —
 Можесть спашься, дань шакая
 Опопреть намъ двери рая.
 А вы держите въ памяти своей,
 Чпо естъ шакой Превъчнаго завѣштъ:
 Кпо горькаго не вкусиштъ въ жизни сей,
 Тому и сладкаго по смерти нѣштъ.

Х о р ь.

А мы удержимъ въ памяти своей,
 Чпо естъ шакой Превъчнаго завѣштъ:
 Кпо горькаго не вкусиштъ въ жизни сей,
 Тому и сладкаго по смерти нѣштъ.

В о л х в ь.

Пусть удѣлъ вашъ будетъ рай!
 Воштъ зерно — и воштъ другое.
 А шеперь оштъ насъ въ покоѣ
 Улепайше въ горній край.
 Кпо жъ не слышиштъ просьбы слова,
 Тѣхъ оштъ нашего лица
 Гонимъ именемъ Отца,

Сына, Духа Пресвятова!
Вопшь икона, крестъ Хрисповъ, —
Кпо не хоченъ брашь даровъ,
Топшь изчезни, згинь!
Аминь, аминь!

Х о р ь.

Кпо не слышитъ просьбы слова,
Тѣхъ опъ нашего лица
Гонимъ именовъ Опца,
Сына, Духа Пресвятова!
Вопшь икона, крестъ Хрисповъ, —
Кпо не хоченъ брашь даровъ, —
Топшь изчезни, згинь!
Аминь, аминь!

(Дѣти изчезаютъ.)

В о л х в ь.

Чась полночи наспунаешъ:
Укрѣпите дверь замкомъ,
Ставьте здѣсь копелъ съ виномъ,
И лучины надъ копломъ
Пуснь смолисный пукъ пылаешъ —
И, какъ я жезломъ махну,

Прикоснешся пусшь къ вину.
Только скоро, только смѣло!

СТАРЕЦЪ.

Все гошово.

ВОЛХВЪ.

Скоро, смѣло! (даётъ знакъ.)

СТАРЕЦЪ.

Запылало, закипѣло
И пошухло въ дымной мглѣ.

ХОРЪ.

Мрачно всюду, тихо всюду;
Бышь шухъ чуду, бышь шухъ чуду!

ВОЛХВЪ.

Къ вамъ шеперь взываю шѣни,
Кои цѣпью преступлений
Къ сей прикованы землѣ;
Кои хъ бренносшь одолѣла,
Смерпъ изъ міра возвала,
Но душа еще изъ шѣла
Извлещися не могла. —

Если смертныхъ гласъ смиренный
 Можесть жребій вашъ смятчишь,
 И ошъ грѣшныхъ опклонишь
 Муки вѣчныя Геенны,
 Васъ, сужденнымъ вамъ огнемъ
 Заклинаемъ и зовемъ!

Х о р ь.

Что вамъ нужно для спасенья —
 Яснѣ, пишь, или моленъ?

Г о л о с ь п р и в и дѣ н н я , (за окномъ.)

Ей, вы хищныхъ птиць спаницы,
 Сова, коршуны, орлицы!
 Дайте мнѣ, молюся вамъ,
 Хошь на шагъ войши во храмъ!

В о л х в ь.

Боже! Кто онъ призракъ сей
 Съ спраждающимъ и мерпвымъ ликомъ,
 Блѣдный, какъ на полѣ дикомъ
 Оспавъ высохшихъ коспей?
 Видѣ его мрачнѣе ночи,
 Бьешъ изъ успѣ огонь и дымъ,
 Какъ межъ щепломъ угль сѣдымъ

Свѣщаятъ выпуклыя очи;
 Дыбомъ волосы спонягъ —
 И, какъ перна сногъ, пылая
 Мещепъ иглъ горящихъ градъ, —
 Такъ съ главы его, сверкая,
 Съ прескомъ искры врозъ лепягъ.

Х о р ь.

Какъ перновый сногъ, пылая
 Мещепъ иглъ горящихъ градъ,
 Такъ съ главы его, сверкая,
 Съ прескомъ искры врозъ лепягъ!

П р и в и д ѣ н і е , (изъ-за окна.)

Дѣши! Ахъ, уже ли, дѣши,
 Не узнали вы меня?
 Присмотринесь полько, дѣши:
 Бывшій вашъ владѣлецъ я,
 Господинъ деревни эшой!
 Треще лишь проходишь льше,
 Какъ мой прахъ вы оцнеси
 Въ вѣдра хладныя земли. —
 Ахъ, пияжка Творца десница!
 Нѣкій демонъ роковой
 Овладѣлъ моею душой!
 Независна мнѣ денница;

★★

Гдѣ ночная пѣма лежишь,
 Я бѣгу шуда со пѣмою —
 И повсюду, въ слѣдъ за мною
 Мука люпая бѣжишь.
 Вѣчный гладъ меня помиишь —
 Кто же гладъ мой напишаешь?
 Слая пшицъ меня перзаешь —
 Кто жъ спасеешь меня огъ пшицъ?
 Нѣшь мученіямъ границъ!

Х о р ь.

Слая пшицъ его перзаешь —
 Кто жъ спасеешь его огъ пшицъ?
 Нѣшь мученіямъ границъ!

В о л х в ь.

Чшо же нужно для спасенья
 Огъ душевнаго мученья?
 Просишь ли земныхъ даровъ,
 Иль молишь въ Владыкѣ неба?
 Есть довольно здѣсь плодовъ,
 Яслевъ, пшнья, сваянаго хлѣба —
 Чшо же нужно, избирай,
 Чшобы душу принять рай?

ПРИВИДѢНІЕ.

Рай?... Напрасная хула!
 Нѣтъ, я рая не желаю!
 Я о помѣ лишь умоляю,
 Чѣмъ душа моя могла
 Извѣстись скорѣй изъ пѣла!
 Лучше бы она кипѣла
 Въ самой ада глубинѣ,
 Лучше памѣ спонашь на днѣ,
 Чѣмъ, средь споль же злыхъ мученій,
 Видѣшь, обипая свѣтъ,
 Слѣдъ прошекшихъ наслажденій
 И злодѣйствъ прошекшихъ слѣдъ;
 Бышь рабомъ геенской мощи,
 Жершвой вѣчнаго огня;
 Опъ полнощи до полдня,
 Опъ полдня и до полнощи
 Жаждой, голодомъ спрадашь,
 Хищныхъ пшицъ собой пишаць!

Но назначено судьбами,
 Чѣмъ тогда лишь безъ препонъ
 Вкусишь прахъ мой въ гробъ сонъ,
 Какъ я буду, дѣши, вами
 Напосенъ и насыщѣнъ.

Ахъ, какъ гладъ и жажда пшяжки!
Ахъ, подайте мнѣ въ окно
Хоть воды испить полчашки,
Хоть пшеницы съѣсть зерно!

Х о р ь.

Ахъ, какъ гладъ и жажда пшяжки!
Подадимъ ему въ окно
Хоть воды испить полчашки,
Хоть пшеницы съѣсть зерно.

Х о р ь н о ч н ы х ь п т и ц ь .

Тщешны просьбы, щещенъ спомъ!
Мы здѣсь, хищныхъ птицъ спаницы,
Совы, коршуны, орлицы,
Коиже былъ владѣльцемъ онъ,
Коиже смерти предалъ гладной —
Мы полною безпощадной
Ясва и пише пожрѣмъ!
Изосприше когпи, клѣвы
Враны, коршуны и совы!
Спанемъ рванъ на часпи кормъ,
Крошку каждую изъ длави
И изъ усшь и изъ горпани
Нечеспивца извлечѣмъ!

О ! не зналъ шы соспраданья!
 Эй, вы, совы, пшицы шьмы,
 Браны, коршуны и мы
 Будемъ чужды соспраданья!
 Рвише пищу по кускамъ;
 Если жъ пиши мало вамъ,
 Рвише шѣло въ мспящей злоспи —
 Пусшь шорчашъ нагя кости!

Воронъ.

И шебѣ пропивенъ гладъ?
 А забылъ шы, какъ однажды
 Я шайкомъ прошелъ въ швой садъ —
 Тамъ все зрѣло : ярко каждый
 Рдѣлся плодъ на деревьяхъ;
 Я шри дни больной и хилой,
 Крошки не имѣвъ въ успахъ,
 Сорвалъ чшо поближе было;
 Но садовникъ изъ кусповъ
 Выскочилъ и созвалъ псовъ,
 И погналъ меня, какъ звѣря.
 Я не могъ прокрасшься въ двери,
 Злой слуга меня наспигъ,
 Взялъ — и предъ деревней цѣлой
 Важное судилъ шы дѣло,
 Дѣло о плодахъ лѣсныхъ,

Кои Богъ всему народу
 Даровалъ какъ огонь и воду!
 Судъ пвой спойалъ бышь пвоимъ :
 « Наказашъ въ примѣръ другимъ ! »
 Ты сказалъ — и привалили,
 Въ плугъ ввязавъ меня, къ спѣвѣ ,
 Десяшь связокъ прутьевъ сбили ; —
 Какъ опъ снопа рожъ въ гумнѣ ,
 Какъ горохъ опъ спручевъ зрѣлой ,
 Такъ опъ кожи помершвѣлой
 Коспи всѣ опбили мнѣ !
 О , не зналъ шы состраданья !

ХОРЪ ПТИЦЪ.

Эй вы , совы , пшицы тѣмы ,
 Враны , коршуны и мы .
 Будемъ чужды состраданья !
 Рвите пищу по кускамъ ;
 Если жъ пици мало вамъ ,
 Рвите шѣло въ вспящей злоспи ;
 Пусть шорчалъ нагя коспи !

С О В А .

И шебѣ прошивенъ гладъ ?
 А забылъ шы , какъ безъ крова ,

Въ ночь сочельника свяшова,
 Я съ ребенкомъ, въ люпытый хладъ,
 У швоикъ спонала врагъ?
 Сжался, я въ слезахъ молила,
 Надъ оставленною мной:
 Мужъ уже во гробъ мой,
 Мать болѣзнь въ постель свалила,
 Дочь въ свой дворъ шы заключилъ,
 Чушь живетъ дитя грудное; —
 Помоги, — Богъ плашишь вдвое!
 Больше вышерцишь нѣтъ силъ. —

Ты жъ, безчувспенный злодѣй,
 Пиромъ занятый разврапнымъ
 Съ пьяной шайкой богачей —
 Ты шепнулъ слугамъ приврапнымъ:
 « Кто превожитъ шамъ госпей?
 « Вонъ докучную бродягу! »
 И меня, презрѣвъ мой спонъ,
 За власы извлекши вонъ,
 Вбили въ мерзлый снѣгъ!.. Я шагу
 Дальше сдѣлашь не могла,
 Пала и на помъ же мѣспъ,
 Охладѣвъ съ ребенкомъ вмѣспъ,
 Богу душу опдала. —
 О, не зналъ шы сосраданья!

ХОРЪ ПТИЦЪ.

Эй вы, совы, пилицы пьемы,
 Совы, коршуны и мы
 Будемъ чужды соспрананья!
 Рвите пицу по кускамъ;
 Если жъ пици мало вамъ,
 Рвите шло въ мспящей злоспи. —
 Пуспъ шорчашъ нагя коспи!

ПРИВИДѢНІЕ.

Нѣштъ мнѣ, нѣштъ мнѣ избавленья!
 Тщешно ясива подающъ —
 Пилицы все клюющъ и жрущъ!
 Нѣштъ мнѣ, нѣштъ мнѣ облегченья
 Въ день свяшой поминовенья!
 Такъ долженъ я спрадапъ, поминься вѣкъ!
 Судьбы законъ правдивый изрекли:
 Кпо челоѣкомъ не былъ на земли,
 Тому помочь не власпенъ челоѣкъ!

Х О Р Ъ.

Такъ долженъ онъ спрадапъ, поминься вѣкъ!
 Судьбы законъ правдивый изрекли:
 Кпо челоѣкомъ не былъ на земли,
 Тому помочь не власпенъ челоѣкъ!

Волхвъ.

Если злу не лъзя помочь,
Улепай же, призракъ, прочь!
Кпо жъ не слышишгъ просьбы слова,
Тѣхъ опгъ нашего лица
Гонимъ именовъ Опца,
Сына, Духа Пресвятова!
Волгъ икона, креспгъ Хрисповъ —
Кпо не можешгъ взять даровъ,
Топгъ исчезни, згинь!
Аминь, аминь!

Х о р ъ.

Кпо не слышишгъ просьбы слова,
Тѣхъ опгъ нашего лица
Гонимъ именовъ Опца
Сына, Духа Пресвятова!
Волгъ икона, креспгъ Хрисповъ —
Кпо не можешгъ взять даровъ,
Топгъ исчезни, згинь!
Аминь, аминь!

(Привидѣнiе изгезаешъ).

Волхвъ.

Вздѣньше, други, сей вѣнокъ
 На мой жезлъ змѣиноглавый.
 Я зажгу свящныя правы —
 Къ верху дымя и огонѣкъ!

Хоръ.

Мрачно всюду, шихо всюду;
 Бышь шунць чуду, бышь шунць чуду!

Волхвъ.

Вы, шеперь, благія плѣни,
 Кои въ цвѣшѣ вешнихъ дней
 Въ сей юдоли, бурь, спраспей,
 Жили средь земныхъ швореній;
 Но не знавъ мірскихъ оковъ,
 Счасье презрѣли земное,
 Какъ безъ цвѣша и плодовъ
 Земле сіе свяное:
 Въ немъ ни пиши для звѣрей,
 Ни убора для людей;
 Но предъ образомъ високо
 Изъ него висящъ вѣнки —

Такъ, о дѣвы, высоки
Были ваши грудь и око!

Что изъ васъ злѣшымъ крыломъ
Не коснулся двери рая,
Тѣхъ, вѣнокъ сей сожигая,
Заклинаемъ и зовѣмъ!

Х о р ь.

Что вамъ нужно для спасенья —
Яснѣе, пища, или моленья?

В о л х в ѣ в ѣ.

.
.
Какъ дугой цвѣпноогниспой
Съ неба радуга бѣжишь
Внизъ къ озерамъ за водами,
Такъ паришь она надъ нами.
Бѣлъ, какъ снѣгъ, ея уборъ,
На щекахъ алѣюшь розы,
Весель ликъ, — но грусни слѣзы
Опачгаюшь томный взоръ.

Х о р ь.

Бѣлъ, какъ снѣгъ, ея уборъ,
На щекахъ алѣюшь розы,

Веселье ликъ, — но грусти слёзы
Опягчающъ помный взоръ.

Волхвъ и Дѣва (Дуо).

Волхвъ.

На челѣ ея вѣнокъ,
Въ длани вѣпочка гвоздики,
Передъ ней барашекъ дикій,
А надъ нею мошылёкъ.
За барашкомъ въ слѣдъ напрасно
Все зоветь: « ко мнѣ прекрасной! » —
Злой барашекъ прочь бѣжитъ!
Мошылёкъ все наспигаетъ
И вопль, вопль его квакаетъ,
Но онъ выше все лепитъ!

Дѣва.

На челѣ моемъ вѣнокъ,
Въ длани вѣпочка гвоздики,
Предо мной барашекъ дикій,
Надо мною мошылёкъ.
За барашкомъ въ слѣдъ напрасно:
Все зову: « ко мнѣ прекрасной! »
Злой барашекъ прочь бѣжитъ.
Мошылёкъ все наспигаю

И вонъ, вонъ его хвашаю,
Но онъ выше все лешинтъ!

ДѢВА (*Арія*).

Нѣкогда въ деревнѣ сей
На зарѣ весеннихъ дней,
Въ поле спадо выгояля,
Пѣла Таня молодая.

Разъ сулилъ ей голубка,
За два поцѣлуя Ваня,
Но и даръ и паспушка
Гордая презрѣла Таня.

Тотъ дарилъ ей плаштъ злашой,
Сердце спрашивное другой, —
Но равно и спраסף и дани
Не прельщали сердца Тани.

(*Резитативъ.*)

Такъ, я Таня, красоною
Славная въ деревнѣ сей;
Живѣ съ людьми, всегда душою
Я жила не для людей.

Духъ мой, вольный и крылатой
 Опъ земнаго былъ далёкъ;
 Я любила плеснь вѣнокъ;
 Пшичкѣ въ слѣдъ бѣжашь пернашой,
 Видѣшь игры рѣзвыхъ спады,
 Мошьялка запыя крылы;
 Но всегдашній сердца хладъ
 Не согрѣлся до могилы.
 Я внимала паспухамъ,
 Похвалямъ ихъ и спихамъ,
 И гдѣ голосомъ унылымъ
 Воспѣвалась мнѣ хвала,
 Я шуда со спадомъ шла —
 Но никпо мнѣ не былъ милымъ!
 Такъ я, средь пуспыхъ забавъ,
 На двадцаномъ жизни лѣтѣ,
 Умерла, ни горя въ свѣшѣ,
 Ни блаженства не познавъ.
 И за то, сама же знаю,
 Чшо по смерти спалось мнѣ:
 Мнишся, будпо я пылаю
 Въ неиспыпанномъ огнѣ;
 Хошь мнѣ чужды скорбь и горе,
 Хошь я съ вѣпромъ на проспорѣ
 Мчусь чрезъ доли и лѣса,
 Хошь творю я чудеса:
 Тку изъ радугъ одѣнья,

Капли упренныхъ паровъ
 Превращаю въ мопыльковъ, —
 Но невнятнаго желанья
 И тревоги я полна!
 Все съ невольною заботой
 Я смопрю и жду кого-шо —
 И вездѣ, всегда одна!
 Скучно мнѣ, что вѣспрь играетъ
 Мною, какъ перышкомъ, всегда;
 Я шуда, а онъ шуда
 Вверхъ и внизъ меня бросаетъ!
 Такъ не зная, гдѣ я, въ чѣмъ,
 Въ мѣръ эпомъ, или помъ,
 Осужденная носишься
 По невѣдомымъ пушамъ,
 Не могу къ землѣ спуститься,
 Ни подняться къ небесамъ.

Х о р ь.

Такъ, ей суждено носишься
 По невѣдомымъ пушамъ;
 Ей къ землѣ не лзя спуститься,
 Ни подняться къ небесамъ.

В о л х в ь.

Чшо жъ тебѣ, чшо для спасенья
 Нужно въ день поминовенья?

Просишь ли земныхъ даровъ,
Иль молишь Владыкъ Неба?
Есть довольно здѣсь плодовъ,
Ясень, пипись, святаго хлѣба —
Что же нужно, избирай,
Чтобы душу принялъ рай?

Д ъ В А.

Ничего не нужно мнѣ!
Пусть меня на вышинѣ
Схващяпъ юноши за руки,
И на землю привлекутъ:
Я играя съ ними шушу
Позабуду бремя муки; —

.
.
.
.

Х О Р Ъ.

.
.
.
.

В о л х в ъ (крестьянамъ).

Тщешно вы къ ней, щещино къ вамъ
Тѣнь безплодная спремился:

Снова въспрямъ къ высотамъ
 Черезъ мигъ она умчишя,
 Но не плачь, младая пѣнь!
 Вошь, мое проникло око
 Дней грядущихъ мракъ глубокой:
 Черезъ два года въ сей день
 Ты влетишь въ предѣлы рая;
 Нынѣ жъ тщепень оймiamъ,
 Тщепна и мольба свяная —
 Покидай священный храмъ!
 Кпо жъ не внемлетъ просьбы слова,
 Тѣхъ опъ нашего лица
 Гонимъ именемъ Отца,
 Сына, Духа Пресвятова!
 Вошь икона, крестъ Хриспоеъ —
 Кпо чуждается дароеъ,
 Тоеъ исчезни, згинь!
 Аминь, аминь!

Х о р ь.

Кпо не слышитъ просьбы слова,
 Тѣхъ опъ нашего лица
 Гонимъ именемъ Отца,
 Сына, Духа Пресвятова!
 Вошь икона, крестъ Хриспоеъ —
 Кпо чуждается дароеъ,

Топъ исчезни, згинь!

Аминь, аминь!

(*Два изгезаетъ.*)

Волхвъ.

Всѣ шеперь вы, шѣни брашій,

Всѣ и каждая изъ васъ

Да услышишгъ вѣщій гласъ!

Всѣжъ послѣднимъ изъ закланій;

Усыпая макомъ храмъ,

На бесѣду просимъ къ намъ.

Хоръ.

Что вамъ нужно для спасенья,

Яспивъ, пивья, или моленья?

Волхвъ.

Совершенъ обрядъ; шеперь

Отпирайте храма дверь;

Жгите свѣчи: въ опдаленьѣ

Прокричалъ уже пѣшухъ.

Я прочту молитву въ слухъ....

Спойте!

Хоръ.

Что жъ?

В о л х в ь .

Еще явленье!

Х о р ь .

Мрачно всюду, глухо: всюду;

Бышь шущь чуду, бышь шущь чуду!

В о л х в ь (къ одной изъ крестьянокъ.)

Вспань, шы, въ черномъ одьянъ!

Вспань, паспушка! Какъ, за тьмъ

Съла шы на гробъ семь?..

Дѣши, ахъ! дрожишь все зданье,

Провалился полъ — и вошь

Блѣдный призракъ воспашётъ!

Посмоприше: вошь въ молчанъ,

Будно громомъ поражёнъ,

Спалъ возлѣ паспушки онъ;—

Обрашилъ къ ней микъ гробовой,

Блѣдный, какъ среди полей

Юный снѣгъ осеннихъ дней;

Взоръ свой дикой и суровой

Спрашно ей вперилъ въ глаза. —

Боже! Чшо за полоса

Сходишь леншою багровой,

Какъ заспѣвшей крови покъ,
Опѣ груди его до ногъ?
Нѣтъ, явленія шакова
Умъ не поспигаешъ мой!
Указалъ на грудь рукой,
Но съ паспушкою ни слова!

Х о р ь.

Указалъ на грудь рукой,
Но съ паспушкою ни слова!

В о л х в ь.

Говори, чего въ сей день
Хочешъ ты, младая пѣнь:
Иль молишь Владыкѣ неба,
Иль земли блажикѣ даровъ? —
Есть довольно здѣсь плодовъ,
Яснѣ, пипья, свѣааго хлѣба. —
Говори, чего въ сей день
Хочешъ ты, младая пѣнь?

(Привидѣнїе молжитъ.)

Х о р ь.

Мрачно всюду, глухо всюду;
Бышь шушь туду, бышь шушь туду.

В о л х в ь .

Дай же, призракъ, намъ опѣшьгъ
Дивно! — И опѣша нѣшьгъ!

Х о р ь .

Дивно! — И опѣша нѣшьгъ!

В о л х в ь .

Если нѣшьгъ опѣша намъ,
Покидай же Божій храмъ!
Кпо жъ не слышишьгъ просьбы слова,
Тѣхъ опъ нашего лица
Гонимъ именемъ Опца,
Сына, Духа Пресвятова!
Вопъ икона, крестъ Христовъ, —
Кпо не хочешь брашь даровъ,
Топъ исчезни, згинь!

Аминь, аминь!

Х о р ь .

Кпо не слышишьгъ просьбы слова,
Тѣхъ опъ нашего лица
Гонимъ именемъ Опца,
Сына, Духа Пресвятова!

Вопъ икона , крестъ Хрисповъ , —
Кню не хочетъ брашь даровъ , —
Топъ исчезни , згинь !

Аминь , аминь !

(Привидѣнїе стоитъ неподвижно.)

В о л х в ь .

Чшо за демонъ ?.. Онъ спощь ,
Не уходишь и молчишь !

Х о р ь .

Не уходишь и молчишь !

В о л х в ь .

Духъ проклятый , или благой
Покидай обрядъ свяшой !
Вскрытый полъ спощь могилой ,
Пропадай во глубину ,
Или крестною я силой
Злаго духа прокляну ! —

(По нѣкоторомъ молганїи.)

Прочъ на доли , горы , рѣки —
Згинь и пропади на вѣки !..
Чшо за демонъ ? Онъ спощь
И не внемлетъ и молчишь !

Х о р ь.

И не внимаетъ и молчитъ!

В о л х в ь.

Тщешно гласъ мой зачинаешъ —

Онъ закъашью не внимаешъ!...

Дайше мнѣ воды святой,..

Тщешно брызгаю водой:

Въ дерзоспи непоспужимой

Онъ какъ спалъ, пакъ и спойтъ,

Глухъ и нѣмъ, какъ недвижимой

Межъ могилами гранитъ!

Х о р ь.

Въ дерзоспи непоспужимой

Онъ какъ спалъ, пакъ и спойтъ,

Глухъ и нѣмъ, какъ недвижимой

Межъ могилами гранитъ!

Мрачно всюду, глухо всюду;

Бышь шунтъ чуду, бышь шунтъ чуду.

В о л х в ь.

Непоспужна шайна эша!

Чпо-шо спранное есть въ ней;—

Кто, паспушка, призракъ сей?
Что ты въ черное одѣла?
Мужъ швой живъ, жива жена. —
Что молчишь ты, дочь моя,
Въ неподвижности гробовой?
Оглянись, промолви слово...
Что смѣешься ты пайкомъ,
Что за радость видишь въ нёмъ?

Х о р ь.

Что смѣешься ты пайкомъ,
Что за радость видишь въ нёмъ?

Волхвъ (къ старцу.)

Дай громовую свѣчу
Я зажгу и посвѣчу!
Тщешно жгу, свѣчу напрасно:
Не уходишь духъ ужасной!
Опворише храмъ свяшой,
Выходише, други, въ поле
И паспушку по неволю
Уводише вонъ съ собой.

(къ паспушкѣ.)

Что ты глазъ съ него не сводишь?
Что за прелесть въ нёмъ находишь?

Х О Р Ъ.

Что ты глазъ съ него не сводишь?
Что за прелестъ въ немъ находишь?

В О Л Х В Ъ.

Посмотрите, о Творецъ!
Съ мѣста пронувшись, мершвецъ
За паспушкой идешь всюду....
Бышь шунь чуду, бышь шунь чуду!

Х О Р Ъ.

Онъ идетъ за ней повсюду;
Бышь шунь чуду, бышь шунь чуду!

Съ Польскаго М. В.

БОЛТЛИВАЯ КРАСАВИЦА.

« Прекрасна Лиля, нѣтъ сомнѣнья,
Но мелешь вздоръ и дребедень,
И слушаешь Лилу всякій день,
Какъ у себя спасаешь перигъня? »
— Не удивляйся! Спрасишь сильна,
Въ прелесшной все влюбленнымъ мило:
Не слушаю, что мелешь Лиля,
Гляжу, какъ говоришь она.

А. Иллитевскій.

ВИДѢНІЕ.

Я пренепаля и пламенѣль
 И въ чувстввахъ и въ умѣ была преревога :
 Осмѣлюсь ли сказаць? . . . Я близко видѣль Бога !
 Онѣ, надѣ землей, носилса какѣ орель
 И землю, мнилосъ Онѣ, кошѣль обняшь крылами
 Какѣ брошенный приюшь пшенцовѣ.
 Не предпекаемый огниспыми спрѣлами,
 Безѣ рашей Ангельскихѣ полковѣ,
 Онѣ, надѣ землей, носилса Мирный.
 Злашо-лазорево-эфирный
 Надѣ нимѣ опшѣянѣ былѣ покровѣ,
 И смерпныхѣ пасмурныя очи,
 Какѣ въ пишинѣ на звѣзды ноци,
 Глядѣли на Него — Онѣ былѣ любовь! —
 Всеуспрояющій смиряль моря брегами,
 И землю чинно учреждаль,
 И, надѣ воздушными дугами,
 Какѣ въ праздникъ, свѣшочи злашыя зажигаль.

И все, въ великомъ домоводствѣ,
Устроивалъ Всемощный Самъ :

Онъ свѣшлый звѣздный флотъ водилъ по небесамъ

И позабылаго, въ сиропствѣ,
Едва примѣннаго на правкѣ, червячка
Его жъ лѣвъла рука!..

Ө. Глинка.

НЕ ВОВСЕ БРОШЕННЫЙ ВЪ БѢДѢ.

Клишъ разорившись и въ долгахъ;
« Нѣшъ проку, говоришъ, въ друзьяхъ,
« Всѣ бросили меня лукавцы. »
А съ ушра у его дверей
Толпа — кого жъ, какъ не друзей? —
— Да это, братъ. . . заимодавцы!

А. Иллгевскій.

СТАНЪ
ДИМИТРІЯ САМОЗВАНЦА
ПОДЪ МОСКВОЮ,
16 Іюня 1605 года.

(Отрывокъ изъ Историческаго Романа.)

(В. И. Бутковой.)

Въ Исторіи для меня любопытнѣе всего наблюдать: духъ времени, характеры и открывать побудительныя причины важныхъ происшествій.»

Письмо къ другу.

На обширномъ лугу, на берегу Москвы рѣки, пылали костры, вокругъ копорыхъ пировали полчища Лжедимирия, свершивъ многошрудный подвигъ и достигнувъ цѣли

своихъ желаній. — Уже было около полуночи, но воины не помышляли объ успокоеніи. Повсюду раздавались веселыя и воинственныя пѣсни, радостныя клики и шумныя рѣчи. Множество жителей столицы, привлеченныхъ любопытствомъ въ спань, оставались въ немъ, познакомившись съ воинами. Спань походилъ на шумное торжище.

Самъ Лжедимирий съ знаменными саванниками находился во дворцѣ Коломенскомъ, и огни почешной спражи свѣпились на высокомъ берегу, какъ звѣзды на небѣ. У самой церкви Вознесенія Господня стояла вѣшная пушка и большая хоругвь Царская.

Между селомъ Коломенскимъ и спаномъ простирался обширный лугъ. — Два человека пробирались пропункомъ въ спань, при заревѣ огней. — Пушники шли поспѣшно и въ молчаніи. Одинъ изъ нихъ, высокаго роста и крѣпкій шлоомъ, окушанъ былъ большимъ синимъ плащомъ, и на головѣ имѣлъ высо-

кую бобровую шапку. Окладистая русая борода украшала его полное лице. Товарищъ его, небольшого роста, сухощавый, чернолицый, съ небольшою черною включенною бородою, въ круглой поярковой шляпѣ и въ корошкоть буромъ кафшанѣ, несъ за поясомъ коновальскій снарядъ, а подъ мышкою скрипку въ кожаномъ мѣшкѣ. — « Куда велишь веси себя, Бояринь? » спросилъ онъ у своего спутника: — « вошь на право Польское войско; за нимъ Нѣмецкая дружина; въ серединѣ пѣшая и конная Русская рать, а на лѣвомъ крылѣ Запорожскіе казаки. » — « Пойдемъ сперва къ Полякамъ, » ошвѣчалъ Бояринь. — « Только смощри Ганко, не измѣни Цыганской своей кляпвѣ и называй меня просто купцомъ Иваномъ. — Если шы заикнешься, шо завпра же будешь висѣшь на первомъ деревѣ. » — « Висѣшь; — а за чшо? » — « За шею; » сказалъ улыбнувшисъ Бояринь. — « Провѣщривай шы своихъ Дьяковъ; да подъячихъ, » возразилъ Цыгань: « а мнѣ лучше

положи въ карманъ ефимковъ, чшобъ я шверже ходиль по низу. » — « За эшимъ дѣло не спанешъ, » ошвѣчалъ Бояринъ: « шолько будъ смышленъ и вѣренъ. » — « Буду вѣренъ, какъ собака и смышленъ какъ лисица, » сказала Цыганъ: « шолько шы, Бояринъ, держись своего слова. »

« Кшо идешъ? » — раздалось въ шанъ. — « Безоружные госпи Московскіе, » — ошвѣчалъ Цыганъ и пошелъ на голосъ. — Возмѣ повозокъ, посшавленныхъ въ два ряда позади палашокъ, находилась Польская спража. Она пропустила пушниковъ въ шанъ. Передъ палашками пылалъ огромный косперъ, вокругъ кошораго шолпились воины. На огнѣ кипѣли кошлы и жарилось мясо на вершелахъ. Офицеры, воины изъ дворянъ, называемые *товарищами*, простые солданы или *шеренговые*, военные слуги или *цюры* и женщины сосшавляли шумную и многлюдную шолпу. Ганко ошпановилсѣ въ нѣсколькихъ шагахъ ошъ огня, вынулъ скрипку изъ мѣшка и вдругъ

заигралъ военную Польскую пѣсню. — Всѣ умолкли и обратились къ музыканшу.

Хорунжій. «Браво! Это нашъ старый пріятель, Ганко. Къ спашу пожаловаль. Гей, ребята, подайше меду и водки! — Сюда, Ганко, сюда, поближе. Заиграй-ка намъ маршь Стефана Баторія; пошь самый, что ты играешь съ присвистомъ и припѣвомъ.»

Ганко приблизился къ шолгѣ, поклонился, наспроилъ скрипку, проигралъ любимый Польскій маршь, и пошомъ приподнялъ съ земли мѣдную баклагу съ медомъ, пошянуль изъ нея и обращаясь къ Хорунжему сказалъ: «Позволь, вельможный панъ, поподчивашъ пріятеля моего, Москвича, честнаго купца,» и не дождавшись отвѣта передалъ баклагу Боярину, кошорый принялъ ее, но не прикасался къ ней ушами. Польскіе воины сперва не обращали никакого вниманія на Боярина, но когда Ганко припомнилъ объ немъ, многіе голоса воскликнули изъ шолны: «добро пожаловашъ, добро пожаловашъ!»

Хорунжій. « Милоспи просимъ опкушашъ за здорвье Царя Димитрія. Теперь онъ признанъ Россією и Москвою, и завпра же възсядешъ на пресполѣ своихъ предковъ. »

Бояринъ, кошорый ошановилсѣ было въ нѣкошоромъ опдаленіи, подошелъ ближе и прихлебнувъ меду, опдалъ баклагу Ганкѣ, поклонилсѣ собранію и сказалъ: « здравія и долголѣтія Царю Русскому! »

Вахмистръ. « Аминь! — Мы шеперь служимъ одному Царю съ Москвишянами: дай руку, купчина! » —

Старый товарищъ. « Служимъ до шѣхъ поръ, пока онъ намъ будешъ плашишь исправно. »

Вахмистръ. « Дѣльно, браншъ, дѣльно. Вѣдь мы его не подданные, а добрые друзья, союзники. Согласисъ, купчина, чшо и самъ чоршъ не полезешъ въ болошо изъ одного спасибо; а намъ и подавно грѣшно было бы приняшъся даромъ за эшу головоломную рабошу. »

Молодой товарищ. «А слава!»

Вахмистръ (поглаживая усы.) «Слава! Кой чорпъ прославипъ насъ за чужое дѣло и въ чужомъ народѣ? Драпъся и умереть за оше-чешво, за своего Государя; вошь эшо дру-гое. Тогда и ксендзь съ амвона прочпешъ швое имя, и добрый человекъ вспомянешъ его, и красавица пропоешь въ пѣсенкѣ, и вдова швоя, или сирота будущъ имѣшь право пребовашъ куска хлѣба опъ народа. А шеперь какая кому нужда, если Вахмистръ Ка-линскій, или молодой шоварищъ Рудницкій, впрочемъ, *bene natus et possessionatus*, сло-мяшь себѣ шею подъ Москвою или подъ Ка-лугою? Туда и дорога скажупъ добрые лю-ди. Въ нашей храбросши никшо еще не сом-нѣвался, шакъ ради одной славы, не для чего было намъ спучашъ лбомъ объ Московскія спѣны. — Разрази меня громъ и побери чорпъ, если я подарю хопъ одинъ шелягъ Царю Димитрiю! Нѣшъ, мы должны порядочно рас-чипашъся съ нимъ и возврапшися въ оше-

чество не съ пуспыми руками и не съ однимъ похвальнымъ листомъ, какъ школьники въ домъ родительскій.»

Многіе голоса въ толпѣ. «Справедливо, справедливо!»

Бояринъ. «Но вѣдь васъ много у Царя Димитрія, честные господа, и я боюсь что у него не доспанеть казны Царской, чтобы всѣхъ наградишь по заслугамъ.»

Старый товарищъ. «Тогда мы доберемся до казны его подданныхъ. Доберемся, миліонъ пятакъ сошь тысячь бомбъ и чершей! — Намъ какое дѣло до его счешовъ. Мы исполнили свое обѣщаніе: принесли Царя къ Москвѣ на нашихъ плечахъ, поливая пупъ нашею кровью, и если Царь не будетъ въ состояніи дать намъ заслуженной награды, шо, чоршь меня побери, мы возьмемъ ее сами!» —

Многіе голоса въ толпѣ. «Возьмемъ, возьмемъ сами, безъ сомнѣнія возьмемъ!»

Вамистръ. «Ганко! шы бываль въ Москвѣ. Скажи, правда ли, что она богаче Варшавы и Кракова, и что въ ней больше золоша и серебра, нежели въ цѣлой Польшѣ?»

Ганко (посмотрѣвъ изъ подлѣбья на Боярина). «Такъ говоряшь. Сказываюушь еще, что Москва и богата и шороваша, но полько для пріяшелей.»

Литаврщикъ. «А развѣ мы не пріяшели? Развѣ шы былъ глухъ вчера, когда я во время обѣда выбиваль вивашы подъ Царскими окнами, шакъ, что чущь шкура на липаврахъ не полопалась? Развѣ шы не слыхаль, какъ наши паны пили за здравіе Русскаго Царя и его вельможъ, а Русскіе Бояре пили за здравіе Польскаго Короля и народа? Если бъ я зналъ вчера, что шы забудешъ объ эпомъ, шо бы приспукнулъ палкою по швоей головѣ, на памяшь, чтообы шы не вершълся впредъ между музыканшами, какъ дьяволь между грѣшниками.»

Ганко. «Ты, кажешся, хочешь сердиться, пань Пузыревскій; вѣрно и шы забыль шакже, чшо я пришель съ вами изъ подь Львова, не за пѣмь, чшобь опкушашь Московскихъ калачей. Моя доля награды шакже въ Москвѣ.»

Вахмистръ. «Твоя доля награды! А шебь за чшо, Цыганская кровь?»

Ганко. «За мою вѣрную службу и за привязанность къ вамъ, вельможные паны.»

Молодой товарищъ. «Скажи лучше, къ нашимъ конямъ.»

Ганко (улыбнувшись лукаво.) «А развѣ это не все равно?»

Вахмистръ (подняль палку, тшобь ударить Ганко, но Хорунжій удержаль его руку.)
«Миліонъ пяшь сопъ шысячь бомбь и чершей! Какъ! Все равно, чшо мы, чшо наши кони? Вошь я шебя, Цыганская вѣра!»

Ганко (отступивъ назадъ). « За чѣмъ напрасно сердишься, вельможный пань! Пословица швердишь: кто любишь попа, пошь ласкаешь и попову собаку, а эшо поже самое, чшобы сказашь, кто любишь ѣздока, пошь любишь и коня его. Изъ эшого ровнехонько выходишь: чшо я лечивъ вашихъ коней, любилъ васъ, почщенные господа.»

Вахмистръ. « Проклятый Цыганъ, чоршовъ брашь! Онъ всегда вывернешся. Какъ ни брось коша на землю, а онъ все упадешъ на ноги.»

Старый товарищъ. « Да за чѣмъ его нелегкая принесла въ эшу пору?»

Ганко. « Давно ли вамъ спало казапья чуднымъ, чшо Ганко пришелъ позабавишь васъ?»

Хорунжий. « А за чѣмъ ты пришацилъ съ собою эшого Москвича? Вѣдь мы не совы и не филины, чшобы на насъ смошрѣшь ночью.— Могъ бы дождашь до завтра, когда не успѣлъ налюбоваться сегодня.»

Ганко. «Эпопть г. купецъ имѣеть порученіе опть благочеспивыхъ людей скупашь церковную ушварь, кошбрая *ненарогно* доспалась въ добычу нашимъ храбрецамъ. Онъ боишься, чпо завпра уже будеть поздно и просиль меня проводишь его ночью въ спань.»

Бояринъ (кланяясь.) «Точно шакъ, почтенные господа!»

Старый товарищ. «Кой чорпть надоумиль шебя, идиши къ намъ за золопомъ и серебромъ! Мы пришли сюда не съ эшимъ, а за эшимъ. Поди-ка за золопомъ и серебромъ къ пріяшелямъ вашимъ, Запорожцамъ; они очищали передъ нами сундуки, шогда какъ мы очищали дорогу опть непріяшеля. До милліона сша шысячь чершей! Эши замарашки, какъ саранча объѣдали насъ кругомъ, и шогда какъ мы грудью прокладывали себъ пушь впередъ, шараварники воевали съ бабами, да съ монахами, а шеперь кичашся болѣе другихъ, какъ будшо чпо нибудь сдѣлали!»

Женщина. «Если бъ я была мужчиною и начальникомъ, то не опущила бы эшихъ хищныхъ ясыребовъ на Запорожье, не опцпавъ имъ перьевъ. Царь обѣщаль для насъ построить Каполическую церковь въ Москвѣ, пусть бы изъ эшой добычи Поляки построили другую. Только бъ эшимъ Запорожцамъ ничего не доспалось!»

Вахмистръ. «Кромъ сабельныхъ ударовъ. Мысль счастливая! Ну, чшобы намъ на обрашномъ пуши посчиташься съ Запорожцами! Вѣдь право славно. Ужь впрямь, гдѣ чорпъ не успѣшь, шуда пошлеть женщину.»

Хорунжій. «Совѣшь хорошь, да исполненіе не легко. Вѣдь эши головорѣзы, кошорые пакъ плохо сражались за Царя, будущъ драшься до послѣдней капли крови за добычу, а они по крайней мѣрѣ въ десяперо сильнѣе насъ: вѣдь насъ не болѣе боо человекъ!»

Молодой товарищъ. «А давно ли намъ извѣсна наука считашь непрятелей передъ боемъ?»

Хорунжій. «Сь пѣхъ поръ, какъ яйца спали учишь куръ.»

Молодой товарищъ. «Господинъ Хорунжій!»

Хорунжій. «Господинъ шоварищъ!»

Молодой товарищъ. «Вы знаете ли чѣмъ эшо можешъ кончиться?»

Ватмистръ. «Господа, господа, неужели намъ ссориться между собою, помирившись съ непріятелемъ. Вошь-ше и дисциплина! Чоршь меня возьми, если я видалъ когда нибудь шакое войско: здѣсь всякій самъ себѣ начальникъ!»

Хорунжій (подавая руку молодому товарищу). «Не горячись, молодой человекъ: уважь хошь сѣдые усы мои.»

Молодой товарищъ. «И мои черные усйки стояшь уваженія» (хлопаетъ по рукѣ Хорунжаго.)

Ватмистръ (женщинѣ). «Послушай, сударыня! Ты намекнула о поспройкѣ Каполи-

ческихъ церквей въ Москвѣ. Смотри же, чѣобы вы послѣ не сжали плакашь, какъ наши ребяща сшануть брашь за себя Московокъ.»

Женщина. «Берише кого хощише, для насъ все равно. Вѣдь Царицею Московскою будешъ Полька, панна Марина Мнишехъ.»

Вахмистръ. «Ну шакъ чпожъ изъ эшого?»

Женщина. «А вошь-шо, чшо мы, жены воиновъ ея мужа и пришомъ Польки; будемъ имѣшь всегда первое мѣшо.»

Старый товарищъ (смѣясь.) «Не при Дворѣ ли?»

Женщина. «А почему же не шакъ? Велика бѣда, чшо панна Марина дочь Воеводы. А развѣ мы не шакія же дворянки? Развѣ вы забыли пословицу: шляхшичь на огородѣ, равень Воеводѣ.»

Многіе голоса въ толпѣ. «Правда, правда!»

Одинъ товарищъ. « Чшо до меня касается, шо я радъ навсегда оспахься на Москвѣ. Здѣсь мы будемъ при Царѣ первые, а въ Польшѣ намъ всегда будетъ шѣсно ошъ нашихъ магнашовъ. Чшо ни говори, а сильный Воевода, всегда выпѣснишь бѣднаго шляхтича изъ огорода. »

Многіе голоса. Справедливо, правда!

Молодой товарищъ. « Говоряшъ, чшо Царь хочешъ завести Польскую гвардію въ Москвѣ: я первый оспаюсь здѣсь. »

Многіе голоса. И я, и я шакже.

Молодой товарищъ. « Только надобно будетъ передѣлать Москву на нашъ ладъ. Если правда, чшо мнѣ рассказывали люди бывшіе въ Москвѣ, при посольствѣ съ Сапѣгою, шо и въ медвѣжьей берлогѣ веселѣе жить, чѣмъ въ Московскихъ палапахъ. — И шакъ надобно начашъ съ шого, чшобы велѣшь Боярамъ и вообще всѣмъ богатымъ Москвичамъ не запирашъ женъ своихъ, какъ гусей на ошкормъ;

попомъ ввеси въ обычай маленькое волокишство, зашьяшь балы, научишь женщинъ шанцовашь, любишь музыку.» ...

Хорунжій. «Браво, браво, да шы годишься, брашь, въ первые минисшры къ Царю Димшрїю.»

Молодой товарищъ. «Вѣдь онъ самъ весельчакъ.»

Вахмистръ. «Ужь чшо правда, шо правда. Наѣздникъ на конѣ, сенаторъ въ Совѣшѣ, удалецъ на пирушкѣ, поспрѣль съ бабами, словомъ молодець хошь куда. Послушай, другъ, купчина. Вы должны озолошишь насъ съ головы до ногъ за шо, чшо мы вамъ дали шакого Царя.»

Бояринъ. «Эшо не наше дѣло.»

Вахмистръ. «Какъ не ваше дѣло? Вѣдь вамъ жишь съ нимъ. Но всѣ говоряшь, чшо Москва богашая и добрая спарушка: она вѣрно подѣлишся съ нами лишнимъ своимъ богашствомъ. Не правда ли, господинъ купецъ?»

Бояринъ. «Я не могу отвѣчать за Москву.»

Старый товарищъ. «А если не захочешь подѣлиться добровольно, шакъ мы посовѣшuemъ ей по своему.»

Бояринъ. «Москва добрая спарушка, шолько выцарапаешь глаза всякому, кшо на нее поднимешь руки.»

Хорунжий. «Ну, шакъ мы ей руки свяжемъ.»

Бояринъ. «Не мое дѣло спорить — до поры, до времени.»

Старый товарищъ. «Ганко, сыграй-ка намъ пѣсенку, а за шо, мы пожалуемъ шебя въ придворные коновалы.»

Ганко. «Сыграшь радъ, а за мѣсто спасибо. Помѣщайтесь сами, госнода, я самъ сыщу для себя уголокъ.» (*Ганко играетъ на скрипкѣ.*)

Одинъ изъ толпы. «Госнода! Вошь раскинуть плащъ. Вошь коспи и шяжелые ефимки, кошорыя я ошняяль у Русскаго Боярина,

подъ Пушивлемь. Завтра, или послѣ завтра будешь новая добыча, а шеперь попробуемъ-ка счастья. Господа, кто хочешь въ косши!»

Вахмистръ. «Сперва поужинаемъ. Купчина, не хочешь ли опшѣдашь солдашскаго ужина? А ты, Ганко, поужинай съ шеренговыми.»

Бояринь. «Благодарень: мы поужинали въ селѣ Коломенскомъ. Теперь же мнѣ нѣкогда, я пойду, по вашему совѣшу, къ Запорожцамъ.»

Вахмистръ. «Ну, такъ прощай. Съ Богомъ! Тебя, Ганко, я бы послалъ къ чоршу, но ты самъ, безъ меня, знаешь къ нему дорогу.»

Воины принялись за ужинъ, а Бояринь и Ганко удалились и пошли между палашками на лѣвое крыло шана: — «Ну, каковы себѣ показались, Бояринь, наши лучшіе вишняи?»

спросилъ Цыганъ. — « Хорѣши гуси ! » опвѣчалъ Бояринь. — « У нихъ шолько на умѣ чшо грабежъ, раздоры и шолько одно желаніе, чшобы перевернуть все вверхъ дномъ. Димитрія они почишаютъ своимъ казначеемъ — и шолько ! » — « А при всемъ эшомъ, право славные ребяща ! » сказала Ганко : « попишь, поѣшь, подрашься — наше дѣло. Они не боятся смерти, какъ будшо она ихъ двоюродная сестрица и за опасностями гоняюшся, какъ борзые за зайцами. Правда, чшо наши полковые священники морщашся, когда идешъ дѣло о вѣрѣ и о поведеніи. Но ты самъ разсуди, Бояринь, чшо иначе бышь не можешъ. Вѣдь здѣсь не войско Королевское, или Рѣчи Посполипой, не ошдлое дворянштво изъ повѣшовъ, которое въ Польшѣ садится на конь и идешъ въ поле, когда ошечество въ опасности. — Здѣсь всякой сбродъ, кто съ борка, кто съ сосени ! Между начальниками ешь порядочные люди, которые пришли сюда изъ дружбы, или по родшву съ Воево-

дою Мнишехомъ, по совѣшу Іезуитовъ, или для прославленія своего имени. Но ихъ не много. Все прочее войско сосшавлено изъ головорѣзовъ, копорые ради случаю подрашья, хошь съ самимъ чорпомъ, полько бы драшья и жишь на чужой счешь. Имъ обѣщали золошья горы. Тешерь, когда дѣло приходиль къ концу, нѣшь мудрѣнаго, что они ждушъ и надѣющся награды. Іезуиты и паны вбили имъ въ голову, что они изъ Москвы сдѣлаюшь Варшаву, будущъ здѣсь панами — такъ и они надѣющся! Правду сказашь, я не взялся бы ошѣчашъ за порядокъ въ Москвѣ, когда они въ ней поселяшся. Этошь безпокойный муравейникъ разшевелиль вашу бѣлокаменную, и самъ Царь ихъ не удержиль!» — «А знаеш ли ты, какъ ловяшь муравьевъ?» сказаль Бояринь. — «А какъ?» — Сперва вымажушь горшокъ медомъ, а когда въ него муравьи наберутся, то нальюшь кипяшкомъ — и поминай какъ звали!» — «По-

нимаю!» ошвѣчалъ Цыганъ, лукаво посморѣвъ на Боярина и улыбнувшись.

«Попише!» сказала Цыганъ: «Вошь въ эшой палашкѣ свѣспить огонекъ. Оспановимся за угломъ и послушаемъ, что здѣсь говоряшь.— Слышу голосъ, знаменишаго Польскаго вождя, Князя Констаншина Вишневецкаго.»

Великолѣпная Турецкая палашка, добытая ошцемъ юнаго Князя въ спанѣ Великаго Визиря, была приподняша съ одной спороны. Вдоль одной спѣны ушпавлено было профеями богашое оружіе: лашы, шлемы, кольчуги, сабли, писполешы, ружья, оправленные въ золошо и серебро; пониже находились конскія збруи съ драгоцѣнными камнями. Походные шабурешы и поспель покрышы были медвѣжьими и барсовыми кожами; поль ушпанъ богашыми коврами. На споль спояло нѣскольکو большихъ серебряныхъ спощъ съ дорогими винами и медами. Вокругъ сидѣли: Фредро, Дворжицкій, Небоскій и самъ Князь Вишневецкій, отваж-

ные войны, увлеченные славолюбіемъ подъ знамена Лжедимитрія. —

«Я не берусь рѣшить, истинный ли онъ, или ложный Димитрій,» сказала Князь Вишневецкій: «теперь дѣло рѣшено. Онъ признанъ Царемъ на Москвѣ, и завтра нашъ подвигъ конченъ. Но признаюсь вамъ, господа, что я предвижу много непріятностей, много горькихъ часовъ! Во первыхъ превозмъ меня легкомысліе Царя, а во вторыхъ безпокойный духъ нашего буйнаго воинства; оно смотритъ на Москву, не какъ на столицу Царя-союзника, но какъ на свою добычу.» — «Ты совершенно правъ,» отвѣчалъ Фредро: «какъ удержишь въ порядкѣ эту сволочь, кошую мы на вербовали на всѣхъ перекресткахъ званомъ золопа и надеждами на Московскія богатства? Если бы ихъ держали въ шпанѣ, то еще можно было бы, какъ нибудь, сладить съ ними; но Димитрій велѣлъ расположить войско на кварширахъ въ Москвѣ, — ну, какъ шушь справишься? Вошь увидишь,

что не обойдешься безъ дракъ, насилій, а это можешь повлечь за собою дурныя слѣдствія и запятнать честь воинства Польскаго.» — « Не такъ горячо, любезный другъ! » возразилъ Дворжицкій: « Неужели буйство нѣсколькихъ десяшковъ головорѣзовъ можешь навлечь безславіе Польскому имени? Всѣмъ извѣсно, изъ какихъ людей составлено наше войско, а гдѣ нѣтъ злыхъ или распушныхъ людей? Такъ за чѣмъ же мы приняли начальство надъ ними, » скажутъ спрогнанные судьи, примолвилъ Неборскій. — « И шо правда, » сказала Князь Вишневецкій. — « Знаешь ли что, господа? » сказала Фредро: « мнѣ кажется, что Русскіе Бояре не весьма искренно радуясь нашему шоржеству и не охотно вѣрятъ подлинности Димитрія. » — « Справедливо, » отвѣчалъ Князь Вишневецкій: « въ самыхъ ихъ ласкашельствахъ видно что-то двусмысленное, и покорность кажется жершвою, а не произволомъ. Впрочемъ и самъ Димитрій много виноватъ: онъ

не умѣешь обходиться съ ними важно и величаво по здѣшнему обычаю, какъ слѣдуешь Царю; и представляешь предъ ними не Царя Московскаго, а Польскаго наѣздника: дружишься, брашаешься со всякимъ, болшаешь не ксшаши за чарою, и слишкомъ много общаешь новаго, а эшо здѣсь вовсе не нравишься. Воля ваша, господа, а я опасаюсь за нашего Димитрія.» — «Особенно когда онъ станешь слушаться Іезуитовъ, и нашихъ вершопраховъ,» примолвилъ Дворжицкій. — «Если бы слово не связывало меня съ шобою, Князь, я завпра же ошправился бы въ Польшу,» сказалъ Фредро. — «И я шакже,» примолвилъ Дворжицкій. — «Сшыдишесь, господа и думаешь объ эшомъ,» возразилъ Князь Вишневецкій. — «Намъ надобно довершишь начашое, ушвердишь Димитрія на престолѣ, вѣнчашь его на Царство, женишь на Маринѣ, засшавишь его исполнишь все, что онъ общалъ Польшѣ, и шогда уже номышляшь о возвращѣ. Пустякъ

чернь наша думаетъ о корысти. Вышіе виды, благо миліоновъ людей вооружили насъ, и мы должны предъ цѣлымъ свѣтомъ, предъ Римомъ и опечесствомъ оправдать наше ополченіе на Россію. Но пойдѣмъ прогуляться по спану: сонъ бѣжишь опъ меня, въ эту рѣшительную ночь.»

Поляки вспали, чшобы выйши изъ палашки и Русской Бояринь съ Ганкомъ поспѣшили скрыться за угломъ и послѣ того пошли своимъ путемъ. — « Вошь люди порядочные, » сказалъ Бояринь: — « умные и благородные, но они замышляютъ шакже чшо-шо не доброе на Москву. — Ганко, шы знаешь шеперь, какъ ловяшь муравьевъ? » — « И на вѣки не забуду! » — « Куда жъ шеперь идиши? » сказалъ Бояринь: « вошь конецъ Польскаго спана. » — « Не пойдѣмъ ли къ Русскимъ? » сказалъ Ганко. — « Нѣтъ! Къ Русскимъ мнѣ заходишь не зачѣмъ » отвѣчалъ Бояринь. — « Я знаю своихъ; пока они увѣрены, чшо Димитрій истинный Царевичъ, шо гошомы

положишь головы и жившны за кровь Царскую. — Эшо чувство срослось у насъ съ душою. — И шакъ пойдемъ къ Нѣмцамъ. »

Подъ холщянымъ навѣсомъ, между повозками находились всѣ офицеры малочисленной, но храброй дружины Нѣмецкой, служившей вѣрно Царю Борису и перешедшей въ службу Лжедимишрїя, по смерти Годунова, когда Москва признала пришельца своимъ Государемъ. Изъ досокъ сдѣланы были подмошкы, замѣнявшія сполы и спулья. Офицеры сидѣли за споломъ и пшяжелыя сполы часто переходили изъ рукъ въ руки. — « Не могу больше пипь, » сказалъ Маржерепъ. — « Вы, господа, какъ бочки Данаидъ: васъ никогда не наполнишь виномъ и медомъ. » — « Любезный другъ, » сказалъ Баронъ Рѣзень: « мы живемъ среди измѣнь, обма-

новъ, злоумышленій и всякихъ козней. Надобно искашь правды! — Пей, Маржереть, ты знаешь *in vino veritas*. » Баронъ Розень при сихъ словахъ шакъ сильно спужнуль по сполу опорожненной имъ сполою, чшо доски едва не развалились. — « За Лашынь Лашыню, » сказалъ улыбаясь Маржереть:

*Si latet in vino verum, ut proverbia dicunt,
Invenit verum Teuto, vel inveniet (*).*

« Bravo, Маржереть, bravo, ты еще и поэшь! » воскликнуль Кнухсенъ: « Но если бь мы нашли двадцать разъ испину, то она здѣсь померкнешь. Чорть ихъ всѣхъ побери! Не знаешь куда обратишься. Вчера всѣ изгибались предъ Годуновыми и проклинали Димишрїя, какъ Самозванца; сегодня клянущь память Годуновыхъ и величающь Димишрїя Царемъ, избавишелемъ, благодѣшелемъ! Самъ

(*) п. е. Если справедливо, чшо испина въ винѣ, какъ говоритъ пословица, то Нѣмцы вѣрно найдутъ ее. »

не знаешь чему вѣришь! » — « Вѣришь по-
му, что кажешься вѣрояннымъ и чему всѣ
вѣряшъ, » сказала Маржерешъ. — « Согласи-
шесь госнода, что прудно подумаешь, чшобъ
бѣглый монахъ былъ шакъ образованъ, ло-
вокъ въ обхожденіи, искусенъ въ воинскомъ
дѣлѣ. Онъ совершенно очаровалъ меня, эпшопъ
Димишрій. Какіе приемы, какая вѣжливоспъ!
Жаль одного: онъ цѣлымъ вѣкомъ родился
ранѣе для Россіи. — Его здѣсь не постиг-
нушъ, и всѣ его поступки спанушъ пере-
толковывашъ въ дурную спорону. — Я это
испыталъ на себѣ. Лишь шолько кшо не
много ошсшупилъ ошъ Московскихъ обыча-
евъ, шо и бѣда: шшмчасъ прозовушъ не-
хрисшомъ, бусурманомъ, богоошсшупникомъ. » —
« Примѣшилъ ли шы Маржерешъ, » сказала
Шварцгофъ, « какъ косо посмашривали на
насъ Русскіе, когда Димишрій похвалилъ ме-
ня, поцѣловалъ и положилъ руку на грудь
мою, узнавъ что я держалъ знамя въ До-
брынской битвѣ. Помнише ли съ какимъ чув-

спвомъ онъ сказаль намъ. « Будыше для меня по же, что были для Годунова: я вѣрю вамъ болѣе, нежели своимъ Русскимъ. » — « Признаюсь, что эпощь послунокъ Димитрія показался мнѣ легкомысленнымъ, » сказалъ Маржереть. — « Эшо еще половина бѣды, что Русскіе смопрѣли на насъ косо, » примолвилъ Баронъ Розень: « но они на самого Димитрія смопрѣли шакъ, какъ будшо хотѣли его проглопшшь, вмѣспѣ съ нами. » — « Мнѣ кажешся, что Бояре и духовенство не любящъ его: я не дамъ спакана воды за ихъ вѣрносшь къ нему, » сказалъ Клопъ фонъ Юргенбургъ. — « Русскіе вѣрны Царямъ своимъ; въ эшомъ нѣшъ сомнѣнія, » сказалъ Маржереть: « Самые убѣдшпельные опышы эшой вѣрносши, мы видѣли въ царшвованіе Іоанна Грознаго. — Но кажешся, Бояре не вѣряшъ вполнѣ, что Димитрій истинный Царевичъ. — Имъ хотѣлось бы, чтообъ онъ къ нимъ явился наспоющимъ Руссакомъ, шакимъ какъ они сами; они не раз-

суждающъ, что если бь Димитрій былъ да-
же Самозванецъ, бѣглый монахъ, знающій
всѣ обычаи Русскіе, то и тогда ему надле-
жало бы пришворяться приверженцемъ ино-
спранныхъ обыкновеній, пошому именно,
что по его же словамъ, онъ спасенъ ино-
спранцемъ, Докторомъ Симономъ, и воспи-
танъ въ Польшѣ. » — « Любезный другъ, »
возразилъ Баронъ Розень: « оскорбленное
народное самолюбіе не разсуждаешъ. » —
« И по правда, » примолвилъ Маржерешъ. —
« Признаюсь, господа, что я опасуюсь ка-
кого нибудь злаго умысла, со стороны Бо-
яръ, » сказала Клошъ фонъ Юргенсбургъ. —
« Полно, брашець, ты уже слишкомъ подо-
зришелень, » возразилъ Маржерешъ: « вой-
ско предано Димитрію, народъ вопишь въ
Москвѣ въ его пользу; мы, Поляки и Запо-
рожцы служимъ его лицу, а не Царству
Московскому. Нѣшь, онъ слишкомъ си-
лень, чшобъ Бояре могли что-либо задумашъ
прошивъ него. » — « Объ насъ ни слова: »

еказаль Баронъ Розень. — « Мы умремъ вѣрны своей кляшвѣ и долгу. Но я говориль съ Польскими панами, и они сами безпокояшся на счешь своего войска, которое состоишь по большей часши, изъ легкомысленныхъ искашелей приключеній. Вчера еще благородный и умный Князь Вишневецкій говориль мнѣ, что онъ намѣрень послашь къ Королю просьбу, о присылкѣ нѣсколькихъ регулярныхъ полковъ, для введенія дисциплины въ здѣшнемъ Польскомъ войскѣ. Войско безъ дисциплины, шяжешь для спраны, язва! Я боюсь, чтообъ пребываніе наше въ Москвѣ, не надѣлало намъ хлопотъ. — Димишрій не имѣешь довольно швердосши въ характерѣ, чтообъ удержашь въ порядкѣ всю эшу сволочь. Запорожцы служашь не Димишрію, а своимъ выгодамъ, и они кажущся мнѣ весьма подозрительными. — Князь Вишневецкій знаешь ихъ Гешмана Заруцкаго. — Эшотъ гордый, самолюбивый, скрышый человекъ, дѣйшвуешь изъ одного честолюбія. —

Поляки думаютъ, что онъ пользуясь обшпательствами замышляешъ о независимости Запорожья, и для того не прибылъ самъ къ войску. Русское войско вѣрно Царской крови — но пусть оно только усомнишь въ истинѣ Царскаго происхожденія Димитрія — и тогда я не отвѣчаю за него, также какъ и за Московскую чернь, кошорая, какъ всякая чернь, жаждетъ только новостей. Нѣтъ, господа, Димитрій еще не такъ силенъ, какъ вы думаете. Только мы, мы одни умремъ при знамени нашемъ за нашего вождя; и не измѣнимъ кляшвѣ. » — « Здравье Царя Димитрія, » сказала Клешъ фонъ Юргенсбургъ, взявъ огромную кружку въ руки: « что будешь, то будешь, а пока не надобно унывать. Пей Маржеретъ! » — « Ты только радъ придрашь къ чему нибудь, чтобы выпить, » отвѣчалъ Маржеретъ: « въ радости, или въ горѣ, ты все прибѣгаешь къ одному средству! » —

Русскій Бояринъ слышалъ весь эпопъ разговоръ, сходя за повозками, къ кошорымъ прикрѣпленъ былъ навѣсъ. — Ганко между шѣмъ занималъ разговорами слугъ Нѣмецкихъ офицеровъ. — « Довольно! » сказалъ Бояринъ Цыгану: « пойдемъ далѣе; здѣсь я услышалъ болѣе, нежели надѣялся. — Едва ли не сбудешся пророчество Нѣмцевъ. Пойдемъ скорѣе къ Запорожцамъ. »

Русскій спанъ оставался у нихъ въ правѣ. Между шалашами, изрѣдка видны были бѣлыя палашки Воеводъ, Полковниковъ и богатыхъ дворянъ. Въ спанѣ было шумно и весело. Передъ одною палашкою собраны были въ кружокъ пѣсенники. Звуки неслись далеко, и сердце Боярина забилося сильнѣе, при народномъ напѣвѣ. — Онъ велѣлъ Цыгану идти ближнею къ спану тропинкою. Когда они поровнялись съ палашкою, возлѣ кошорой

пѣли хоромъ, Бояринъ остановился, чшобъ послушашъ пѣсни. Онъ услышалъ слѣдующія слова :

Закапилось солнце краснее,
 Прилегли къ землѣ свѣплы цвѣшники;
 Шпосковалися сердца Русскія,
 По ошцѣ родномъ, по Царѣ своемъ.
 Ахъ, покинулъ насъ, Православный Царь!
 На чужбинѣ онъ думу думаетъ:
 По святой Руси онъ кручинился,
 И о дѣшкахъ онъ беспокоишся.
 Вошло солнышко, мракъ разсѣлся,
 Заблиспали вновь красны цвѣшники.
 И вопъ Царь-ошецъ возвращается,
 Вопъ онъ дѣшками упѣшася!
 Разыгралися сердца вѣрныя
 Веселяшя вновь люди Русскіе!—

Бояринъ ушеръ слезы. « О Боже! » воскликнулъ онъ: « сохрани добрый нашъ народъ ошъ всякаго заблуденія, ошъ всякой чужеземной ереси! Какъ онъ счасшавь въ просшощѣ своей, въ своей Вѣрѣ, въ своей привязанности къ Царской крови. — Теперь,

когда иноземцы взвѣшивающъ на вѣсахъ своекорыспія будущую судьбу Россіи, наши добрые рашники, поющъ хвалу новому Царю, величая не Димитрія, а кровь Царскую, кровь Рюрикову! — Ганко, пойдѣмъ, пойдѣмъ скорѣе. — Сердце мое раздирается: мнѣ горько, очень горько! — О Россія, о моя родимая!» —

Спашъ Запорожцевъ былъ укрѣпленъ по ихъ обычаю, повозками, и представлялъ огромный четверугольникъ съ опшверзшіемъ съ каждой спорони. При каждомъ входѣ спояла пѣшая спража, а кругомъ разспавлены были часовые. Спража опшановила Боярина. — «Кшо вы, опшкуда и за чѣмъ шакъ поздно?» сказалъ Эсауль. — «Намъ не велько впускашь въ спашъ никого, развѣ кшо имѣншь дѣло къ самому Кошевому Апаману.» — Бояринъ вида, чшо не возможно проникнушь въ спашъ

нодь именемъ купца, пошчась перемѣнилъ свой умысль, и опасаясь податься подозрѣніе, оповѣчалъ: « я посланъ ошь Боярина Бѣльскаго къ Ашаману; иду прямо изъ села Коломенскаго. » — « А эшто черномазый карла, кто шаковъ? » спросилъ Эсауль, показывая на Ганко. — « Эшо мой служитель, » оповѣчалъ Бояринь. « Грицко! » сказала Эсауль десятинику: « ирводи эшихъ Москалей къ Ясновельможному Ашаману. »

Запорежцы лежали вокругъ огней, по близости своихъ новозокъ, къ копорымъ привязаны были ихъ лошади. Глухой гулъ раздавался въ шпанѣ, но не слышно было ни кликовъ, ни пѣсень. По срединѣ шпана разкинута была палашка Ашаманская, шамъ спочьялъ его обозъ съ сокровищами и казною войсковою. Возлѣ огня, на ошрубкѣ дерева, сидѣлъ высокій, худошавый, блѣдный воинъ, въ высокой черной бараньей шапкѣ, окушанный буркою. Длинные усы его висѣли до груди, и онъ разглаживая ихъ медленно, посмагри-

валь изъ подлбья на своихъ Полковни-
 ковъ, Хорунжихъ и Писарей, изъ коихъ нѣ-
 кошорые спояли, а другіе сидѣли вокругъ
 огня, и, казалось, заняшы были совѣщаніемъ
 о дѣлахъ общественныхъ. Бришныя головы съ
 одною прядью волосъ на маковкѣ, длинные
 усы, придавали ихъ лицамъ звѣрскій видъ.
 Коропкое Польское полукафшанье, съ за-
 кидными рукавами и широкіе шаравары со-
 спавляли ихъ нарядъ. У нѣкопорыхъ за поя-
 сомъ были пистолешы, кинжалы и на бедрѣ
 кривая сабля. Русскій Бояринъ окинувъ взо-
 ромъ собраніе, почувспвоваль въ душѣ не-
 пріятное впечатлѣніе. Эшо полудикое вой-
 ско, казалось ему спадомъ хищныхъ звѣрей,
 гошовыхъ при первомъ случаѣ перзашъ не-
 счастную Россію. — Но скрѣпивъ сердце,
 онъ поклонился Ашаману. « Чшо вы за лю-
 ди! » воскликнулъ Кошевой Ашаманъ Голов-
 ня, усшремивъ проницашельный взоръ на
 пришельцевъ. « Я посланъ къ шебѣ, опъ Бо-
 ярина Бѣльскаго, съ поклономъ и спросомъ. » —

« За поклонъ опкланиваюсь, » ошвѣчалъ Ашаманъ: « а за дѣломъ и самому Боярину въ пору было бы явиться ко мнѣ. » — « Онъ не здоровъ. » — « Такъ прислалъ двоихъ за одного, » возразилъ Ашаманъ съ насмѣшкою: « видно пѣжеловѣсный Бояринъ! » — « Лѣша и заслуги Боярина Бѣльскаго, извиняють его. » — « Лѣшами измѣряють достоинство вина, а не человѣка; заслугами же намъ мѣряются шерсть не кшаши. Заслуги наши начинаются съ пришествія Царя Димитрія въ Россію. » — « Бѣльскій служилъ вѣрно опцу Димитрія и ему шерсть полезень, но я не за шѣмъ пришелъ, чшобъ выхвалять его службу. » — « Чего же хочешь опъ меня швой Бояринъ? » спросилъ Ашаманъ. — « Можешь бышь, шебѣ не понравится, если я спану говоришь передъ свидѣтелями. » — « У меня нѣтъ никакихъ шайнствъ съ Боярскими посланцами, » сказала Ашаманъ, нахмуривъ брови: « говори! Чшо я знаю, шо должны знашь и мои шоварищи. » — « Бояре удивля-

юишься, чшо ты съ войскомъ своимъ не хочешь вошунить въ Москву, а желаешь оспапьясь подь Москвою, въ спанѣ. Они просятъ шебя, назначишь для себя какую угодно часть города. Народъ Московскій будетъ въ опасеніи, когда ты вздумаешь спояшь спаномъ подь его спѣнами, какъ во время войны, или смушы.» — « Не за свое дѣло взялись Бояре, » сказалъ усмѣхаясь Ашаманъ. « Я уже неретговорилъ объ эпомъ съ самимъ Царемъ — и эшо воля нашего Ясновельможнаго Гешмана, пана Заруцкаго. Я, брашь, знаю вашихъ Бояръ. — Спунай къ пославшему шебя, и скажи, чшо Кошевой Ашаманъ Запорожскаго войска дѣлаешь шо, чшо угодно Гешману, а не Боярамъ Московскимъ, и чшо на Запорожьѣ не слушаютъ Боярской думы. Мы пришли въ Россію, какъ союзники! Запорожье не область Русеная!» — « Побей бѣсъ всѣхъ вашихъ Бояръ и Бояренковъ! » воскликнулъ Полковникъ Проскура. — « Мы не знаёмъ никого, кромѣ своего Геш-

мана, и своихъ бунчуковъ. Мы сослужили службу Царю Московскому по добру, по охотѣ и пришли сюда за наградою. Пущь Ляхи и Нѣмцы веселяшся на Москвѣ: для насъ одно веселье на Запорожьѣ, въ куреняхъ нашихъ. Намъ кто плашишь, шому мы и служимъ, будь онъ Ханъ Ташарскій, Сулшанъ Турецкій, Король Польскій, или Царь Московскій. — Гешманъ нашъ знаешь, чшо дѣлашь должно, а ты убирайся къ чоршу съ своими Боярами! » Запорожцы развеселились. — « Скажи-ка Боярамъ, » сказала одинъ изъ нихъ: « чшо мы пошили новыя мошны на Московскіе рубли, и хошимъ запасшися на зиму соболями! » — « Да не забудь, » примолвила другой: « чшо наши молодцы спрояшь новыя курени на Днѣврѣ, для Боярскихъ дочекъ. » — Раздался захохотъ въ шолпѣ, и Бояринъ постѣшно удаился.

Когда онъ вышелъ изъ спана, Ганко сказалъ: « Вошь эшихъ удалцовъ нельзя упрекнушь въ прищворствѣ. » — « Да, нечего ска-

запъ , » опвѣчалъ Бояринь : « здѣсь корошко, и ясно. Славныхъ слугъ набралъ Димишрїй; какъ шо онъ опъ нихъ опдѣлаешся. Если онъ думаетъ расплашиться со всѣми Москвою и Боярскою казною , шо не на радость пришелъ онъ къ намъ. Одному Богу вѣдомо, чѣмъ все эшо кончится. »

Въ крестьянской избѣ , въ селѣ Коломенскомъ , собрались для совѣщанія Вельможи Московскіе , Князья: Иванъ Михайловичъ Ворошынскій , Федоръ Мспиславскій , Василій , Димишрїй и Иванъ Шуйскіе , Андрей Теляшевскій , Князь Каспыревъ-Росшовскій , Ташевъ , Василій Голицынъ ; Бояре: Бѣльскій , Пешрь Шеремешевъ и Дьякъ Власевъ. Только одна лампада освѣщала мрачную избу. Бояре въ задумчивосши сидѣли на скамьяхъ. Вдругъ при раза ударили въ окно. Князь

Василій Ивановичъ Шуйскій вспалъ съ своего мѣста и пошелъ въ сѣни. « Эшо мы, » сказалъ Ганко. — « Съ Богомъ! » воскликнулъ Шуйскій. — Бояринъ, бывший съ Ганкомъ, вышелъ изъ-за угла, далъ цѣлую горсть золота Цыгану, опустилъ его и вошелъ въ избу съ Шуйскимъ. Всѣ вскочили съ мѣстъ своихъ и бросились на встрѣчу Боярину, когда онъ перешагнулъ черезъ порогъ. « Ну, что принесъ намъ добраго, Тапищевъ? » спросилъ Князь Мспиславскій. — « Убо заблудихомъ ошъ пуши испиннаго и правды свѣтъ не облісша намъ, и солнце не возсія намъ, — писано естъ въ Премудрости Соломоновой, » сказалъ Тапищевъ съ печальнымъ видомъ, пошупя голову. « Духъ мой мяшешся и сердце исполнено горести, ошъ всего, что я видѣлъ и слышалъ въ войскѣ нашего новаго Царя. Не прекрашили мы бѣды нашихъ, прекращеніемъ брани междоусобной. Новое зло возродился ошъ нашей робости, и полчища Димитрія замышляють разореніе

нашего опечества, низпроверженіе Православія и нашихъ прародительскихъ обычаевъ. Объявляю вамъ рѣшишельно: у Димитрія нѣтъ вѣрныхъ слугъ между пришельцами. Только Нѣмцы Годуновскіе и наши Русскіе преданы ему душевно; одни какъ вождю своему, а другіе, какъ законному Государю. Предвижу бѣды великія; сбудется какъ сказано въ Писаніи: « И опустошишь всю землю беззаконіе и злодѣйство прекрашишь престола сильныхъ. » — Съ ужасомъ внимали Бояре словамъ Ташищева. — « Новый Царь шоржествуетъ нашею покорностію, » сказала Князь Василій Ивановичъ Шуйскій; « а сподвижники его, которыми онъ преданъ душою и шѣломъ, замышляютъ злое на Россію. — Онъ обходится съ нами, какъ съ рабами, а съ Ляхами какъ съ господами нашими. Но великъ Русскій Богъ; онъ испышетъ насъ, но не попустишь Россію къ гибели. — Горе посягающимъ на Православную нашу Церковь, на кровь Царскую! Высокомѣрный Годуновъ палъ,

осмѣлившись похипишь вѣнецъ Помазанника Божія. — Такъ падешь каждый похипишель, шакъ обрапяся въ прахъ всѣ враги Россіи! — Ужасно правосудіе Господне, и какъ гласишь Писаніе: « Страшно и скоро явишь вамъ: яко судъ жесточайшій преимущимъ бываетъ. » — « Братія и други, » сказалъ Князь Воропынскій: « не испорчимъ дѣла поспѣшностію и легкомысліемъ, дабы не уподобишья порицаемымъ нами. Души Господни неисповѣдимы. Время подасишь намъ лучшій совѣтъ. Искушимъ мудрость шерпѣніемъ и повиновеніемъ. Теперь народъ ликуешъ и радуешя возрожденію свяшой крови на Царскомъ престолѣ. Не должно почиивашъ плошину, во время разлива рѣки. Впрочемъ, дай Богъ, чшобъ все шо была правда, чшо намъ выдаюшь за правду. » — « Изъ куриного яйца не родяшся соколы, » сказалъ Князь Теляшевскій. — « Правды нельзя возжечь какъ свѣшильникъ: она подобно солнцу сіяешъ сама собою, и освѣщаешъ міръ, » примолвилъ

Князь Василій Шуйскій. — « Гдѣ же теперь искашь этой правды? » сказалъ со вздохомъ Князь Мспиславскій. — « Въ Угличѣ! » отвѣчалъ Шуйскій. — « Друзья, » возразилъ Бояринъ Бѣльскій: « послушайте меня, спарца опышнаго. Пережилъ я опалу Годунова: переживемъ мы съ помощію Божіею все злое, если будемъ благоразумны. Теперь не время и не мѣсто разсуждать объ этомъ. Черезъ три дня мы соберемся у тебя въ домъ, Князь Василій Ивановичъ, и Тапищевъ объяснишь намъ подробно все, что онъ видѣлъ и слышалъ. Я послалъ вѣрнаго челоуѣка къ Донскимъ казакамъ, копорые спояшь спаномъ по ту спорону села Коломенскаго, и самъ хочу переговорить со спроппивымъ Ашаманомъ Запорожскимъ; тогда лучше увидимъ въ какомъ положеніи дѣла Россіи и Димитрія. Теперь разойдемся по домамъ. На первый случай довольно и того, что мы знаемъ, что вся сила не въ рукъ Димитрія, а въ его имени и въ казнѣ Московскоу.

На высоко́мъ берегу Москвы рѣки, въ селѣ Коломенскомъ возвышается храмъ Вознесенія Господня, въ видѣ пирамиды. Справа расположена была на западной сторонѣ ограды. Лжедимишрїй съ Канцлеромъ своимъ, Лишовскимъ дворяниномъ Бучинскимъ и ошцемъ Іезуитомъ прохаживался въ оградѣ и наконецъ сѣлъ на каменную скамью, находящуюся у восточной стѣны храма. Бучинскій и ошець Іезуитъ стояли предъ нимъ въ безмолвіи. Долго Лжедимишрїй смотрѣлъ на огни въ шанѣ, и съ удовольствіемъ прислушивался къ смѣшанному гулу, который разносился въпрямь по окрестностямъ. Тысячи разныхъ мыслей пѣснились въ его головѣ.— Различныя чувствованія волновали его сердце.— « Бучинскій, » сказалъ Лжедимишрїй: « Завтра, самый рѣшительный день въ моей жизни. Завтра, моя нога коснется сшупеней шрона обширнаго Русскаго Царства, шрона, съ кошорымъ сопряжена участь сполькихъ миліоновъ людей! » — « И цѣлаго Хрис-

шпанства,» примолвилъ Іезуишь. «Государь,» продолжалъ онъ: «въ швоей рукѣ длинный конецъ рычага, копорымъ шы можешь поколебашь цѣлую Европу, снискашь славу безсмершную въ сей жизни и награду въ будущей. — Раздѣленіе Церкви на Восшочную и Западную посяло раздоры между дѣшными одной матери, ослабило всѣхъ и было причиною паденія Восшочной Имперіи и ушверженія могущества поклонниковъ Магомеша, угрожающихъ нынѣ всему Хришціаншву. Если шы исполнишь обѣшь свой, данный Папѣ, Королю Сигизмунду и намъ, и присоединишь Россію къ Западной Іерархіи, шогда по швоему мановенію вся Европа возшанецъ прошиву невѣрныхъ, и шы будешь Соломономъ между Царями, Іисусомъ Навиномъ между полководцами. Какая блишпательная учась! Пресшоль Восшочной Имперіи назначенъ Папою избавишелью Хришціанства, и шы будешь первымъ Государемъ въ мірѣ, зашмишь славу всѣхъ Римскихъ Им-

перашпоровъ , воспановивъ падную Имперію ! » —

Ажедимипрій вскочилъ съ радости ; льспи-
 вые слова Іезуиша , возжигая его суешность
 и самолюбіе подѣисшвовали на его предпрі-
 имчивый умъ : « Такъ , » воскликнулъ онъ :
 « воспоржеспвовавъ надъ Россією , воспор-
 жеспвую надъ цѣлымъ міромъ ! Съ моими Рус-
 скими войнами , я пройду въ конецъ свѣша .
 О , вы не знаете ихъ , не знаете ! Они не
 сражались съ вами , госнода союзники мои ,
 поному что въ моихъ рукахъ было чудесное
 шаинство . По одному слову города падали
 предъ нами , какъ Іерихонъ ошъ звука шруб-
 наго . Вы побѣждали именемъ Царевича Ди-
 мипрія , пошомка Рюрикова ! Но если я самъ
 спану на чель моихъ полчищъ , шогда ошъ
 удара моего меча поколеблешя цѣлая Евро-
 па , и Турецкая Имперія падешъ , какъ баш-
 ня съ шашкаго основанія . Но соединеніе Цер-
 квей не шакъ легко , какъ вы предполагаешъ ,
 ошцы Іезуишы . Россія краеугольный камень Пра-

вославія. Русскіе не измѣнятъ Вѣрѣ опцевъ своихъ ни отъ страха, ни отъ ласкашельствъ. Я даже не надѣюсь.»... «Предоспавъ эшо намъ,» сказала Іезуишъ: «Позволь полько завесшь въ Россіи наши коллегіи, школы и церкви. Увидишь, что дѣши и жены спануть убѣждашь въ нашу пользу опцевъ и супруговъ. Мы не шребуемъ, чтобъ шы принуждалъ своихъ подданныхъ, не шребуемъ даже чтокъ шы помогаль намъ, а просимъ полько чтокъ не мѣшалъ.» — «Дѣлайше что хошише,» опвѣчалъ Лжедимишрій: «я умываю руки!» — Іезуишъ не хотѣлъ продолжашъ разговора, онъ поклонился и сказавъ, что идешь молишься за Царя, пошелъ во дворець, въ свою комнашу, оставивъ Лжедимишрїя съ Бучинскимъ.

Лишь полько Іезуишъ скрылся изъ виду, Лжедимишрій бросился въ объятія Бучинскаго и оросилъ лице его своими слезами. «Другъ мой!» воскликнулъ Лжедимишрій: «свершилось; я Царь Московскій! Ты видѣлъ

меня нищаго безпріюшнаго, преслѣдуемаго, осужденнаго на позорную казнь; видѣль въ опасностяхъ, въ бояхъ, среди шысячи смертей; видѣль среди измѣнниковъ, между ядомъ и кинжаломъ, но всегда находилъ меня швердымъ и неуспрашимымъ. Теперь же, когда я доспигъ цѣли моихъ желаній, когда Москва сложила у ногъ моихъ упраздненную корону, когда многочисленное войско повинуешся мой волѣ и народъ Русскій ждесть меня въ споліцѣ, какъ избавишеля, теперь робость овладѣла моимъ сердцемъ. Не знаю, что со мною дѣлаешся. — Я не могу заглушишь внушрняго голоса, кошорый вопишь изъ глубины души моей, и нашепшываешъ мнѣ что-шо ужасное, припоминаешъ обо всѣхъ опасностяхъ величія. Я не могу оспавашься одинъ. Испребленный родъ Годунова превожишь мое воображеніе. Спранно, непоспизиимо! Съ первой минушы моего замысла овладѣшь престоломъ, я осудиль уже на смерть семейство Годунова; шри года пи-

шаль сію мысль, кажешся освоился съ нею, и шеперь когда желаніе мое исполнилось, кровь падшихъ жерпвъ жжешъ мое сердце. Не могу подумашъ безъ ужаса! Еще надобно будешъ жерпвъ, еще надобно крови! Бучинскій! легче сражашся за корону, чѣмъ носишь ее. Какъ ты думаешъ, Бучинскій, о моихъ Боярахъ? — «Всѣ они кажущся мнѣ слишкомъ подозрительными.» — «Не ужели и Бѣльскій и Басмановъ и Шуйскій? Вспомни, что Князю Василию Шуйскому я обязанъ свидѣтельствомъ о дѣлѣ Углицкомъ; Бѣльскому клятвою предъ народомъ о моемъ Царскомъ происхожденіи; а Басманову всѣмъ войскомъ, Россією! — Нѣтъ, Бучинскій, ты слишкомъ несправедливо судишь о моихъ Боярахъ!» — «Басманову я гошовъ вѣришь; другимъ нѣтъ,» опвѣчалъ Бучинскій. — «Напрасно, напрасно!» возразилъ Лжедимишрій. — «Ненавистнъ Бояръ къ Годунову и любовь народа къ древней Царской крови — опдала небѣ Россію,» сказалъ Бучинскій. «Но

я думаю, что между этими гордыми Боярами есть много таких, которые мечтают занять место счастливого Годунова, по смерти бездѣльного Государя, которого судьба, нѣкоторымъ образомъ въ рукахъ народа, пошому что возобновленіе сомнѣній о своемъ рожденіи, можешь разрушить то, что создано *увѣренностью*. Бѣда, горе Царству, гдѣ каждый подданный можешь мечтаетъ о достиженіи верховной власти! Будь остороженъ, Димитрій!» — «Пустое, другъ, пустое, войско мнѣ предано.» — «Кромѣ Спрѣльцовъ, ты не имѣешь постоянного войска,» возразилъ Бучинскій: «на Спрѣльцовъ я опиюдь не надѣюсь; Запорожцевъ самъ не совѣтую держать въ Москвѣ; вѣрныхъ Донцевъ у тебя мало; иноземцевъ ты не можешь держать много, и шакъ вся сила швоя — мнѣніе народное, которымъ трудно управлять безъ вѣрныхъ, умныхъ, преданныхъ помощниковъ. Димитрій, повшоряю, будь остороженъ. — Мнѣ не нравишся излиш-

* *

няя пвоя довѣренность къ Іезуишамъ. Я хопя Каполикъ, но не люблю ихъ, ибо дѣло инока, по моему мнѣнію, занимаешься спасеніемъ души, постомъ и молишвою, а не полишикою. Іезуишы совѣсами своими лишили Короля Сигизмунда любви народной, и посѣяли въ Польшѣ раздоръ за Вѣру. Буюсь, чшобъ они не сдѣлали шого же въ пвоемъ Государствѣ. Бояръ должно ласкашь, но не слишкомъ довѣряшь имъ, пока они не докажутъ своей преданности на дѣлѣ.» — «Довольно, Бучинскій, довольно, ты смущаешь меня напрасно: впрочемъ время покажешь, чшо должно дѣлать. — Теперь надобно помышляшь о шоржесствахъ, пирахъ, веселіи, а не лишаешь себя подозрѣніями. Но уже начинаешь свѣшашь — пойдемъ въ комнаты. О, еслибъ я могъ заснуть! — Завтра я имѣю нужду во всѣхъ моихъ силахъ — а я весь измученъ ошъ дневныхъ представлений и бессонницы.»

Въ воропахъ ограды встрѣпиль Лжедимишрїя Князь Василїй Ивановичъ Шуйскїй. Онъ низко поклонился и сказалъ : « Государь, я искалъ шебя, съ донесенїемъ, что ликующїй народъ въ Москвѣ цѣлую ночь провель шолпясь на улицахъ, прославляя шебя, Государь, и радуясь швоему пришествїю. Въ станѣ всѣ воины Русскїе, казаки, иноземцы, горятъ желанїемъ умереть за шебя. Мы, вѣрныя швои Бояре головами своими, женами и дѣшми ради жершвовашь для швоего блага. Обрадуй сиротшшвующую Россїю, Государь милосшивый, и посѣши сего дня швою опшину, Москву прешольную. Войско и народъ жадушъ видѣшь шебя на прешоль : Бояре и духовеншво ожидающъ сего часа, какъ своего спасенїя ! » — Шуйскїй шпорично поклонился. — « Вѣришь ли шеперь ? » сказалъ Лжедимишрїй по Лашыни, гордо посмошрѣвъ на Бучинскаго. — « Убѣжденїе входить въ сердце мое не ушми, а разсудкомъ, » хладнокровно опшвѣчалъ Бучинскїй. Лешъ изгнала

всѣ черныя мысли изъ головы Лжедимишрія, и самолюбіе заглушило всѣ другія ощущенія. Онъ снова развеселился и ударивъ Бучинскаго по плечу, примолвилъ улыбаясь: «Раскаешься, Ома невѣрующій!» — Пошомъ обращаясь къ Князю Шуйскому сказалъ: «склоняюсь на желаніе моего вѣрнаго народа; сего же дня, послѣ обѣдни ошправляюсь въ мою столицу и буду обѣдать въ Кремлевскихъ моихъ палапахъ.»

Ө. Булгаринъ.

РУЧЕЙ.

Подъ склономъ свѣчанныхъ вѣвшей
 Черезъ груды камней и корней
 Играющъ, скачущъ — силы полны,
 Твои серебряныя волны ;
 Свѣшло и пышно лучъ дневной,
 Скользя на грани водяныя,
 По быспрошъ пвоей живой
 Дробицца въ искры огневья.

Лежу — деревъ нагорныхъ шѣнь
 Мою задумчивую лѣнь
 Своей прокладой осѣняешь ;
 Въ вершинахъ лѣса, памъ и памъ
 По шепотливымъ ихъ лиспамъ
 Мгновенный шорохъ пробѣгаешь —

И смолкнешь вдругъ — и вдругъ сильный
 Зашевелился мракъ вѣшвей,
 И лѣсъ пробудился дремучій
 И въ чащѣ ходитъ шумъ глухой,
 Здѣсь и погда, ручей гремучій
 Твой говоръ слышенъ волновой.

Люблю его — ему внимаю:
 Я наслаждаюсь и во мнѣ
 Мечта яснѣетъ золотая
 О незабвенной споронѣ.
 Бѣгите дни, какъ эши воды,
 Бѣгите дни быспрѣй, быспрѣй,
 Да вновь священный лучъ природы
 Въ душѣ закришся моей.

Н. Языковъ.

КУПЛЕТЫ,

ПѢТЫЕ НА СЕМЕЙНОМЪ ПРАЗДНИКѢ.

Въ календарѣ поэзовъ баснословныхъ
 На имена причудливый разборъ;
 На зло опцовъ и маперей духовныхъ,
 Они крестятъ Лауръ, Элеоноръ.
 Но чувству ли поддашь себя условью?..
 Нѣтъ, *святцамъ сердца* ажи не снесъ!
 Тамъ имена помѣнены любовью
 И гдѣ любви съ родни Прасковья есть,
 Тамъ за просно, родству и дружбѣ въ честь,
 Поюшъ и празднуютъ Прасковью.

Про голосъ мой насмѣшливые шолки!
 Кипю опъ чужихъ, я опъ своихъ шерпаю,
 Но шакъ и бышь, сношу вашъ опзывъ колкій
 Не спану пѣшь, хошь пѣшь я и люблю.

Но здѣсь кому до пѣсень, до искусства?
 Дочь и сестра подлажу вамъ душѣй:
 Повѣрьте мнѣ, гдѣ нуженъ голосъ чувства,
 Тамъ числѣ и вѣренъ голосъ мой!

Есть много кладовъ въ царствѣ міра:
 Богатство, почестъ, пышность, знашь,
 Они въ ногахъ того кумира,
 Кошорый взросъ не всѣмъ подъ спашъ;
 Но клады есть и въ доляхъ нижнихъ,
 Счастливы, кто имъ въ смиреньи радъ:
 Любовь дѣшей, друзей и ближнихъ —
 Вѣдь это также добрый кладъ!

Князь Вяземскій.

БЫВШЕЙ МОЕЙ НЕВѢСТѢ.

И пакъ , мечпы моей любимой
 Не совершилъ упорный рокъ ;
 Ты не моя , и мнѣ судимый
 Другому опдала вѣнокъ ;
 Съ какою сладостью и силой
 Въ немъ сердце ласки жгушь пвом !
 Названья : другъ , голубчикъ , милой ,
 Къ несчастью — будущъ не мой .

Роскошной дамой превратишься
 Изъ скромненькой дѣвицы пы ,
 И сѣшь пльня , покоришься
 Сама въ пльнъ свѣтской суены ;
 Дань раззорительная моды
 Поглотитъ пысячи пвом ,
 Но всѣ издержки и расходы
 По счастью — будущъ не мой .

Лѣтъ пять — и маминьку обсядешь
 Амуровъ рѣзвыхъ шумный рой,
 И по усамъ себя погладишь
 Опець довольный самъ собой;
 Невинный лепетъ ихъ и шушки
 Улыбки возбуждять швой,
 Но эти милая малюшки
 Къ несчастью — будущъ не мои.

Но если въ ихъ чертахъ замѣнишь
 Съ опцемъ несходство глазъ чужой,
 Иль, что ужаснѣй, съ господемъ встрѣнишь
 Въ нихъ сходство самъ ревнивецъ швой;
 Молва къ семейному ненастью
 Прибавишь клеветы свои.
 Твой мужъ съ рогами; — но, по счастью,
 Рога шѣ будущъ не мои.

йшій.

ОЦѢНКА СТИХОВЪ.

« Иные будшо на заказъ
Трудясь надъ смѣсью рифмъ и фразъ,
Перечерняшъ слихи спо разъ,
Пока піэсой удостояшъ:
Мои кипяшъ, какъ на огнѣ
И ничего не спояшъ мнѣ. »
— За то и цѣняшся онѣ
Не болѣе того, чшо спояшъ.

А. Иллѣевскій.

А — Ъ.

Какъ мысли шворческой созданья,
 Какъ сладоспращная мечта,
 Свѣшла, полна очарованья
 Твоя дѣвичья краса; —
 Ланинъ и персей жаръ и вѣга
 Живыя груди, блескъ очей
 И волны вѣтренныхъ кудрей. . . .
 О другъ! ты Альфа и Омега
 Любви возвышенной моей!
 Съ минушы нашего свиданья
 Мои пророческіе сны,
 Мои кипучія желанья
 Всѣ на тебя устремлены!
 Предайся мнѣ: любви забавы,
 Я пѣсню звучной воспую
 И окружу лучами славы
 Младую голову твою!

* * *

МЫСЛИ И ЗАМѢЧАНІЯ.

Знаменишый Аббашъ Эджеворшъ, бывшій духовникомъ Лудовика XVI на эшафотъ и прославившійся симъ подвигомъ неустрашимости (*), писалъ въ 1806 году: « къ несчастію Европы, Пешербургъ слишкомъ ошдалень отъ Парижа; иначе скоро бы возстановился порядокъ и спокойствіе водворилось въ міръ. » Такъ прекрасная душа сего героя Вѣры и до-

(*) Когда смертоносное остріе Гильотины поднялось надъ головою Короля, тогда Аббашъ Эджеворшъ, въ присутствіи безчисленной толпы неисповѣхъ, ожидавшихъ казни, сказалъ громко: « снзъ свящаго Лудовика, возносись на Небо! »

бродѣтели постигала свяшую полишику Двора нашего и великую душу Александра.

Желашельно было бы видѣшь собраніе писемъ нѣкошорыхъ Государей, писемъ, въ которыхъ разпроганное сердце являло въ Монархѣ добрѣйшаго челоуѣка. Таковы, напри- мѣрь, письмо Лудовика XVIII къ брашу умершаго Аббаша Эджеворша (*), Александра I

(*) Можешъ бышь, не всѣмъ читателямъ извѣстно сіе письмо, писанное въ 1807 году. Я, извлекъ его изъ книги: *Lettres de l'abbé Edgèworth*, и привожу здѣсь въ переводѣ:

«*Господиму Ушеру Эджеворту и пр.*

Письмо Его Преосвященства Епископа Реймскаго извѣстивъ васъ о нашей пошерѣ. Вы оплатете нѣжнѣйшаго браша; я оплакиваю друга, упѣшишеля, благодѣтеля, кошорый привелъ Короля, браша моего къ врачамъ Неба, и мнѣ указалъ нушь къ онымъ. Земля не достойна была должайшаго пребыванія его на ней. Покоримся Всемогущей воли, упѣшаясь мыс-

къ госпожѣ Моро, нынѣ царствующаго Императора къ Князю Волконскому и къ Испоріографу Карамзину.

Истинный гений далекъ отъ хвасловства. Спрямясь къ одному полезному, онъ и за

лію, что онъ получилъ уже награду за свои добрыя дѣла; но не воспрещаясь намъ прибѣгать и къ земнымъ утѣшеніямъ: я ищю для васъ шаковаго въ изображеніи той общей скорби, копорую причинило сіе несчастіе. Такъ, смерть вашего брата была общимъ, народнымъ бѣдствіемъ. Мое семейство — всѣ вѣрные Французы, меня окружающіе, казалось, вмѣстѣ со мною лишились къ немъ ошца, — и нашу скорбь раздѣляли всѣ жилища Мишавы: всѣ классы народа, люди всѣхъ исповѣданій спекались на его погребеніе; повсемѣстная печаль ознаменовала послѣдніе часы его жизни.

Сіе повѣствованіе да уладитъ горесць вашу, да будете новымъ знакомъ моей привязанности и уваженія къ памяти почтеннѣйшаго изъ людей!

Будьте увѣрены въ чувстввахъ моего сердца къ вамъ и ко всей фамиліи Аббаша Эджеворша.

Лудовикъ.

предѣлами жизни еще желаешь благошворишь
человѣчеству, не забоясь, ему ли припи-
шущь успѣхи и благія слѣдствія его начер-
паній. Августъ, умирая, говорилъ окружа-
вшимъ его посшелъ: «хорошо ли сыгралъ я
свою роль?.. Комедія кончена — рукопле-
скайте!» Истинный геній, Петръ Великій,
въ послѣднія минушы жизни своей, пиho
дикшовавъ одинъ изъ полезнѣйшихъ Государ-
ству указовъ.

Истинный геній не спѣшишь: онъ безко-
рышенъ, онъ не жаденъ къ временной слави.

Управляшь людьми значить безпрестанно
поучаешь въ несовершенствѣ человѣческаго
ума и сердца. — Великъ пошь швердый мужъ,
кошорый на семь многотрудномъ поприщѣ
умѣлъ сожальшь о человѣкѣ, не презирая его.

Онъ одинъ приблизился къ мудрости, долгошерпвнню и благости самаго Божества.

Если вѣришь многимъ запискамъ о Бонапарте, въ кошорыхъ доказываея, что онъ воевалъ по неволь, ш. е. принуждаемый обществомъ *Филадельфцевъ* и *невидимыхъ* (les invisibles) для доспигенія какого-то всемирнаго полишического хаоса, однимъ словомъ, игралъ жалостную роль Федры и Эдипа, шо оспааетя сожалѣнь, что Европа не имѣеть поэта съ воображеніемъ Гомера, Мильмона или Данша; Софокла, Эврипида, или Шекспира. Подробности шакой жизни сушь богашѣйшій источникъ для Эпопеи и прагическихъ швореній. — Время, другіе нравы и другія понятія охладили народы къ бреднямъ Эллинскаго баснословія; но чудесное, сверхъестешвенное еще дѣйствуешъ на нихъ сильно. — Пѣвецъ Генриады не ис-

полнилъ всѣхъ условій эпической поэмы — и нѣкоторые находятъ причину сего въ томъ, что событія были близки къ его времени. Нѣтъ, главная причина та, что сіи событія были просто историческими и безъ собственной своей чудесности, а вымышленная поэма не дѣйствуетъ на воображеніе. Надобно, чтобы современные записки и изустныя преданія предварительно, шакъ сказаешь, напугали, или приготовили къ восшоргу чашашеля. Я основываю сіе мнѣніе на собственномъ опытѣ: мнѣ случалось читать, одному и ночью, романы, баллады и повѣсти, гдѣ или чудесное, или ужасное встрѣчалось на каждой страницѣ: я съ улыбкою оставлялъ книгу и засыпалъ спокойно, сказавъ спасибо за вымыселъ; но признаюсь, что шакія же несодѣянности, въ историческихъ запискахъ производили во мнѣ совсѣмъ другое чувство. Одинъ Казанъ, подкрѣпленный Лагарпомъ, однажды не далъ мнѣ уснуть. — Впечатлѣніе, производимое на Гре-

ковъ Иліадою и трагедіями упомянутыхъ по-
эшовъ, невыразимо: все, что въ нихъ пла-
няеть, или ужасаетъ, вѣрилось народу и
жило въ его преданіяхъ. — И наша Калліопа,
и наша Мельпомена могутъ съ успѣхомъ вѣ-
щать о современномъ; ибо, не смотря на
всѣ усилія Философіи, Естествоиспытанія
и Физики, сихъ враговъ поэзіи, я говорю
бишься объ закладъ, что большая половина
Франціи и, можетъ быть, Европы вѣришь
всѣмъ таинственнымъ явленіямъ, снамъ, при-
мѣнамъ и гаданіямъ, попрысавшимъ душу
шого, кто попрысалъ вселенную; да и въ
оспальной половинѣ найдутся многіе, толь-
ко отъ спыда не сознающимися въ семъ не-
поняшномъ вѣрованіи: — извѣстно, что
эшовъ непоспижимый человекъ шайлъ что-
то и отъ самой виновницы своего величія.

Сія подруга его чудесной жизни естъ такъ
же безцѣнный идеаль для поэмы. Бѣдная ко-
лонистка оставляетъ пустыни Америки и
переплываетъ Океанъ, за шѣмъ, чтобы вы-

шедь изъ темницы, — оковашь революцію, удержашъ престолы на краю бездны (*), водворишь Христіанскую Вѣру во Франціи — и возсѣшь на громоносный шронъ ея!. Предвѣщательница провожаешь ее съ береговъ Новаго свѣта; предвѣщательница встрѣчаешь ее на берегахъ Европейскихъ; — метеоръ осѣняешь путь ея, дриникши къ мачтѣ корабля.... Какіе богашы матеріалы для поэшическаго зданія!.... Пускай все бредни, — но я обращаюсь къ поэшамъ.

Многіе изъ знакомыхъ мнѣ Парижанъ всего болѣе удивлялись скромности нашихъ соопечесвенниковъ, которые, по взяшии столицы Франціи, ни слова не говорили шамъ

(*) Всѣмъ извѣстно, что она была виновницею происшествій 18 и 19 Брюмера.

о своихъ подвигахъ. Такое великодушіе прилично героямъ въ сѣбѣнахъ покореннаго ими города и предъ народомъ, ими побѣжденнымъ.

Греки и Римляне тогда только были велики, когда почитали ниже себя всѣ прочіе народы. — Славный Суворовъ и незабвенный Карамзинъ лучше всѣхъ нашихъ либерашурныхъ *Мусье* (*) умѣли разгадать, въ чемъ заключается прямой источникъ народнаго величія.

Холодность ко всему отечественному есть двойкая: умышенная, стремящаяся заступить воспорги папріюпизма въ душѣ народа,

(*) Суворовъ всѣхъ модниковъ и плѣнныхъ тужеземцами называлъ *Мусье*.

есть пресупленіе, равное предательству;—
неумышленная ешь признакъ жалкаго невѣ-
жества.

Николай Ивангиль-Писаревъ.

Р О М А Н С Ъ.

Конрадъ одѣвается въ лапы,
Береть онъ сѣкиру и щипъ.
« О рыцарь! о милый! куда ты? »
Дѣвица ему говоритъ.

— Мнѣ время на битву! Назадъ
Я скоро со славой приѣду:
Сосѣдомъ обиженъ Конрадъ,
Но грозно отмститъ онъ сосѣду!

Вопшь гибельный бой закигъль,
Сшибаюшся, блещунгъ булапы,
И кто-шо сразиль — и надъль
Противника мертваго лашы.

Спустилась вечерняя мгла.
Милъе задумчивой ночи,
Красавица друга ждала,
Попунигъ лазурныя очи.

Вдругъ сердце забилося въ ней —
Предъ нею знакомый вошпелъ:
« О рыцарь! о милый! скорый
Меня обними побдишпелъ! »

Но рыцарь спойшъ и молчипъ.
« О милый! упшъсья любовью!
Ты спрашенъ, швой панцырь покрышъ
Противника дерзкаго кровью! »

« Но сердцемъ, какъ прежде, пы мой !
Оно ли меня разлюбило ?
Сложи свои лапы и шлемъ боевой ;
Скорѣ въ объятія милой ! »

Но рыцарь суровый молчишь,
Онъ поднявъ рѣшешку забрала :
« О Боже ! Конрадъ мой убить ! »
И дѣва безъ жизни упала.

Н. Я.

КЪ НЕЕРЪ.

Горація Епода. XV.

Я помню ночь : на небесахъ
 По шкани звѣздъ луна сіяла ,
 Когда къ богамъ презрѣвши спрахъ ,
 Ты вѣроломство замышляла !
 Не такъ вокругъ ясени молодой
 Плающъ вѣвса гибкими вѣшьями ,
 Какъ соплепалася со мной
 Ты бѣлоснѣжными руками .
 Я не забылъ швоихъ рѣчей :
 « Доколѣ на хребшы морей
 Звашъ непогоды не преспаненъ
 Пловцамъ враждебный Орионъ ;
 Доколѣ юный Аполлонъ
 Не поспарѣешъ ; не успаненъ
 Зефиръ въ кудряхъ его играешъ :
 Дошоль взаимно намъ пылашь ! »

Неера, горькими слезами
 Мою вспомнешь вѣрность ты!
 Не съ униженьемъ, не съ мольбами
 Въ часъ полуночной темноты
 Къ преспутому приду я ложу;
 Услышишь имя ты другой....
 Склонить на жалость мнишь красой?
 Презрѣнемъ скорбь твою умножу!

А ты, счастливейшій! бѣдамъ
 Моимъ смѣющійся жестоко!
 Твои поля лежатъ широко
 И счеша вѣшь твоимъ спадамъ
 По злчнымъ, по цвѣпнымъ брегамъ
 Злашопесчаного Пакшоло;
 И Пиеагора чудный даръ,
 Нирея молодость и жаръ
 Ты взялъ отъ Діева престола;
 Но скоро, скоро надъ собой
 Ты испышаешь жребій мой:
 Свой рай другому ты уступишь;
 Измѣну вѣрностию купишь,
 И — посмѣюсь я надъ побой!

В. Орловъ.

ИРЛАНДСКІЯ МЕЛОДІИ.

(Изъ Т.: Мура.)

I.

Не пируй съ молодежью средь пышныхъ садовъ,
 Но ко мнѣ, другъ, приди въ полунощный часъ:
 ЕСТЬ цвѣтникъ у меня изъ поблекшихъ цвѣтовъ;
 Онъ приличнѣй для спаросши, скорби и насъ.
 Тамъ успроимъ мы пиръ слезъ горючихъ съ побой;
 Намъ госпями будутъ пѣни лѣтъ прошлыхъ тогда;
 Мы безмолвно напѣнимъ бокаль круговой
 Въ память пѣхъ, чей голосъ умолкъ навсегда:
 Тамъ, какъ спануть вокругъ насъ, и въ молчаньи ночномъ,
 Лисья сыпанься съ мирновыхъ мертвыхъ вѣлвей,
 Въ память клянъ позабытыхъ мы кубокъ нальемъ,
 И въ честьъ измѣнившихъ и падшихъ друзей;

Иль, когда, при мерцаньи небесныхъ свѣшилъ,
 Въ вѣпвахъ лавра засохшаго вѣшрѣ зашумилъ,
 Мы выпьемъ въ чesпѣ пѣхъ позабышыхъ могилъ,
 Гдѣ прахъ храбрыхъ безъ славы, безъ имени спилъ!

2.

Лети, мой корабль, пернапой спрѣлой!
 Несись, мой безспрашный, нѣтъ нужды, куда:
 Ужаснѣй того, что оспавлено мной,
 Не найдемъ мы нигдѣ, ничего, никогда.
 Здѣсь волны швердантъ — и я вѣрю мечпѣ —
 « Хопъ подъ нами, игривыми и смерпѣ лежишъ;
 Но не споль мы коварны и хладны, какъ пѣ,
 Чьей улюбкой съ надеждой и самъ пѣ убишъ. »

Лети и въ вихри и въ бурю и въ пѣму,
 Лети по проспранспву безъ дна и конца!
 Чпѣ вихри, чпѣ бурное море шому,
 Кшо такія на брегѣ оспавилъ сердца!
 Иль если пущыню найдемъ мы въ пущи,
 Гдѣ прекрасной природы, заразой своей,
 Осквернишъ не успѣло коварспво людей —
 Спашъ шамъ; но дошолъ спрѣлою лети!

3.

Умолчимъ его имя : пусть шамъ оно спитъ ,
Гдѣ безъ славы , безъ почестей прахъ его скрытъ ;
Пусть во мракѣ текутъ наши слезы о немъ ,
Какъ роса надъ его могильнымъ холмомъ .
Но роса упадая и въ мракѣ ночномъ
На могилѣ его мураву возраститъ ;
И слеза , что о другѣ мы тайно прольёмъ ,
Памяшь друга надолго въ сердцахъ сохранитъ .

М. В.

Ч Е Р К Е С Ъ.

(Разсказъ.)

« Я видѣлъ спрану близкую къ полюсу, сѣднюю Гиперборейскому морю, гдѣ природа блѣдна и угрюма, гдѣ солнце грѣшгь посшоянно только въ шеченіе двухъ мѣсяцевъ; но гдѣ также, какъ въ спранахъ благословенныхъ природою, люди могутъ находить счасшіе. »

Батюшковъ.

Доброму начальнику моему К.... обязанъ я шѣмъ, что имѣлъ случай повшорить эши слова плѣнишельнаго Башюшкова; случай видѣшь Финляндію, любовашься ея дикими красошами! — 19 Мая 1826 года мы осшавили

за собою Пешербургскую губернію — и взору нашему представилась мрачная, но величественная картина: непроходимые лѣса, озера, и, какъ могильные памяшники, груды камней, разсыяны здѣсь на необозримомъ пространствѣ. . . .

Куда ни обратишь свой взоръ,
 Вездѣ: по мракъ, по запускѣнье,
 То бездны воды, по цѣпи горъ,
 Лишь индѣ бѣдное селенье;
 И въ безопытной тишинѣ
 Тамъ слышно бури завыванье,
 И грозныхъ скалъ на вышинѣ
 Лѣсовъ дремучихъ препешанье.

Мы посѣтили Выборгъ, видѣли въ немъ древній замокъ, про который сполько чудесъ рассказываютъ простолюдины, — восхищались очаровательною мызою Барона Николаи, гдѣ природа и искусство, казалось, хотѣли превзойти другъ друга въ украшеніяхъ. — Это мѣсто, по всей справедливости, названо почтеннымъ владѣльцемъ его,

современникомъ Великой Екатерины *Монгерос*.

Говорящъ: грѣшно быть въ Римѣ и не видать Папы, намъ казалось грѣшно быть въ Финляндіи и не видать *Иматры*, сего чудеснаго явленія природы. — *Иматра*, на Финскомъ языкѣ значить пороги: они находятся въ двухъ верстахъ отъ станціи *Ситолы*, почти близъ самой дороги къ Вильмансранду.

Представьте себѣ: на ошломомъ пространствѣ какихъ нибудь двухъ сотъ сажень, кипящую, клокочущую пучину; въ нависшихъ гранишныхъ берегахъ шумить и бушуетъ *Вокша*, — по бѣлыя, по синія и желшыя волны спремьяся одна за другою, кажутся, хопящъ опередить другъ друга, спѣшашъ впередъ, возвращающаея назадъ, пѣняшся, выюпся кудрями — вспаюшъ какъ горы, въ коихъ играюшъ радуги, — сыплюшся мѣлкимъ жемчугомъ и образуютъ ужасныя рышвины. —

Зрѣніе упоминается ошъ красошъ и видовъ , ежеминушно новыхъ , ежеминушно измѣняющихся ; — слухъ поражается шо глухимъ шумомъ волнь , шо плѣскомъ ихъ въ гранишные утесы , шо необычайнымъ , мрачнымъ подземнымъ ревомъ....

Проѣхавъ Фридрихсгамъ , мы видѣли Гегфорсъ , прямой водопадъ , который , какъ говоряшъ очевидцы , едва ли усшупаемъ Рейнскому ; — видѣли Кюменскую крѣпосшь , бывший домикъ Суворова ; — посѣщили красную Ловизу съ ея минеральными водами ; веселый Борго , — отдохнули въ прелесшномъ Гельсингфорсѣ — новой столицѣ Финляндіи , — и объѣхали кругомъ неприсшупныя швердыни сѣвернаго Гибралшара : — О Свеаборгъ ! гдѣ швоя слава ? .. гдѣ мечшы великаго шво его основашеля ? .. Около двадцати лѣшъ двуглавый орель парішъ надъ швоими спшнами ; — шшы побѣжденъ непобѣдимый ! .. чшо успоимшъ прошивъ Рускихъ , одушевленныхъ любовію къ Царямъ и родинѣ ? ...

**

Возвратившись въ Фридрихсгамъ, я нашла здѣсь моего брата, вѣрнаго поклонника Музы и Марса.

Прекрасное весеннее утро вызвало насъ изъ комнашы, — солнце играло въ свѣсплыхъ струяхъ залива, тихій вѣтерокъ дышалъ прохладою; — мы находили все прелестнымъ, очаровательнымъ и умилялись предъ Божиимъ созданиемъ.

«Посмотри, какая выразительная наружность, какое благородное лице!» сказала я брату, указывая на сидѣвшаго близъ берега молодаго человѣка, въ солдатской шинели.

— Это плѣнный Черкесь, — отвѣчалъ мнѣ братъ; — его опослали въ гошпишаль, но сомнѣваюсь, чшобъ наши Эскулапы помогли ему; — болѣзнь его: поска по родинѣ, шоска о потерѣ дикой свободы!. Каждое утро онъ выходитъ на берегъ, одинокъ и печалень просиживаетъ здѣсь долгіе часы... Слышишь ли, вопшь зацѣваетъ онъ заунывную

свою пѣсню; — это любимое его занятіе
во время прогулки.

« Въ пядю Черкесъ! пропалъ Черкесъ! ()*

Погибли вольности ушѣхи,
Ошибы ранныя доспѣхи,
Оспалась жизнь для вѣчныхъ слезъ!
Погибъ аулъ, два милыхъ брата,
Погибла дѣва и друзья,
Мой лукъ шугой, мой конь крылашой,
Одинъ оспался я!

Гдѣ пы, мой конь, — мой вѣрный конь
Неупомимый, спасный, скорый?
Спрѣлой въ поля, спрѣлою въ горы,
Спрѣлой чрезъ воды и огонь
За легкой серной на ловишѣ,
И за добычей между скалъ —
И за врагомъ на смершной бишѣ
Со мною пы лешалъ!...

Гдѣ спрѣлы быспрѣя?... они
Моимъ очамъ не измѣняли,
Но мѣшко сильно поражали,

(*) Слова, коими дѣйствительно начиналась пѣсня Черкеса.

Какъ ярой молніи огни!...
 Бывало, цѣль подѣ небесами
 Любой изъ спада голубей,
 Иль хищный соколъ надѣ полями,
 Иль сѣрый воробей!

Гдѣ шашка острая?... она
 Была Дамасскаго булаша,
 Насѣчка хитрая изъ злаша,
 Клинокъ, какъ чистая волна!
 И никогда не прищуплялась:
 Желѣзо, мѣдь — все пополамъ —
 И гдѣ жь она?... она доспалась
 Со мною Козакамъ!

Гдѣ панцырь мой?... Козакъ опиялъ!
 Мой панцырь спали вороненой
 Я думалъ, онъ заговореной —
 Ни чей булашъ его не бралъ!
 Не разъ со мной въ бояхъ случалось:
 Уже ловилъ меня Донецъ —
 Кололъ, спрѣлялъ — копье ломалось,
 Опскакивалъ свищецъ!

Друзья, друзья минувшихъ лѣтъ,
 Пишомцы пламенной свободы!
 Я помню васъ, я помню годы!

Безпечной вѣги и побѣдъ!
 Я не забылъ госпепріимныхъ
 И полныхъ радости пировъ,
 Въ родныхъ аулахъ, въ саляхъ дымныхъ,
 Въ кругу сѣдыхъ опцовъ!

Но гдѣ же все, чѣмъ въ жизни сей
 Черкесь свободный наслаждался,
 Чѣмъ онъ дышалъ, за что сражался:
 За дѣву, вольность, кровь друзей!...
 Безпечной радости обилель!
 Быть можешь мечь, или огонь
 Занесъ шуда Козакъ губилель!...
 О!... гдѣ крылашый конь?...

« Въ пѣвну Черкесь! пропалъ Черкесь!
 Погибли вольности ушѣхи,
 Отбишны рашные доспѣхи,
 Оспалась жизнь для вѣчныхъ слезъ!
 Погибъ ауль, два милыхъ брата,
 Погибли дѣва и друзья,
 Мой лукъ шугой, мой конь крылашой,
 Одинъ оспался я!»

Участіе и любопытство влекли меня къ печальному Чиккою (*); мы подошли къ нему, завели разговоръ... Ласки вынудили опкровенность: онъ разсказалъ намъ повѣсть своей любви, повѣсть своего плѣна; она проста, какъ просты дикіе дѣпи природы;— не украшена вымыслами, но нужны ли вымыслы и украшенія для душъ нѣжныхъ и чувствительныхъ?...

За крупными берегами быстрой Кубани, близъ величественныхъ громадъ Кавказа живутъ племена дикія и воинственные — всегдашніе враги и союзники Рускихъ....

Въ бѣдной саклѣ жилъ Чиккой съ братьями; онъ былъ прекраснѣйшимъ юношею изъ всего аула, лучшимъ стрѣльцомъ и наѣзникомъ между Черкесами. — Всѣ любили Чиккою, хвалили его ловкость, его мужество;— горныя красавицы не могли наглядѣться на

(*) Такъ звали плѣнника.

его воинственное лице, сшашный ростъ — и прелесшная Фашьма, дочь богашьйшаго Узденя въ ауль, была къ нему неравнодушна; ея умильные взгляды, ея ласки и пьсни сосшавляли сшасшье Чиккой, но для полношпы эшого сшасшья не досшавало ему Фашьмы....

Испинная любовь скромна: Чиккой и Фашьма любили другъ друга, никому не говорили они о любви своей; но спшокая корысть умьешь видьшь въ сердцахъ людей сокровенншйшья ихъ шайны.

Чиккой! говорилъ однажды спарый Уздень юношъ, я знаю, все: шы любишь Фашьму!.. Эша дерзосшь спшоила бы наказанья, но я добрь!... Твоя молодосшь, храбросшь и ловкосшь плънили меня; — соглашаюсь имьшь тебя зяшемъ: — заплаши калымъ и возьми дочь мою.

«Калымъ?..» вскричала изумленный юноша. —

Да, отвѣчалъ Узденъ, — если представишь мнѣ двадцать лошадей, сорокъ барановъ, десять плѣнниковъ и сполькожь плѣнницъ, то въ шопъ же вечеръ можешь распорошь *хошубу* (*) на груди Фашьмы; если нѣшь, то не увидишь ее никогда — и месъ моя будешь преслѣдовать шебя и родъ швой до шешаго колѣна! —

« Но ошкуда взяшь мнѣ шакой калымъ? » сказала Чиккой, — мнѣ, у кошораго шолько и ешь чшо вѣрный конь, мешкiя спрѣлы, шугой лукъ и оспрая шашка?..

— Знаю, чшо шы бѣденъ, возразиль спарикъ, но долго ли разбогашьшь Черкесу?.. Кубань не за горами, за нею живушь богашые Урусы; — сыщи друзей, поѣзжай, плыви, руби, спрѣлай и возвращайся въ ауль съ калымомъ. — Выбирай любое, Чиккой!

(*) Кожаный корсетъ, надѣваемый Черкешенками съ малолѣтства.

продолжалъ онъ, — или моя дружба и Фашма — или... шупъ замолчалъ онъ, указывая на булашный кинжалъ.

Что оспавалось дѣлалъ Чиккою? Онъ открывалъ грусть свою друзьямъ, *пть принималъ участіе въ его грусти, готовъ помогать ему, готовъ лешть съ нимъ на добычи и опасности; — имъ наскучили мирныя саки, пляски, игры и плѣнительныя пѣсни юныхъ дѣвъ...

Наскуча шумными пирами,
 Лѣнливой жизнию въ домахъ —
 Наскуча всѣмъ, въ однѣхъ съ орлами
 Они гвѣздились скалахъ.
 Ошполь на бипвы, на разбой,
 Какъ горный вихоръ вырывались,
 Урусъ робко рассыпались
 Передъ отважною ордой...

Чиккой радовался добычѣ шолько для Фашмы; — знашная часпъ калыма была ошдана корысполюбивому Узденю; « еще одинъ счастливый набѣгъ, говорилъ онъ юношѣ, еще

одна, или двѣ схватки съ Урусами — и ты будешь правъ передо мною, я ошдамъ шебѣ мою Фашьму!»

Но эпошѣ послѣдній набѣгъ, эша одна или двѣ схватки съ Урусами заславляли робѣшь неробкаго Чиккоя, мрачное предчувствіе не обѣщало ему ничего добраго — и онъ въ первый разъ усумнился въ успѣхъ, усумнился въ своихъ силахъ.

Въ одно утро Чиккой просиился съ Узденемъ и Фашью; онъ не хошѣлъ ни съ кѣмъ раздѣлить славу послѣдняго подвига: одинъ переѣхалъ Кубанскія воды, шолько вѣрный конь, Дамасская шашка, орканъ, лукъ и стрѣлы, были его товарищами... Онъ мчишся въ горы, земля вшоритъ шопошъ,.. онъ ошанавливаешся... слушаешъ чупкимъ ухомъ, шопошъ приближаешся, взоры Черкеса вспыхнули, онъ стрѣлою лешитъ на вспрѣчу... но шо былъ знакомый землякъ его. — «Козаки! козаки!...» прокричалъ онъ Чиккою — и ско-

ро пропасть изъ вида. — Козаки? — повторилъ сей, улыбаясь въ слѣдъ робкому одноземцу, — козаки?.. шакъ чпожь?.. не разъ сбриваль я имъ бороды шашкой и шерсть гошовъ.

Онъ слезаетъ съ коня, отводишь его въ пещеру, змією свершываешся за камень у самой дороги, не сводишь съ нее горящихъ взоровъ, держишь спрѣлу на шешивѣ—и едва дынешь опъ неперпѣнія... пробѣжали минушы, вошь видишь Чиккой: сизая пыль клубится по дорогѣ, видишь двухъ Рускихъ, весело скачущъ всадники... онъ видишь ихъ и — шлешъ имъ смершельный даръ Черкеса, роковую спрѣлу на вспрѣчу....

Шашнулся, палъ всадникъ сраженный съ кургана,
 Но мспишель товарищъ орломъ налешпѣль,
 И меткій убійца, пеплею оркана
 Запянушь, шрепещешъ, и въ мигъ захригѣль.

Первою мыслию очнувшася Черкеса былъ побѣгъ, но въ шу же минушу онъ увидѣлъ невозможность эшой мысли: на ногахъ его

глухо звучали цѣпи — и опершись на пику, стоялъ огромный козакъ на шпорожѣ; сабля, нагайка и орканъ висѣли у него на поясѣ... Спрашно было угрюмое чело пипомца Дона, спрашно сверкали кровавые его очи. — Чиккой содрогнулся, несчастливецъ не понимая языка Урусовъ, понялъ однако же изъ гремящихъ словъ своего спража упрашу свободы — и полумершвый палъ къ ногамъ шого, кого за нѣсколько минушь хотѣлъ ограбить, умершвишь.

Козакъ изумился. — Злодѣй! вскричалъ онъ, ты убилъ моего брата и просишь пощады?

Погибни — губипшель!...

Погибни! и саблю могучей рукой

Взмахнулъ надъ Черкесомъ карающій мспипшель...

Но, Рускій родился съ высокой душой!

Вдругъ, вспомнилъ онъ Бога, (къ врагамъ сожалѣнье

Ему заповѣдалъ въ разлукѣ отецъ),

И въ мигъ угасаетъ его изсшупленье,

Рука опустилась — и добрый Донецъ

Подумалъ: долгъ месни пріятежь,

Но врагъ безоруженъ, въ плѣну — изнемогъ:

Онъ жалокъ, а брагъ мой уже не возвращенъ
« Живи злополучный, — судья тебѣ Богъ!... »

Однообразно текли скучные и долгіе дни плѣна для Чиккоя; ни воинственныя игры, ни громкія пѣсни Урусовъ не могли сорвать улыбки съ печальныхъ устъ его; — вѣрный родинѣ, онъ не зналъ веселья въ неродномъ краю: ауль, друзья, набѣги и прелестная Фашьма мечшались ему во снѣ и на яву; потеря свободы сжимала его сердце — и при взглядѣ на Донскую саблю, душа безоружнаго Черкеса шомилась, замирала...

Однажды послѣ жаркаго полудня, Чиккой отдыхалъ на дикомъ курганѣ; любимыя мечты и несбыточныя надежды ласкали печальную его душу; казалось, онъ видитъ родной ауль и милыхъ своему сердцу... Вдругъ слышишь ему шорохъ — и кто изобразишь его изумленіе, радость? Черкесь видитъ Черкеса, какъ духъ, прокрадывался шопъ между деревьями; — Чиккой спремился

на встрѣчу знакомцу, обнимаешь вѣрнаго друга Дебау — и первое слово его: « бѣжимъ! » — успокойся, опивчалъ Дебау, я спасу тебя; возьми эпошь подарокъ, продолжалъ онъ, подавая другу Дамасскій кинжалъ, онъ избавишь тебя опъ оковъ; — но не измѣни себѣ, и когда смеркнешся — будь здѣсь, я жду тебя съ двумя конями, — они быстры, какъ вихри, — мнѣ извѣсны дороги... и къ разсвѣшу мы въ аулъ! Чиккой возвратился въ спань, шамъ ласки добраго козака и нешерпѣливое ожиданіе ночи шерзали его душу; онъ взорами слѣдилъ печеніе солнца и досадовалъ на его медленность...

« О солнце, потухни, потухни скорѣе!... »

О мезе (*) не знай шы сего дня небесь!

Содвиньпеса шучи, — о ночь будь мрачнѣе

Глубокой могилы, вась молишь Черкесь!

(*) *Мезе*, такъ называютъ Черкесы луну.

И вошь уже полъ одѣлося мглою,
 Вошь даль попомнѣла, безмолвствуешъ лѣсъ;
 Вспалъ мѣсяцъ ущерблѣй надъ блѣдной рѣкою,
 Заискрились звѣды въ пучинѣ небесъ;
 Коспры запылали, все движешся въ спанѣ:
 Тамъ шумной шолпою Донцы вкругъ огней,
 Тамъ спражи, какъ шѣни, черѣющъ въ шуманѣ,
 Тамъ пѣсни, рассказы... и шокошъ коней!...
 Вошь грянула пушка вдали зарева —
 И въ шемныхъ пещерахъ откликнулся гулъ,
 Прошѣла молишва — и спанѣ охраняя,
 Разсыпался въ полъ ночной караулъ. —
 Минуша спасенья уже наспунила,
 Воспользуюсь ею, подумалъ Чиккой,
 Удача — свобода, несчастье могила —
 Вошь жребіи жизни, одинъ изъ нихъ мой!...
 И съ дикимъ восшоргомъ кинжалъ обнажаешъ,
 Онъ рѣжешъ оковы — и нѣшъ ужъ оковъ!
 « Спи Руской, спи крѣпче, пусть сонъ забавляешъ
 Тебя, какъ ребенка, до новыхъ цвѣшовъ!
 И мчишся, какъ серна, бѣглець быспроногой —
 Гдѣ камень — чрезъ камень; ушешъ — на ушешъ...
 Гдѣ ровъ — легкимъ скокомъ, какъ гладкой дорогой —
 И съ свисшомъ, какъ вихоръ, кидается въ лѣсъ,
 Тамъ духъ переводишъ — и вновь оживленнѣй
 Прохладюю ночи, онъ чушко енималъ:
 Все было безмолвно: — едва опдаленнѣй

Былъ слышенъ съ бивака пропаянный сигналъ,
 И, временемъ, лиспшебъ проснувшихся попопъ; —
 Еще разъ пускаешъ условный свиспокъ
 И лъсь опозвался, посыщался попопъ,
 И вопъ предъ Чиккоемъ, какъ вкопанъ ъздокъ,
 На поясъ шашка, кочанъ за плечами —
 За поводъ другаго коня онъ держалъ —
 « Подемъ, поварищъ! доколь за нами
 Донцы не погнали, » Дебау сивалъ;
 Чиккой, разобравши поводы, садилсъ
 И шико склоняся на луки, лепяпъ —
 И лъсь ужъ рѣдешъ... вопъ, видяпъ, дробилсъ
 О камни, шумящій съ скалы водопадъ...

Мы сбились съ дороги, посмотри: кругомъ скалы, нѣтъ слѣда, нѣтъ пропинки, впереди шумящая бездна! — « Вернемся, поварищъ, ошвѣчалъ Дебау, поищемъ другой дороги — скорѣе, скорѣе, назадъ!.. — Назадъ? возразилъ Чиккой, поздно!.. Тамъ гибель неизбежна, шамъ шумъ, шревога, — шы слышишь крики погони, шы слышишь: шрубяпъ, скачупъ? Эшо козаки... Дебау встрѣчаешъ передняго спрѣлою, но первый разъ

въ жизни дѣлаешь промахъ... и, вдругъ онъ разшоппанъ... Чиккой видишь гибель друга, хочешь опмшшишь за него; но бой неравный его упомляешь, враги со всѣхъ сторонъ нападають, рубящъ, шѣснятъ его... « Нѣтъ спасенья! » вскричалъ онъ въ опчачяніи, — но не дамъ живой въ руки — и вопъ несешся къ безднѣ, конь взвился, и какъ брошенный камень, ринулся съ наѣзникомъ въ кипящія волны....

Чиккой проснулся —

И видящъ на шомъ же курганѣ,

Гдѣ вечеромъ грустно о милыхъ мечпалъ,

Спанъ Рускій бѣлѣетъ въ росиспомъ шуманѣ,

Онъ ищешъ, гдѣ дѣся подарокъ — кинжалъ,

И конь, и Дебау, — гдѣ скрылися бездны?

Все, все, миновало съ волшебной мечной!...

« Сонъ спрашивъ и, вмѣстѣ, сонъ сердцу любезный,

Что значишь ты, скрышый шаинспивенной мглой? »

Такъ думалъ Чиккой, обманушый мечшою, но скоро судьба разгадала шаинспивенный сонъ его; изъ роковой урны выпалъ ему жре-

★ ★

бій — проспишься съ добрымъ козакомъ, ос-
шавишь бивакъ — и когда —

Природа увѣла, пучина засныла,
Одна зеленѣла могильная ель,
И падали снѣги, и тушь заносила
Средь скалъ незнакомыхъ сѣдая мяшель,
Тогда свои слезы и робкія пѣни
Пишомецъ Кавказа на Сѣверъ принесъ
И пѣсню неволи — на брегѣ Кюмени
Пѣвалъ одинокій, унылый Черкесь.

Онъ и нѣсколько другихъ военноплѣнныхъ
Черкесовъ обращены въ Россійскую службу
и, по распоряженію начальства, написаны
въ отдѣльный Финляндскій корпусъ.

Разскажь виновнаго, но несчастнаго Чик-
коя извлекъ изъ глазъ моихъ слезу соспра-
данія. — « О Руской! » вскричалъ онъ, взявъ
меня за руку, — шы жалѣешь Черкеса? шамъ,
продолжалъ онъ, указывал на небо, шамъ
опяшь найду я свою родину, найду свою
Фашьму!...

А что спалось съ Фашьюю?.. съ ея корысполюбивымъ опцемъ?.. спросяшь меня Романишпы и Романишпы. — Не угодно ли милоспивые государи и милоспивыя государины съѣздишь на Кавказъ, опыскашь ауль, гдѣ жиль Чиккой? шамъ всего вѣрнѣе узнаете объ эшомъ.

— *инь.*

ДѢВА НОЧИ.

Какъ эша ночь, спыдливъ и поменъ
 Очаровашельный пвой взоръ;
 Какъ эша ночь, прелеспно плѣмень.
 Съ илюбою нѣжный разговоръ;
 Ты вся мила, шы вся прекрасна!
 Какъ пламенны шпой уста!
 Какъ безгранично сладострасшна
 Твоихъ обьяшій полноша!

Но успокойся, дѣва ночи!
 Спусти зависливый покровъ,
 Сокрой швои усна и очи
 И злапо вьющихся власовъ:
 Не на швоей груди перловой
 Моя воздремлетъ голова,
 Не пы внушишь мнѣ жизни новой
 Родныя чувства и слова.

Тамъ, тамъ, гдѣ пышный шокъ Родана,
 Въ виду заоблачныхъ вершинъ,
 Сребромъ выходишь изъ Лемана
 На гладь шелковую долинь...
 Туда, сердечной жажды полны,
 Мои возвышенные сны,
 Туда надеждъ и мыслей волны
 Игривы, чисты и звучны!

Смощри: спую передъ тобою!
 Вдругъ освѣжилась грудь моя,
 Торжественъ, радостенъ душою
 И смѣль и гордъ и свѣщель я!

Прекрасна ты, о дѣва ночи!
Покинь меня и не зови
Лобзашь пвоей успа и очи,
Изпасавай въ пвоей любви!

БѢДНЯКЪ-ВЕСЕЛЬЧАКЪ.

Пѣсня.

Такъ, я родился не впопадъ:
Опець мой знашенъ и богатъ,
Девизъ его: забавы, нѣга,
А я безъ хлѣба и ночлега.

Ахъ, эшо жаль!

Но, прочь печаль!

Веселость — вошъ чшо въ свѣшъ надо:

Она несчастному ошрада!

Я, какъ-то, Лину полюбилъ,
Спалъ мужемъ ей — и скоронилъ
Ее чрезъ полшоры ведъли.

Со мной друзья всѣ овдовѣли...

Ахъ, это жаль!

Но, прочь печаль!

Веселось — вопъ что въ свѣшъ надо:

Она несчастному оспрада!

Въ бою, въ пиру всегда герой:

Я Марса подарилъ рукой,

А Вакха подарилъ ногами.

Не различилъ друзей съ врагами!

Ахъ, это жаль!

Но, прочь печаль!

Веселось — вопъ что въ свѣшъ надо:

Она подагрику — оспрада!

Я.

О Т Р Ы В О К Ъ

ИЗЪ II ЧАСТИ

ДУРАЦКАГО КОЛПАКА.

*Это правду, въ слухъ, хоть разъ сказалъ,
Тотъ былъ, хоть разъ, полезенъ міру.*

ГЛАВА VII. VIII.

Я.

Что наша жизньъ ?

Онъ.

Вопросъ рѣшенный :

Онъ въ философскій сданъ архивъ.

Смогрише : міръ нашъ какъ счастливъ ,
 Рѣша шакой вопросъ мудреный !
 Въ колодиѣ мудроспи , на двѣ ,
 Теперь мы истину сыскали
 Въ какихъ вѣкахъ , въ какой спрашѣ ,
 О жизни люди не писали !
 Ее всему уподобляли
 Карпины волнѣ , и бурѣ , морей ,
 Песчаныхъ Африки степей ,
 Горящихъ факеловъ , пошухшихъ ,
 Въ тѣни журчащихъ ручейковъ ,
 И въ челнокахъ дѣшей заснувшихъ ,
 И вънромѣ сорванныхъ листовъ ,
 Поблеклыхъ розъ , шелегъ скрывающихся ,
 Колесъ , садовъ , вѣтриль , спезей ,
 И , гдѣ-то , помнишся , скользящихъ
 По льду спеклянному саней ,
 Довольно мы въ спихахъ видали . . .
 О свѣшлой , пожѣ , шуманной дали ,
 Младые наши шаррики ,
 Пѣвцы , съ береговъ Москвы рѣки ,
 Ужъ все , до насъ , пересказали .
 И проза жизни не бѣдна :
 Родъ человѣчій , слава Богу ,
 Хотя любилъ драхся , билъ превогу ,
 Хотя былъ онъ , часпо , жертвой сна ;
 Однакожъ , думалъ понемногу

Скопилась опыповъ казна;
 Минувшій вѣкъ ее умножилъ,
 И въ нашъ пополнилась она:
 Да! свѣтъ, спарикъ, не даромъ пожилъ!
 Опъ Праощца, до нашихъ дней,
 Какой запасъ о жизни мнѣній!
 Ихъ сводъ — испорія людей,
 Ума, и чувствъ, и заблужденій,
Энциклопедія страстей.
 Когда же съешь въ ней разнородный,
 Высокихъ, философскихъ думъ,
 Неопуманенный нашъ умъ,
 Опъ слепшей мудрости свободный,
 Дерзнулъ въ одинъ ипогъ подвесъ,
 И смыслъ ипога перевесъ,
 На нашъ языкъ проспонародный,
 Чпо жъ вышло? *бытъ, когда мси еств....*

Я.

Какъ! опытъ сполькихъ поколѣній,
 Умъ міра весь, весь эпопъ сборъ
 Менафизическихъ сужденій?
 Какъ! Эша *книга жизни?*

О н ъ.

Вздоръ!

Спихи и мудросшь, все—химера.
 Мы можемъ звѣзды перечеснь;
 Мы мѣримъ небо, мошекъ, шерсшь,
 Морскую глубь: а *жизнембра*
 Не изобрѣлъ ни умъ Вольпера,
 Ни перцѣливый Нѣмецъ *Манб*,
 Ни Цицеронъ, Римлянинъ вѣчной,
 Ни самъ попомокъ Аевнягъ,
 Философъ вашъ, вашъ другъ сердечной,
Шерстембрителя-Скиадамб. —
 О сколь о жизни судяшь розно
 На балъ входящій Камергеръ,
 Въ Пекинъ — Ханъ, въ Палатъ — Перъ;
 Манфредъ — въ борьбѣ, на выси грозной,
 И на Невѣ, въ денекъ морозной,
 Съ обѣда скатущій судья,
 Купецъ, обернушъ шалью алой,
 Чей спущенъ на бѣгъ конь удалой,
 И — прачка, съ ношею бѣлья!...
 Великолѣпная земля!
 Она хошь шаръ, но шаръ не малой....
 Широко лазурный неба сводъ!
 Вездѣ копыщется народъ,

Трудишься, кушаешь, зѣваешь,
 Спижи, календари чишаешь ...
 И шакъ идешь за годомъ годъ.
 И право, жишь съ людьми не скучно ...

Я.

Но всё ль шакъ смощряшь равнодушно
 На жизнь, шайнспвенную даль
 На зло, спраданье, на печаль?
 Всегда ли счастье намъ послушно?
 Въ пылу спраспей, во цѣвшь лѣтъ

О н ъ.

Однимъ познаемъ въ мѣрѣ душно:
 Въ немъ всёмъ проспоръ — имъ мѣста нѣтъ ...

Я.

Черѣдъ ихъ, видно, не приходишь ... —

О н ъ.

А *Титъ*? Чшо ищешь, все находишь ...

Я.

Въ пупякъ онъ темныхъ видишь свѣтъ...

Онъ.

А Фирсѣ? По вѣпру шибко капишь!
Смотрише: Картъ нашъ — *мезендтитѣ*...

Я.

— А мнѣ? —

Онъ.

Писателя!

Я.

— Чпожъ *писате*?

Еще, въ спихахъ и прозѣ, смѣло
Подумашъ въ служъ... —

Онъ.

Легко сказашъ!

Шлестъ вирши, книжки издавашъ,
Дворянское ли дѣло?

Не всѣмъ удаченъ шоргъ умоу...
 А шоргъ стихами — шоргъ несчастный!
 Вошгъ *Леле* — пошгъ, и первокласный,
 А жодяшгъ, *по міру*, пѣшкомъ... .

Я.

— Я вижу, къ прозѣ вы приспращны:
 Такъ вѣрно вамъ по вкусу — *Фолд*,
 Кому гошовъ вѣнокъ лавровой!
 Творецъ *Телемахады* новой... . —

О н ъ.

Да! Смѣйшесь вы надъ нимъ,
 Надъ вами онъ смѣшся болѣ...
 Не Философъ, и не былъ въ полѣ:
 Онъ добылъ все — *перомъ* однимъ,
 Куда хошѣлъ, вездѣ прокрался;
 Писалъ, писалъ, и — дописался... .

Я.

Чѣмъ обморочилъ онъ людей?
 Душа ль въ немъ, геній, вкусъ, ухвашка? —

О н ъ.

Онъ просто : ползъ , какъ муравей...
Вошъ пѣмъ и рѣшена загадка.

Я.

Счастливыи путь!

Но Фролъ и Климб?

О н ъ.

Хопъ не въ чести... разбогашѣли...

Да! Эпи прозу сбышь умѣли!

Давно ль раздолье было имъ!

Прошло ихъ время золотое,

Литтературно-откупное...

Поэтъ , какой-шо, удалой

Шевирнулъ въ нихъ камень пребольшой,

Ихъ Инвалидѣ колошишь даже.

Я.

Все съ *Фомомъ* ихъ сравнишь нельзя же:

Въ нихъ дара нѣтъ , но видѣнь прудъ.

Имъ плашишь публика не скупю:

Она даетъ — они берутъ...

Большаго зла не вижу пунть:
 Хошь мало пользы, а не глупо...
 Но чѣмъ же *Крисъ* и *Никодрасъ*
 Прельсшили общеспво, Парнасъ?
 Черкнулъ ли прозой — Цицероны!
 Слишки скропающъ ли — Байроны!
 Засядущъ ли въ суды — Солоны!

О н ъ.

О! эпискъ жизнь — счаспливый виспъ!
 Имъ всѣ фигуры на подмогу...
 Имъ, съ дня рожденья, на дорогу,
 Форшунной данъ *открытый листъ*:
 У нихъ наслѣдспво родовое,
 Вездѣ случайные друзья
 И — безконечная семья...
 Но вы, скажише, что шакое?
 Какъ ваше званіе земное?

Я.

Да! я въ шпогъ неволовоу
 Ввожусь въ споллицъ на заспавѣ:
 Хошь по сравненію съ *Волоу*,
 Могу, подѣ часъ, мечпашъ о славѣ,

Не только авторской одной...
Могу желать того, другого...—

О н ъ.

Къ шому же небо высоко
И недоспунно до инаго:
Пушь дологъ — время коропко...
Не лучше ль счастья вамъ земнаго
Здѣсь поискать? А ужъ пора!
Не все свѣшло, придетъ ненастье...
Я, право, вамъ хочу добра:
Aide toi Dieu t'aidera!

Я.

Ктобъ не желать достигнуть счастья?
Да развѣ это шакъ легко?
Хошь храмъ его и не небесенъ,
Но скользкій пушь къ нему шакъ пѣсенъ,
Какъ въ Лешѣ мушной глубоко...

О н ъ.

Такъ робко вы на мѣръ глядите?
Чего жъ искать? — Спишки пишете...
Вы не уйдете далеко.

О счастья такъ судить не должно :
Хотимъ, что сильно, что возможно !

Я.

Прошу загадку разрѣшить ? —

О н ъ.

Да вы чего хотите ?

Я.

Жить !

Я сердцемъ жажду...

О н ъ.

Наслажденья ?

Я.

Нѣтъ ! Я хочу полезнымъ быть.

О н ъ.

Себѣ, конечно, нѣтъ сомнѣнья ?

Я.

Какъ одному себѣ ? За чѣмъ ?

Я быть хочу полезенъ всемъ ;

Хочу для общества прудиться,
И эстетически, подь чась,
Въ кругу друзей, повеселишься . . . —

О н ъ.

Теперь я понимаю васъ.

Я.

Скажите жъ, какъ бы мнѣ пробишья
На эпошь скользкій къ счастью путь?
Какъ бытъ мнѣ въ мѣрѣ *гдѣ нибудь*,
И безъ семьи, и безъ наслѣдства? —

О н ъ.

Панургій, (какъ его не знашь?)
Чудакъ! Чпобъ деньги доспавашь,
Придумалъ шедссяштъ шри средспва:
Но средспвъ, чпобъ въ свѣпѣ успѣвашь,
Теперь, нельзя и сосчишашь . . .
И кто глядѣль на нихъ безопасно,
Изъ нихъ, на выдержку, избралъ
Одни невѣрныя, шощъ вѣчно
Безъ козырей въ ничью играшь.

Я.

— Такъ ещѣ въ нихъ вѣрныя? —

Онъ.

Конечно!

Довольно ихъ! —

Я.

Что жъ? Умъ и шрудъ?
Достоинства? —

Онъ.

Не дурны этъ;
Но жаль, онѣ къ успѣху въ свѣтѣ
Не такъ по насъ легко ведутъ...

Я.

Что жъ дѣлашь шушь? —

Онъ.

Не унывашь!... Вѣдь ешь другія...

Я.

Да можешъ быть, такія?..
Боюсь...

Онъ.

Чего?

Я.

Сшуда.

Онъ.

Онъшь!

Я знаю очень, *сш* — *поэтъ*....
Не за свое не должно браться.
Вы гладкихъ ищете пушей,
Вамъ дорога любовь друзей....
А средства шрудныя годятся,
Лишь для испышанныхъ людей.
Для васъ полегче ешь, ...

Я.

— Какія?

Не низкія? —

О н ъ.

Нѣтъ... шакъ... земной...

Я.

— А въ чемъ онъ? —

О н ъ.

Искашь связей,
Вниманья дамъ, заняпій видныхъ,
Дни именинъ, рожденій знашь,
Объдовъ жершвой бышь *невинныхъ*,
На длинныхъ вечерахъ зѣваешь....
Ужъ эпихъ лучше не сыскаешь.

Я.

Нельзя ль и эпихъ избѣжать?
Уже ль, чрезъ нихъ, достигли славы
И *Клитъ*, и *Басій* величавый?
Уже ль не чисшь и ихъ успѣхъ? —

О н ъ.

Хопябъ и шакъ, какой въ шомъ грѣхъ?
Конечно, квалашъ ихъ не даромъ,

Не все кадишь одна имъ лещь;
 Товаръ въ нихъ, шочно, цѣнный ешь:
 Но если бы они шоваромъ
 Не знали ловко шорговашь,
 Ихъ, можешь, спали бъ уважашь,
 По смерти . . . Въ эшомъ пользы мало . . .
 Смѣшно для славы смерти ждашь!
 Ихъ сердце прочныхъ благъ желало:
 Оно ихъ счастью не мѣшало . . .
 И имъ, за шо, шеперь легко,
 Чшо прежде кой-чшо пошерпѣли,
 Кой-гдѣ унизишья умѣли,
 За шо взнеслиа высоко!
 Они шли къ цѣли ошорожно,
 Хошь, иногда, не все какъ должно . . .
 Чшо въ шомъ? И кино жъ?

Я.

— А Мевій, Критъ?

Ихъ дорованье возвъшало:
 На нихъ и завись не шипишь,
 Злословье пришупило жало;
 По всюду слава ихъ гремишь,
 Благословляюшъ ихъ народы;
 Дѣла жъ свѣшлы, какъ ясенъ свѣшь! . .

О Н Ъ.

Все шакъ, да эшо вѣдь — уроды!
 Одинъ родинся ль во спо лѣтъ?
 Едва ихъ съ дюжиню на свѣшъ
 И какъ дошли они къ ихъ мешъ!
 Борьбáми, жерпвами иной,
 Во цвѣшъ лѣтъ упрáпя силы,
 Въ шрудъ, спрaданiи; другой
 Добрель къ ней — за день до могилы ...
 И что же цѣль ихъ? звукъ пусшой,
 Смѣшная выдумка поэшовъ,
 Смѣшной, надушый, школьный бредъ,
 Мецшпелей-Анахорешовъ,
 Полезный шолько для газешъ ...
 Чшо наша слава?.. Бы взглянише:
 Въ весельи *Вавiй*, *Клитъ* живутъ!
 И вы ихъ средства изберише:
 Онѣ васъ къ счастью доведутъ;
 Не шо — васъ спрaспи завлекутъ,
 Сожгутъ въ кострѣ, ушопятъ въ Лешъ ...
 Намъ философшвовашъ не слѣдъ.
 Васъ ждутъ забавы, роскошь въ свѣшъ:
 Оспавыше скучной кабинешъ ...

1.

Я испышала ученью
Съ какой-шо грушню внималъ.
Не къ цѣли шой мое спремленье,
И средспвѣ, не эшихъ я желалъ...
Но время шло, кошѣлось счастьемъ...
Лукавый свѣтъ меня манилъ
Успѣхомъ, пользой, благомъ, власнѣю:
Ужъ я мечпы живошворилъ!
И вѣрилъ имъ: я молодѣ былъ...

2.

Еще мой духъ не окрѣпился,
Младое сердце спрасши жгли:
Друзья! Я поискать рѣшился
Земнаго счастья на земли...
Ну! *Vale* Муза!

3.

Я — въ карешѣ.
Я спалъ вертѣвшись на паркешѣ....
.....

Э П И Т А Ф И Я.

Подъ камнемъ сямъ лежишь вельможа *Брюхановъ*.
Онъ вѣсу не имѣлъ, а вѣсилъ семь пудовъ.

Я.

НА СМЕРТЬ ПИРУШКИНА.

Пирушкинъ, Руской баринъ славной,
Провелъ всю жизнь, какъ сладкій сонъ,
Умно, зашѣливо; сшунилъ лишь не забавно
Съ собою, право, онъ,
И къ каламбуру жишь желая ближе,
На смершь насунулъ въ Парижъ.

Д О М О В О Й.

—●—

С Т А Р И К Ъ.

Не знаешь, внучекъ, пы проказъ
Нечиспыкъ силъ надъ нами :
Тебѣ какъ ? мнѣ въ пошымахъ не разъ
Являлся предъ глазами
Спарикъ чудесный съ бородой :
Кшо жъ эшо ? видно домовой.

М о л о д о й.

Ни слова, дѣдушка съдой !
Пусшь будешъ эшо домовой.

С Т А Р И К Ъ.

Вонъ кто-шо сонную давилъ
Въ ночи сноху Федору ;

Божилась , будшо бы взваилиъ
На грудь ей бѣдной гору ;
Ни крикнушь , ни полкнушь рукой :
Кпо жъ эпо ? видно домовой .

М о л о д о й .

Ни слова , дѣдушка сѣдой !
Пустьъ будешъ эпо домовой .

С т а р и к ъ .

А дяю-шо когда Пепра
Подъ Шведами убили —
Такъ помню , съ ночи до ушра
Какъ будшо совы вьли ;
А эпо знакъ всегда жудой :
Кпо жъ эпо ? видно домовой .

М о л о д о й .

Ни слова , дѣдушка сѣдой !
Пустьъ будешъ эпо домовой .

С т а р и к ъ .

Къ боченкамъ съ винами порой
Забравшись , какъ вѣдь шянешъ ;

Но полько сынъ Фаддей домоѣ,
Опянь все пихо спанешъ;
Вѣдь осушилъ весь погребъ мой:
Кшо жъ эшо? видно домовоѣ.

М о л о д о й.

Ни слова, дѣдушка сѣдой!
Да пьешъ ли съ кѣмъ пивоѣ домовоѣ?

С т а р и к ѣ.

Еще чшо: часто по ночамъ
У дочери въ покоѣ,
То смѣхъ, по шопошъ слышу самъ:
Члобъ значило такое?
А съ нею нѣшъ души живоѣ:
Кшо жъ эшо? видно домовоѣ.

М о л о д о й.

Ни слова, дѣдушка сѣдой!
А жаль, чшо я не домовоѣ.

А. Иллитевскій.

ХАРАКТЕРИСТИЧЕСКІЯ КАРТИНЫ.

I.

..... Я видѣлъ его — и ничего жалостнѣе, ничего ужаснѣе не видаль я въ жизни моей. Согласіе въ чертахъ лица было совершенно нарушено; волосы, въ короткое время, оскудѣли; верхняя часть головы какъ будто разширилась: можетъ быть непрерывное волненіе думъ произвело это преобразование! Напрошивъ, лице, имѣвшее видъ округлой благообразности, сжалось, сѣснилось ошъ внутренней судороги и приняло впечатлѣніе пайной борьбы прошивуположныхъ началъ. Глаза.....какіе ужасные глаза! Боясь, чшобъ

душа не измѣнила, выказываясь въ сихъ зеркалахъ своихъ, — онъ усиливался и успѣлъ сдѣлать ихъ совершенно бездушными. Кажется эти глаза взяты у мершвеца и вставлены въ живаго человѣка: они пусклы, мупны, нѣмы и часпо неподвижны. Его разговоръ холоденъ, какъ человѣка никому недовѣряющаго. Въ словахъ счесть и вѣсь! Послѣ каждаго слова — задумчивость, повѣрка: не сказала ли излишняго. — Иногда, однакожь, онъ хочеть показаться веселымъ, беззаботнымъ, разговорчивымъ.... Но какъ жалосно измѣняетъ себѣ эта пришворная веселость!... Внутреннее сжашіе не позволяеть ему ни раскрыться до нагошы души, ни дѣйствовать по свободѣ воли. Онъ говоритъ иногда смѣшное, ошъ кошораго и самъ и другіе задумываются; улыбается, но улыбка, обезображивая шолько посинѣлыя, искошенныя уста, замираетъ на нихъ. — Въ самой походкѣ его видна швердосшь, но нѣшь ни мѣры, ни свободы, ни плавности. — Его никто еще не

обвинилъ, но онъ предсавляется уже преступникомъ; у него никто еще не опялял ни богатаго дома, ни прислуги, ни пышности; еще чаши пѣнятся и хрустали блестятъ на его сполѣ; но онъ кажется уже бѣднѣ послѣдняго нищаго. Чрезвычайно внимателенъ онъ ко всѣмъ внѣшнимъ отношеніямъ: учтивъ до безконечности, хотя вообще поведеніе его опзывается искусственностію, механизмомъ. Онъ навѣдывается о всѣхъ условіяхъ, касательно времени и мѣста и, проникнувшій чувствомъ важной виновности, крайне опсерегаешся провиниться въ мѣлочахъ. Но сколь ни усиленно, сколь ни искусно иногда бываетъ поддѣльно-равнодушнымъ, однако весь онъ есть ничто иное, какъ одно великое прошиворѣчіе — чувства внутренняго со внѣшними обстоятельствомъ. Бываютъ минушы, въ копорыя можно подумашъ, что онъ уже слышалъ голосъ *седьмой трубы*, вызывающій чловѣ-

чесво изъ пайны гробовъ и шлѣнїя предъ Великаго обличшеля.

2.

Изъ косаго, рѣшетчашаго полуокна, въ полстой стѣнѣ, пробивался лучъ бѣлаго свѣта, который рѣзко опшѣнялъ темношу бѣдной комнашы и желшую измяшую солому, посланную въ углѣ, зашканномъ паушиною. На эшой соломѣ, въ эшой шюрмѣ, за желзными замками, рѣшетками и запорами, лежала она. Бѣдное платье, почти рублище, было надѣшо опряшно и благоприсшойно. — Волосы, которыхъ кашшановый цвѣтъ миловидно опшѣнялся желпизною соломы, щцательно подобраны и уложены надъ челомъ отккрышымъ. На бѣломъ, округломъ лицѣ, и при изнуришельной жизни, вспыхивалъ, порою алѣль румянецъ. Уста имѣли видъ весенней розы, заспигнутой холоднымъ ушромъ; каріе, ясные глаза, полны были ка-

кого-то эля подобнаго шому, кошорый шаиншвенно сгараешъ въ храмахъ или шеплишся въ неугасимыхъ лампадахъ подь сводами надмогильными. Въ эшихъ глазахъ сїяли двѣ искры, какъ два ошпашка великолѣпнаго, праздничнаго освѣщенїя. Всмаприваясь ближе, узнаешъ, что эшо искры веселаго, внушренняго самодовольшвія, радости.... Но какъ она могла, какъ смѣла закрашья въ сїе мѣсто плача, въ мѣсто спраданїя, въ душу обвиненной?... Ешъ шайны, кошорыя непоняшны понимающимъ одни *внѣшнія* опношенїя. Слѣдую далѣ за сими искрами, въ чертахъ лица, видишь необыкновенное согласїе, ненарушенное ни обвиненїемъ, ни приговоромъ. Чшо же душа бѣдной узницы? Посмотримъ ее въ шѣ минушы, когда лукавшво внѣшняго не мѣшаешъ выказывашья внушреннему. Во время сна, она улыбаешся прелестно, шихо шевелишь ушпами, произносишь слова полувняшнаго лепеша — и эшотъ лепешъ, эшо умилишельное шешша-

ніе естъ — или привѣшь или молишва. Иногда кажешся она младенцемъ, играющимъ въ родишельскомъ домѣ, иногда моельщицею, кошорая одна, на колѣняхъ, въ древнемъ монастырскомъ храмѣ, напоминающемъ зодчество Готовъ и Мавровъ, освѣщенномъ чудесно сквозь разкрашенные рѣшешчашыя спекла, смиряешся до земли и возношится до неба. И въ часы бдѣнія, когда видяшь ее на молишвѣ, лице ея цвѣшешъ и уша, кажешся, видимо разговариваюшь съ невидимымъ. Являюшся и слезы, но онѣ не жгушь, не изсушаюшь ланишь: онѣ шакже наряжаюшь ея миловидное лице, какъ свѣжія капли осенней росы, непримѣшно округляющіяся на пунцовыхъ ланищахъ махроваго мака. Она все поперяла — и кажешся еще богата! Унижена и возвышаешся, какъ пальма! Презрѣна, но не презираешъ; гонимая не злобшвуешъ и, поносимая, перпишь и молишешя!.... Я желалъ бы ее сравнишь съ *Іоанною*, дѣвшвенницею Орлеана, готовящею-

ся къ незаслуженной казни; но по милостивнымъ, почти младенческимъ чертамъ, я охотно сравниваю ее съ соименницею знаменитой воишельницы — съ несчастною *Грей*. — Отчуждивъ всѣ воли, всѣ прихоти чувствъ, и въ самомъ вывѣшенномъ и размѣренномъ участкѣ пищи, она наблюдаетъ еще умѣренность. Тѣло ея болѣе и болѣе, такъ сказать, проникается душою. Отпоргнувшая отъ всего земнаго, она пресыщается небеснымъ и оправдываетъ сказаніе о *камяхъ Болонскомъ*, имѣющемъ свойство впитывать и удерживать лучи свѣта. — Отполкнутая міромъ, она забываетъ о его жизни искусственной, о его мѣлочныхъ и важныхъ отношеніяхъ. Даже великія условія времени и пространства не существуютъ для нее: она никогда не навѣдывается о часѣ, пребывая и дѣйствуя, какъ дозволяетъ сила вещей и свойство общеспольствія, ее окружающихъ. Такъ можно жить и въ униженнѣйшемъ положеніи на землѣ, когда только нѣтъ разногласія между

совѣспію и умою, когда душа полна невинности и свѣжаго дѣпскаго бышія! Такъ въ презрѣнномъ мѣспѣ, подь безобразною почвою гніющаго болоша, паишся родникъ свѣжей, цѣлишельной воды! —

Ө. Глинка.

ПРЕДВѢЩАНІЕ.

Кшо бросился въ Волховъ съ крушыхъ береговъ?
Въ рѣкѣ заclubилася пѣна...
Въ рѣкѣ зазвенѣло... Не звонъ ли оковъ?
Навѣрное бѣглый изъ пѣна!

Нѣшь! бѣглый не будешь съ мечемъ и въ бронѣ,
У пѣнника збруи не спало!
То кшо-то изъ нашихъ цывенъ на комъ...
Зачѣмъ же надвинуть забрало?

Онъ крѣпокъ, онъ молодъ, онъ волны съчешъ
Съ прямой богатырской опвагой,
И конь его сильный опважно плывешъ
И брызжешъ кипящею влагой.

Ужъ поздно — и шуча легла какъ свинець,
По Волхову въперъ гуляешъ...
Опкликнулся воронъ... Торопись пловець!
Недоброе воронъ въщашъ.

Вопъ конь погрузился, шажелъ плывешъ,
Но берегъ другой недалеко,
Храпашъ и дрожишъ онъ — и разомъ изъ водъ
На берегъ взлешашъ высокой.

Вздыкая вольше, онъ буйно заржалъ,
Взмахнулъ онъ космашю гривой,
И, бодрый какъ прежде, по коткамъ помчалъ
Съдока удалаго рывиво.

Къ недалекому бору подъѣхалъ ѣздокъ.
Окреснѣ все и шемво и глухо,
Пороку болошнѣй блеснешѣ огонѣкъ,
Но ничшо не доходитѣ до слуха.

Чѣмъ даль; все гуще и сумрачнѣй борѣ:
Нависнули сосны да ели,
Какъ видно не сѣкъ ихъ онѣ опѣ вѣка попорѣ
И люди ихъ шронуть не смѣли.

Конѣ шяжко спупаетѣ, нѣпѣ болѣ силѣ,
Дрожатѣ, подгибаетѣ, колѣна.
Вопѣ спалѣ онѣ упрямо — и каплюшѣ съ удилѣ
И кровь и багровая пѣна.

На землю спушилѣ по неволѣ сѣдокѣ,
Кона онѣ ведетѣ за собою,
Но пушѣ ему шрудетѣ, все пни и песокѣ
Да иглы хрусняшѣ подѣ ногою.

Вдругъ — вѣперъ ударилъ и облакомъ дымъ,
И свѣтъ разливаешь всюду,
И слышишь голосъ : « Куда пы Вадимъ ?
Къ добру пы пришелъ , или къ худу ? »

« Иду я совѣща искашь у Волхва. »
Пришелець ошвѣспивуешь смѣло,
Проникъ онъ всѣ шайны, вѣщаетъ молва,
Такъ самъ угадаешь : въ чемъ дѣло ? »

Сказалъ онъ и вѣперъ зашпихнулъ и вмигъ
Разсѣялось облако дыма,
И шихо подходишь столѣшній спарикъ
И взоромъ пышаешь Вадима.

Разсвѣчена злапомъ одежда на немъ,
Брада серебриста какъ иней,
Главу жъ освѣяетъ лепучимъ вѣнцемъ
Огонекъ шо румяный , шо сивій.

« Вадимъ ! ты узнаешь всеведущъ ли я ,
И щещно ль мнѣ жьрягъ народы ,
Покоренъ мнѣ воздухъ , покорна земля ,
Проникъ и въ огонь я и въ воды .

« Чшо прежде сбьлося , чшо будешъ впередъ
Все знаю въ пущынѣ безлюдной ,
О чемъ ты замыслилъ , и чшо тебя ждешь
Узнашь , ты увидишь , не прудно . »

И шепчетъ гадацель и , кругъ очерня ,
Медвѣжьей махнулъ рукавицей ,
И пшицы опшвсюду шумя и свиспя
Слешаюшся бурной спаницей .

Теперь все готово , промолвилъ спарикъ
Всю правду намъ выскажущъ пшицы ,
Тебѣ же поняшенъ ихъ буденъ языкъ
Пока не шагнешъ за границы .

И выпязь вспунаешъ въ паниспвенный кругъ
Ему какъ бы спало спрашиѣ,
Онъ ждегъ предвѣщанья, волнуешя духъ
И сердце забилося сильнѣ :

С о к о л ь .

Коршунъ хищный! плавнымъ кругомъ
Такъ высоко не лешай,
Дай намъ вспрѣпишья другъ съ другомъ,
Силь со мною попышай!
На себя, ширококрылой,
Я ударю всею силой,
И по вѣпру я вокругъ
Размечу швой сѣрый пухъ!
А не шо, во мракъ ночи,
Если сномъ смѣжишь шы очи
Неожиданъ нападу,
Гдѣ бь шы ни былъ, я найду!

Ф и л и н ь .

Нѣшь, и въ сумракъ ночей
Ты подъ властїю моей!
Соколь, соколь! всюду я
За побой, какъ шѣнь швоя!

Ты опъ взора моего
 Не укроешь ничего.
 Ночью все подвласпно мнѣ,
 Будь швой недругъ хошь во свѣ,
 Пробужу я вмигъ его
 До прихода швоего.

В о р о н ь .

Чья мнѣ слышишся кровь?
 Гдѣ-шо двое враговъ!
 А! коршунъ и соколъ сшибаюшся вдругъ,
 По воздуху вьется разбросанный пухъ...
 Жарокъ бой въ вышивѣ!
 Кто жъ доспанешся мнѣ?
 Вошь ударилъ одинъ, вошь ударилъ другой,
 Взвиваешся коршунъ — и конченъ ихъ бой!
 Соколъ, соколъ, швою
 Кровь я до сыпа пью!

Умолкнули пщицы, — исчезнулъ спарикъ,
 Вполнѣ совершилось гадашь,
 Но вишазь безмолвенъ, главою поникъ,
 Не въ радость ему предсказанье.

Вотъ утро блеснуло, конь весело ржётъ,
Но вишнязъ не внемлетъ и шуму,
Вадиму печаленъ и солнца восходъ —
Онъ крѣпкую думаешь думу...

А. Подолинскій.

ЗАВѢТНОЕ ПИВО.

(Басня).

Ойлапъ на завтракъ звалъ Кузьму,
И послѣ водки
Такъ говоришь ему:
« Покушай-ка селѣдки.
Ну что за сельдь! крупна! жирна!
А какъ вкусна!

Голандская! Ей Богу! безъ обману!

У Королева брашь. Тебѣ-шо лгашь не спану...

Вошь свѣжая икра

Изъ осепра.

Прикажешь лучку

Зеленаго?... Попробуй эшу шпучку:

Бальикъ, да вѣдь какой бальикъ!

Ну шакъ, какъ медъ, во рпу и паешъ.

Нельзя не ѣспъ; возьми: кусочикъ не великъ.»

— Помилуй: эдакъ я не спану и обѣдашь.—

«А сѣмужки нельзя никакъ, чпобъ не опшѣдашь:

Вѣдь изъ Архангельска прислалъ въ госпинецъ свашъ;

Покушай брашь!»

— Оиладъ Пандкрашевичъ! покушалъ я довольно.—

«Э! какъ тебѣ не стыдно? Полно:

Чѣмъ только лишь богашъ,

Тѣмъ гостю дорогому радъ...

А вошь грибочки:

Тупъ рыжички, а здѣсь грузочки:

И шѣхъ опшѣдай и другихъ.

Грузочки хороши, а рыжики шакъ диво!

Здѣсь не найдешь шакихъ—

Изъ Вологды!»—А въ кружкѣ чшо?—«Да пиво.»

—Ну накормилъ шы молодца;

Пожалуйка шеперь пивца.—

«Вошь эшого нельзя; пей, если хочешъ, водку.»

— Помилуй, шы меня соленымъ все кормилъ;

А пива жаль тебѣ! — « Я звалъ вѣдь на селѣдку ;

О пиво жъ ничего тебѣ не говорилъ. »

— Умилосердися : дай промочишь мнѣ глотку. —

« Пей водку. »

— Вѣдь пиво ешь? — Ешь про себя,

Не про себя ;

— Хотя кваску вели подашь , Пандкрапъичъ. —

« Ешь , Елизаръичъ ! »

И квасъ

Да лишь про насъ. »

— Эй! ей! пишь хочешся. — « А знаешь , на хотѣнсе

Терпѣнсе ! »

Терпѣніе Кузьма шушь вовсе пошерялъ,

Вспалъ,

За кружку хвашь рукою ;

Другою

Онъ такъ хозяина шокнулъ,

Чшо опрокинулъ шопъ сполъ съ завтракомъ и спулъ.

Кричишь Пандкрапъичъ караулъ,

Рукой дрожащей обшираешъ

Онъ окровавленный свой лобъ,

Самъ госпя дерзкаго ругаешъ ;

Госпъ пиво допиваешъ

И объ полъ кружку хлопъ.

Красавицы — кокешки !
Вѣдь эно вамъ навѣшки !
Зачѣмъ собою насъ прельщашь ?
Зачѣмъ любовь въ насъ возбуждашь ,
Когда не можеше руки своей намъ дать ?

Вамъ весело , какъ мы любовію къ вамъ жаждемъ ;
Смѣшесь вы — мы спраждемъ .
Не корчите Оому —
Не шо попасъь вамъ на Кузьму .

А. Измайловъ.

Вологда, 23 Маія 1828.

АЛАВЕРДСКІЙ ПРАЗДНИКЪ.

(П. Г. О.....у.)

За шестнадцать вершъ къ Сѣверо-Западу отъ Телава, на обширной Кахешинской долинь, образуемой двумя южными хребтами Кавказскихъ горъ, находится церковное селеніе Алаверды. Вблизи онаго ошашки крѣпостной стѣны съ башнями и жилыми покоями напоминающъ стѣ несчастливыя времена Грузіи, когда она, въ безпрестанной борьбѣ съ своими могущественными сосѣдами — Турками и Персіянами, была еще опустошаема неукротимыми Лезгинами. Какъ самая плодороднѣйшая и ближайшая къ нимъ земля, Ка-

хешія болѣе всѣхъ спрадала. Тогда каждое селеніе имѣло свою крѣпость, гдѣ, во время набѣговъ, поселяне спасали свою жизнь и имущество. — Теперь въ Алавердскихъ крѣпостныхъ строеніяхъ живеть одинъ шолько Грузинскій Архимандритъ; въ срединѣ же крѣпости возвышается высокая бѣлокаменная церковь, построенная во имя Св. Георгія, одного изъ покровителей Грузіи.

Узнавъ, что 14 Сентября бываетъ въ Алавердахъ большой праздникъ, на который съѣзжается народъ изъ всѣхъ концовъ Грузіи, я искалъ шолько случая видѣть оный. Эшопъ случай доставилъ мнѣ Телавскій окружный начальникъ В. В. С — й, человекъ почтенный и любимый во всемъ уездѣ. Мы отправились шуда верхами наканунѣ праздника, во второмъ часу по полудни, чтобы поспѣть къ вечернѣ. — Дорога отъ Телавы идеть сначала у сѣверной подошвы передовыхъ горъ въ иныхъ мѣстахъ черезъ каменныя ручьи, или фруктовымъ лѣсомъ, но

шомъ поворачиваешь на право мимо нѣсколькихъ селеній, гдѣ каждый домъ, какъ и во всей Кахешіи, окруженъ винограднымъ садомъ. Мы обогнали многихъ моельщиковъ; караванъ *аробъ*, нагруженныхъ чешырьмя или шестью буйволами, шянулся во всю дорогу: мужчины и спарухи шли пѣшкомъ или ѣхали на верховыя лошады; молодыя женщины и дѣши сидѣли въ *арбахъ*, съ боковъ и съ верху завѣшанныхъ коврами; назади каждой арбы привязанъ былъ *бурдюкъ* съ виномъ и живой баранъ или шеленокъ. Къ намъ присоединилось нѣсколько Грузинскихъ Князей; всѣ въ великолѣпныхъ плашьяхъ, верхами на Персидскихъ коняхъ, украшенныхъ блестящею обрною и сверхъ сѣдель корошкми шелковыми пононами. За каждымъ изъ князей ѣхало по два конновооруженныхъ служителя: одинъ везъ на плечѣ связку двухъаршинныхъ восковыхъ свѣчъ, другой за поясомъ серебряныя *азарпешн*. Наконецъ нестройный гулъ и густыя облака дыма указали намъ мѣсто

* *

праздника. Подъѣзжаемъ : какая песпрая картина открылась передъ нами! Здѣсь *арбы*, какъ подвижные дома, спояшь одна за другою : изъ нихъ выглядываютъ молодыя женщины, дѣши и бараны ; подлѣ *аробъ* горяшь огни ; кругомъ ихъ сидяшь мужчины, спарухи, и гошовають ужинъ ; пушь подъ развѣсиспымъ орѣшникомъ лежашъ распянувшися упомленные буйволы и пасупся привязанные кони ; шамъ шоргующе Армяне раскинули рядъ палашокъ съ шелковыми и бумажными маперіями : здѣсь мирные Лезгины съ единственнѣмъ произведеніемъ своимъ, бурками и полсшымъ сукномъ.

Наспоящій пиръ начался послѣ вечерни. Хошя смерклось, но пысячи разложенныхъ огней озаряли окрешность, и въ эшомъ свѣшѣ красиво рисовались и древній дубъ и широковшвисшій орѣшникъ. Почши подъ каждымъ деревомъ плясали группы разряженныхъ Грузинокъ : одинъ изъ мужчинъ билъ въ бубны, другіе пѣли и подъ музыку хло-

пали въ ладоши. — Вдругъ на воспокъ за-
свѣшлѣло надъ гребнемъ Кавказскихъ горъ;
еще нѣсколько минушь, — и полная луна на-
чала подыматься надъ Кахепинскою доли-
ною, какъ бы издали привѣшпствуя праздникъ.
За пляскою слѣдоваль ужинъ, и въ эпомъ
ужинѣ главную роль играли: разное мясо въ
вареномъ и жареномъ видѣ, фрукпы и осо-
бенно вино въ спаринныхъ серебряныхъ кув-
шинахъ съ длинными горлышками. Семейные
ужины были шихи и кончались скоро, но за-
то какъ шумно и долго пиновала молодежь
Грузинская, а съ нею и спарики, не обязан-
ные семействомъ. Я нарочно наблюдалъ за
одною парпіею князей, кошорые ужинали
не въ дальнемъ распояніи опъ моей квар-
ширы. Послѣ каждаго блюда обходила кру-
гомъ серебряная *азарпеша*: эшо родъ на-
шихъ древнихъ ковшей, шолько съ длинною
ручкою. Одинъ изъ князей, соскучась пишь
азарпешею, взялъ для разнообразія большой
арбузь, срѣзаль съ него верхушку, выдол-

билъ нушро, — и вошь понла кругомъ новая чаша упоенія. — Когда Грузинъ, начиная пить вино, говоритъ другому *аллаверди*, эшошь долженъ сказать ему *якши-болъ*, и опивъчашъ пою же мѣрою: нарушающіе сей законъ, какъ недоспойдые, исключаются изъ бесѣды. Послѣ ужина, князя по обыкновенію спали плясашъ *Перхули*; пляска эша похожа на одну фигуру изъ нашего краковяка: всѣ со-спавляющъ кругъ, сплешающся руками и вер-пящся по въ шу, по въ другую сторону, напѣвая любимое свое *алала*. Не прошло по-лучаса, какъ плясуны уже спали крѣпкимъ сномъ, на разложенныхъ возлѣ коврахъ, подъ открытымъ небомъ. — Наконецъ все утихло: огни чущь-чущь дымилсь и были даже не нужны: луна сіяла надъ самымъ мѣстомъ праздника, и какъ бы спорожила упомен-ныхъ молельщиковъ.

На другой день Грузины были разряжены въ самыхъ лучшихъ своихъ плащяхъ: иной въ Черкесскомъ чекменѣ съ позолочеными

пашронами, другой въ національномъ костюмѣ, съ широкими серебряными щесьями и ни одинъ безъ богатаго кинжала.

Толпа за полшой пробиралась въ церковь къ обѣднѣ. Женщины въ своихъ *тадрахъ*, какъ въ саванахъ, шлепались гуськомъ и похожи были на ходячихъ мершведовъ изъ любой баллады нашего сладкозвучнаго поэта. Божественная служба управляема была Архимандритомъ, съ обычнымъ великолѣпнымъ Греческаго вѣроисповѣданія. Моельщики въ храмѣ стояли слѣдующимъ порядкомъ: впереди Грузинская знашь; по лѣвую сторону княгини, княжны и прочія здѣшнія помѣщицы, по правую — князья, дворяне и чиновные лица Кахеліи; назади поселяне. Во время обѣдни, выходя изъ церкви, въ полкъ народа, я чужь не споткнулся объ одну женщину, которая шла на колѣняхъ, мимо паперши. Сначала я думалъ, что она лишена упопребленія ногъ, но проходя далѣе увидѣлъ еще нѣсколькихъ ползущихъ женщинъ, и за каждую изъ нихъ

по нишкѣ. Послѣ узнавъ я, что это древній обычай жертвоприношенія. Женщины сами прядушъ шакія ниши, и обвиваюшъ ими храмъ во время праздника, иногда по общанію послѣ тяжкихъ болѣзней, иногда изъ желанія долговѣчной жизни, и вообще въ ожиданіи благъ небесныхъ и земныхъ. Послѣ обѣдни церковные служители собираюшъ сіи ниши и употребляютъ оныя на свѣщильни для восковыхъ свѣчъ.

По выходѣ изъ церкви, молещичики, закусивъ слегка, шакъ какъ былъ постный день, пшница, сшали понемногу опправляясь во-свояси въ шакоемъ же порядкѣ или, лучше сказаць, безпорядкѣ, какъ и сюда ѣхали.

Праздникъ сей, на которомъ было до восьми тысячъ постшиселей, кончился скачкою. У каждаго изъ Грузинскихъ князей есть своя любимая лошадь: онъ холишь ее, бережешь какъ глазъ свой, и выѣзжаетъ на ней полько въ праздники. Лучшія лошади были Персидскія

и Карабагскія, — и одна съ другой соперничали. Быспроша ихъ бѣга смѣло выдерживала сравненіе съ полешомъ спрѣлы. Большая часть князей — опличные наѣзники: сидящъ на лошадахъ какъ прикованы къ сѣдлу.

Опъ одного ученаго Грузинскаго Архимандриша удалось мнѣ получить испорическія свѣденія объ Алавердахъ. По его словамъ, послѣ смерти св. Нины, просвѣщительницы Грузіи, когда введенная ею Христіанская вѣра начала упадать, прибыли въ Грузію изъ Ассиріи, для проповѣданія Слова Божія, принадлецашъ св. опцевъ. Изъ нихъ одинъ, Абба Іосифъ, имѣвшій съ собою часть Св. Живошворящаго Креста, основалъ пребываніе свое въ Кахешіи, въ лѣсу близъ мѣста называемаго Алванія. — Въ сіе время Грузія была данницею Персидскихъ Царей. Для защиты ея

опъ непріятелей находился въ Кахетини съ войскомъ Сардаръ Персидскій Саракіанъ. Однажды эшошь Сардаръ, увидѣвъ Аббу Іосифа молящагося, споль сильно пораженъ былъ свяшосцію его лица и просшошою жизни, чшо спросилъ, за чѣмъ онъ живешъ въ лѣсу и чего желаетъ. Іосифъ ошвѣчалъ, чшо онъ проповѣдникъ Слова Божія и желаетъ одного шолько, чшобы на шомъ мѣстѣ, гдѣ онъ молился, выстроена была церковь во имя Св. Георгія. Эша пресьба Іосифа была уважена, и когда церковь построили, Сардаръ поздравилъ его сими словами: « *Алла-верды* » (Богъ далъ), опъ чего и названа оная Алавердскою. — Въ послѣдствіи, во время нападения на Грузію Ташаръ и Персіанъ, эша церковь неоднократно была разрушаема: въ нынѣшнемъ же видѣ возобновлена она царемъ Иракліемъ II. Здѣсь хранятся мощи св. Аббы Іосифа и принесенная имъ часшь Живошворящаго Кресна. Празднештво же 14 Сен-

пшября, въ день воздвиженія Креша, успа-
новлено въ 1414 году при царѣ Александрѣ.

Гр — въ.

Телавъ. 16 Сеншября, 1828 г.

НА ПОБѢДЫ РОССІЯНЪ,
ВЪ ДОСТОСЛАВНУЮ ВОЙНУ СЪ ТУРКАМИ
ВЪ 1828 ГОДУ (*).

Рези , сердитый въшрѣ , свищи и завывай ,
Клуби , спирай сѣдыя шучи :
Сильнѣй ломай дубы , вершины горъ взрываи ,
Бушуй , ярись , валы кипучи
До облакъ воздымай ;
Но все сравнишьса ты не въ силахъ

(*) Писано въ деревнѣ , во время жестокой бурн.

Съ возникшей бурей во мнѣ :
 Душа и плоть моя въ огнѣ !
 Въ моихъ дрожащихъ жилахъ
 Вся кровь ключемъ кипитъ ;
 Дыханье грудь взрываетъ ;
 Въ воспоргѣ духъ мой замираетъ ,
 И сердце молотомъ спучитъ !

Вихрь пламенный воображенья
 Крупитъ всѣ мысли , мозгъ мой жжетъ .
 Онъ мчитъ меня въ огонь сраженья ,
 Луну съ святой Софіи рветъ ,
 И слышитъ дѣсны воскресенья ,
 И видитъ живописный крестъ
 Надъ храмомъ мудрости предвѣчной .
 И храма свѣтлаго окрестъ
 Стоящій цѣлью безконечной
 Явился славный прудъ въковъ :
 Плоды ума и просвѣщенья ,
 Великихъ геніевъ творенья ,
 Въ чашѣ многихъ смертныхъ и боговъ :
 Изшоргнуны изъ брена . . . къ славѣ
 Народа и Царя и Бога одного .

О Русскій Царь , дерзай . . . и Твоего
 Никло опвяшь не въ правѣ ;
 Ни зависти змѣнной свистъ ,
 Ни алчности союзъ съ геенной ,

Тебѣ не вредны . . . предъ вселенной
 Ты дѣломъ правъ и сердцемъ чиспѣ.
 Великій духомъ, какъ Держава,
 Кошпоровой щы рожденъ владѣшь :
 Твоя свѣшлѣ солнца слава! . . .
 Въ ней пшентъ вѣшгъ.
 Дерзай! нашъ Царь! Верхи Балкака
 Орлиный ли препнутъ полешъ?
 Спущилъ пы шагомъ великана
 Черезъ Дунай нейди назадъ.
 Година Мусульманъ минула:
 Спусти еще изъ спѣнъ Сшамбула
 Возникнешъ надъ Тобой, Царь-градъ . . .

Но что попомъ? . . . То въ Божьей волѣ!
 Въ Его рукъ сердца Царей:
 Единый Онъ провидишгъ болѣ,
 Чѣмъ мудрованье всѣхъ людей —
 Онъ дхеншъ свой духъ въ Царя Россіи:
 Когда подъ знаменемъ Креша,
 Возогласишся храмъ Софін
 Великимъ именемъ Хрисша.
 Воскресни, Господи, въ свяшгъ,
 Онъ ней же Русскихъ просвѣшилъ! . . .
 Благоволи, о Боже силъ,
 Да древній долгъ заплашишгъ нынѣ
 Тобой прославленный народъ;

Да позднихъ чадъ его къ опрадѣ,
 Речешъ земля изъ рода въ родъ:
 Владѣли нѣкогда въ Царь-градѣ
 Враги Хрисповы; но погда
 Побѣдъ Царь соимениный,
 Возспалъ для праведной защиты...
 И вмигъ не синало ихъ слѣда.

Князь А. Шаховской.

ЗИМА ПРИШЛА.

Какъ рада дѣвица-краса
 Зимы веселому приходу,
 Какъ ей любезны небеса
 За ихъ замерзнувшую воду! —
 Съ какою радостью она,
 Сквозь пошемавшата окна,
 Глядишь на снѣжную погоду!
 И вдругъ жива и весела
 Бѣжитъ къ своей подругѣ бальной
 И говоришь ей триумфально:
 Зима пришла! зима пришла!

Воспипанникъ лѣсной Діаны,
 Душою радуясь глядишь,
 Какъ помершвѣлыя поляны
 Зима роскошно серебришь;
 Порою осени унылой
 Ходишь съ ружьемъ со всѣмъ не мило:
 И льешся дождь и вѣпръ шумишь,
 Но выпалъ снѣгъ, прощай перлѣнье!
 Его окопа ожила
 И говоришь онъ въ восхищенье:
 Зима пришла! зима пришла!

Казны служитель не безвиной,
 Какъ рая зимней ждешь поры:
 Плохой барышъ съ продажи винной
 Весной и въ лѣпніе жары:
 Креспьяне заняты работою,
 Онъ зришь съ печальною зѣвою
 Цереры добрые дары;
 Но вошь зима — и непрестанно
 Торговля ѣздишь начала —
 И онъ кричишь, воспоргомъ пьяной:
 Зима пришла! зима пришла!

Пипомцу музы не оспрада
 И пылкой музѣ не сладка
 Зимы суровая прохлада:
 Въ лѣсу морозъ, споишь рѣка,
 Повсюду мрачное молчанье
 И гдѣ жъ пѣвцу очарованье,
 Воспоргъ и миршы для вѣнца?
 Онъ взглянешъ на землю — пуспыня,
 На небо взглянешъ — небо слышъ,
 Но если юношѣ велишъ
 Душой и разумомъ богиня,
 Прославишь зимнiя дѣла:
 Въ поэтѣ радость оживаетъ
 И вдохновенный восклицаетъ:
 Зима пришла! зима пришла!

★ ★ ★

ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРЬ.

Wollt ihr in meinen Kasten sehn?
Des Lebens Spiel, die Welt im Kleinen
Gleich soll sie eurem Aug' erscheinen,
Nur müsst ihr nicht zu nahe stehn.....

SCHILLER.

Волшебникъ, не волшебникъ я,
А знаю кое-что, друзья!
И знаю многое шакое,
Что право, право, не пустое!
Взгляните полько въ мой фонарь:
Что будетъ впредь, что было вспарь,
Какъ Божій свѣтъ шеперь вершитъся,
Все шущъ — и все вамъ пригодитъся!
Тутъ міра цѣлаго дѣла!
Тутъ цѣлый свѣтъ, какъ бы въ нашуръ!
Тутъ сами вы въ миніащуръ!
Тра-ла-ла-ла! Тра-ла-ла-ла!

Вошь солнце яркое съ луною!
 Вошь ясны звѣзды въ небесахъ
 Своею вѣчной красою
 Блещягъ въ лазуревыхъ поляхъ!
 Онъ восходягъ и заходягъ
 И все не меркнущъ слава ихъ,
 И разрушенья не приводягъ
 Ни миллионы лѣтъ для нихъ!
 Какой чудесный пиръ для зрѣнья!
 И все вселенна, какъ была!
 И нѣтъ сей славы измѣненья!
 А ваши славныя дѣла? ...

Вошь вамъ, друзья, Адамъ и Ева!
 Какъ свѣшло мирное чело!
 Но вошь они вкушаютъ дрова
 И узнаютъ добро и зло!
 Вошь изгоняютъ ихъ изъ рай
 И заворяется онъ имъ:
 Къ врагамъ, въ вѣщи лучей сія,
 Съ мечемъ приспавленъ Херувимъ!
 Такъ Превидѣнїе благое
 Намъ не велигъ себя пынать:
 Знашь кое-что опаснѣй вдвое,
 Чѣмъ вовсе ничего не знашь!

Вотъ вамъ любовь! — Не наглядяйся
 Они другъ на друга; межъ шѣмъ
 Лукавый свѣсивъ голову смѣялись:
 А не смѣешься онъ надъ чѣмъ?
 Спарикъ качаетъ головою
 И мыслишь холодно: « мечта! »
 Не проныше ихъ, пока судьбою
 Завѣса съ глазъ ихъ не снята!
 Пока легко имъ жизни бремя,
 Зачѣмъ его вамъ шагонишь?
 Придешь забонгъ и горя время
 И скажешь: некогда любишь!

Вотъ крутъ друзей! — Какъ всѣ тушь рады!
 Какъ руку другъ у друга жмутъ!
 Тушь всѣ Оресты, всѣ Пиллады!
 Минуша — ихъ не разоимутъ!
 То связи вѣчныя шатнулись;
 Но какъ въ порядокъ не привести!
 Онѣ объ чести было шолкнулись:
 Ихъ исполеномъ справишь честь!
 Пусть говорятъ, чю доброй брани
 Худой гораздо лучше миръ;
 Но послѣ эшихъ сосязаній
 Какъ сладокъ дружесивенный пиръ!

* *

Вотъ кто-шо съ важностью читаешъ,
 И важно слушающъ его;
 Другой съ небрежностью зѣваешъ
 И не читаешъ ничего!
 Вокругъ обонхъ видны дамы
 Опъ одного — воспорга ждушъ;
 Ждушъ опъ другаго — эпитагмы:
 Довольны всъ; а скука шунъ!
 То два великихъ человекъ;
 Ихъ мѣрка мѣряешъ весь свѣтъ:
 Поэтъ классическаго вѣка
 И романщическій поэтъ!

Вотъ балъ! — Вершяшся быспро пары!
 Какъ жизни вихрь кружишся овъ!
 Ребенка обгоняешъ спармѣ
 И самъ ребенкомъ упреждѣнъ!
 Равно паркетъ для всѣхъ ихъ гладокъ,
 Но кто шащипся, кто лешипъ;
 А въ безпорядкѣ все порядокъ
 Законъ гармоніи хранишъ!
 Иные смопрягъ лишъ изъ кресель:
 Покойно имъ; за шо скучнѣй!
 Тому лишъ весело, кто веселъ;
 А мрачнѣй шунъ еще мрачнѣй!

А вошь и поле вамъ сраженья,
 Земнаго вздора идеаль!
 Среди всеобщаго смяшенья
 Трусь побѣдилъ, а храбрый палъ!
 Попомъ, средь спона, среди плача,
 Поюшь хвалу земли концы;
 А всемогущая удача
 Имъ раздаетъ за шо вѣнцы!
 Спросите ихъ: за что дралися?
 Укажутъ всё на одного;
 А Бонапарть, хопъ разбожися,
 И самъ не знаетъ для чего!

Вошь машъ дѣшя свое качаетъ!
 Вошь, молча, шупъ сидитъ опець!
 Вошь мальчикъ всякой вздоръ болшаетъ
 И спрощъ каршочный дворець!
 Все тихо; свѣчка догорѣла,
 Дрожитъ, блѣдвѣя, огонекъ;
 И всякъ до завшрашняго дѣла
 Идетъ заснушь — и мирно лёгъ!
 Но эша, кажешся, картина,
 Друзья, вамъ нѣсколько скучна?
 Въ ней не бурлитъ спрасшей пучина:
 Каршина счаспя она!

Такъ вотъ вамъ въ пестрошѣ прекрасной
 Весь міръ и вся судьба его!
 Не разбирайте вы напрасно;
 Не разберете ничего!
 Тутъ много лицъ — иные скачутъ,
 Кипо въ гору, кипо спремглавъ съ горы!
 Пуспъ ихъ смѣются, пуспъ ихъ плачутъ:
 Все это шолько до поры!
 Вотъ я, друзья, смѣюсь надъ вами!
 Вотъ вы смѣшесь надо мной!
 Судьба прунитъ надъ всѣми нами,
 А міръ идешъ своею чредой!

Вотъ вамъ послѣднее явленье,
 Веселья смѣлые друзья!
 Какое ваше заключенье,
 Въ помъ нужды нѣтъ для шукаря!
 Но вы пушъ видѣли иное,
 Чшо право, право не пусное:
 Чшо естъ шеперь, чшо бьмо вспарь,
 Все показалъ вамъ мой фонарь!
 И если вамъ фонарь мой нравенъ,
 То бѣлый свѣтъ еще проспраненъ:
 Такихъ чудесъ въ немъ нѣспъ числа!
 Сшой вѣчно, машушка Россія!

Еще фигуры есть другія!
Тра-ла-ла-ла! Тра-ла-ла-ла!

Мих. Дмитриевъ.

ДВА КОЛОСА.

На нивѣ колосокъ, спѣсиво
Поднявъ головку выше всѣхъ,
Сосѣда своего кошѣлъ поднять на смѣхъ,
И говорилъ: сосѣдъ, скажи мнѣ, что за диво!
Зачѣмъ согнулся ты? Въ сравненіи со мной
Ты ниже въ половицу.
Легко поняшь пому причину,
Сказалъ другой;
Чѣмъ меньше зеренъ въ насъ, чѣмъ голова пуста,
Тѣмъ поднимаемся мы выше и горда.

Масальскій.

ЛИВОНІЯ. (*)

(Отрывокъ.)

Случай, въ разныя времена, доставилъ мнѣ намѣстное познаніе Остзейскихъ провинцій; въ немногихъ книгахъ, о нихъ писанныхъ, я начипалъ какъ-въ былъ прежній ихъ бышъ; свое наблюденіе и разговоры съ людьми знающими, собрали въ итогъ мои свѣденія о Ливоніи и образовали о ней мое мнѣніе. Край эшошъ былъ первымъ поприщемъ для

(*) Издапель считаешъ долгомъ принести чувствительнѣйшую благодарность неизвѣстному корреспонденту, за доставленіе сей прекрасной спашы.

моего любопытства, для моего нравственного и физического созерцания, еще неупомимаго по юности, еще неупомленного повторениемъ. Для меня павъ все было занимательно, пошому, что все было ново. Природа Ливоніи поражала меня, пошому что я въ первый почти разъ видѣлъ павъ природу. Уму нравилась спорона, надъ кошорой онъ впервые попыпалъ силу свою, вниманіе схватывало все, что встрѣчало, воображеніе украшало все, къ чему ни касалось. Можно сказапъ, это была первая любовь моихъ умственныхъ способностей.... любовь, невольная и часшо неудачная въ выборѣ; но тогда счастливая собой и пошомъ сладостная въ воспоминаніи. Вопъ почему, увлекаясь первыми впечатлѣніями, я написалъ сполько повѣстей рыцарскихъ. Чувствую и сознаюсь, что я разработывалъ неблагоприятное поле; эти предмешы никогда не будутъ близки къ сердцу, какъ преданія старины Руской. Цвѣшы чужеземные перяюпъ свое

благоуханіе, и красота не пльняешъ сквозь подозрную прубку. Но дѣло сдѣлано и мнѣ осшаешя шолько просишь снисхожденія, если не къ сочинишелю — по крайней мѣрѣ къ сочиненію.

Впрочемъ, впечатлѣнія, полученныя мною случайно, могли бы дѣйствовать и на другаго и при иныхъ обстоятельствахъ. Ливонія заслуживаетъ неоспоримое вниманіе историка и философа, романшика и живописца. Страна сосѣдняя и невѣдомая Европѣ до XII вѣка, открываешя Германцами, выброшенными бурей на берега Двины. Разсказы о ней возбуждаютъ спросъ къ обращенію въ Христіанство; надежда добычи и завоеваній подаешъ руку шакому предпріятію, и съ двухъ сторонъ Нѣмцы и Дашчане снаряжаются въ крешовый походъ на невѣрную Чудь, высаживающъ войски свои и, наконецъ, всѣ народы, населявшіе по морью, покорены горшью бродягъ, сильныхъ лишь превосходствомъ оружія и шрусостию

своихъ прошивниковъ. Орденъ *Мегеносцевъ* образуешя и берешь осѣдлосшь. Самозваные Бароны, Фрейшеры, ш. е. члены, собрашья, рыцари сего ордена дѣляшья завоеванную землю. Сперва берущь съ побѣжденныхъ дань, попомъ обращающь ихъ въ васаловъ и, наконецъ, въ безправныхъ рабовъ. Пожизненные помѣшья, даванныя орденомъ въ награду личной храбросши, за услуги и заслуги, мало по малу закладами, покупками и льгошами, по давносшю, по силѣ спановяшся наслѣдственными. Между шѣмъ, опчужденный опъ Европы, орденъ сей видишья, что онъ можешь пошопушья въ океанѣ враждебныхъ племень и, пошрясенный Липовцами, спуспя сорокъ лѣшья послѣ основанія, подаешья руку Прусскому ордену, берешья его правила — и мѣняешья своего Магиспра на зависимаго Гермейшера. Скоро выгоды раздѣляющь сей военно-духовный орденъ. Дѣйсшвуя во внѣшней полишикъ какъ шѣло государшвенное, Епископы шягающья съ ры-

царями, какъ удѣльные князья, по-есть, тогда только признавая чужое право, или надъ собою власть, когда у самихъ нѣтъ силы нарушить перваго, или опразить вшорую. Междоусобія не перестаютъ, кровь льется, набѣги Рускихъ и впаденія рыцарей въ ихъ границы пушшатъ оба края, ничтожатъ сосѣднія племена. Миръ, кошорому никпо не вѣришь, кошораго никпо не держишь, даешь только досугъ собратъся съ силами для новыхъ спычекъ, съ выдумками для гибельныхъ хипроспей. Рѣдко славныя, всегда вредныя бшвы слѣдуютъ за бшвами, крѣпости переходятъ изъ рукъ въ руки, вездѣ шрупы, развалины, слезы отъ ушѣшенья, вопли отъ грабежа. Только порой взоръ историка вспрѣчаетъ на эшомъ кровавомъ позорищѣ вѣроломство, оправданное успѣхомъ, или разбой освященный геройскими подвигами. Но вопъ Россія крѣпнеть, спряхнувъ долой Ташарское иго; орденъ слабѣетъ нѣтъ. Забытый Европою, покинутый

Тевшонскимъ брашомъ своимъ, разбиваемый Русью, а всего болѣе, изможденный собственною дряхлостію, онъ колеблется, онъ выбираешь мѣсто, куда упась. Сей осколокъ Феодализма еще держится нѣсколько лѣтъ, подобно муміи, и распадается въ прахъ опъ привѣщной руки Сигизмунда III. Тѣмъ кончается существованіе ордена, но не бѣды Ливоніи. Обдѣленные въ раздѣлъ новаго герцогства, рыцари, безпомѣсные бароны, промочавшіеся дворяне, собирають въ шайки распущенную, почти всѣми бывшими членами ордена, дворню, (*Hofleute*) — состоявшую изъ оруженосцевъ, плашныхъ воиновъ, сиражей и шакъ далѣе, — и съ эпою вольницею рыщуть изъ конца въ конецъ по всему Остзейскому полуострову, грабятъ своихъ и чужихъ, жгутъ, рѣжутъ, полоняють и неисповѣдомъ своимъ осуществляютъ всѣ рассказы о *Флибустieraхъ*. Между тѣмъ Эстонія поддается добровольно Шведамъ, и наконецъ черезъ сто лѣтъ, вся Ли-

вонія падаешъ съ бою къ шюпамъ Великаго Пешра.

Эшо общее. Эшо похоже на испорію Германіи и Франціи въ среднихъ вѣкахъ — однако же здѣсь сходство наружное: начала и слѣдствія произшесшвій вовсе различны, иныя не имѣють даже примѣровъ въ лѣтописяхъ. Во первыхъ, подобно Норманамъ въ Англіи, Нѣмцы покорили дикарей Ливонскихъ — но они не смѣшались съ ними въ подражаніе первымъ, и до сихъ поръ удержали за собою исключительное надъ ними господство. Пошомъ, два купеческіе вольные города: Рига и Ревель возвысились на земляхъ воинствующихъ рыцарей, — первый на Нѣмецкомъ, другой на Дашскомъ берегахъ моря; — и оба, вмѣщая въ себѣ гарнизонъ правительствующаго шамъ народа, сохранили безспорно принесенныя съ собою права самобытности и самоуправства. Явленіе шѣмъ замѣчательнѣйшее, что въ то же самое время Нѣмецкіе, Французскіе и Италіян-

скіе города боролись на смерть съ феодальными баронами и съ князьями за свои льготы и права, по добывая ихъ кровью, по выкупая золошомъ. — Скажупъ, эшо произошло ошъ современности основанія торговыхъ городовъ съ орденомъ: каждый видѣль неоприцаемость правъ сосѣднихъ — а спародавнихъ припязаній для нихъ не существовало. Но гдѣ же вооруженная сила спрашивалась права и уважала справедливость? едва ли не впервые безъ спора, хопя не безъ зависпи, глядѣла она здѣсь на богашнюю купечество, надъ кошорымъ расправу ей бы очень хопѣлось прибрать къ рукамъ; даже подвергалась его законамъ въ городскихъ границахъ. Чему же приписашъ такую умѣренность въ людяхъ, кошорымъ не было ничего свяшаго, если не закону необходимости, эшой единственной узды на силу, кошорая всего хочеть и все можетъ? Рыцарямъ очень не по сердцу были вольные города, и они въ запальчивости не разъ эшо,

выказывали — но они чувствовали, по опыту, что города приморские, по своему положению и связямъ съ Ганзою, были воропами, сквозь кошорыя шели къ нимъ издѣлія и произведенія Европы, равно необходимыя для военнаго и домашняго быта. Слѣдственно, рыцари находились въ непосредственной зависимости отъ купцовъ, замѣнишь коихъ собою казалось имъ презрительно; да если бы и вздумали они эшо, шо для исполненія не спало бы у нихъ ни времени, ни капишаловъ, ни довѣрія, ни умѣнья.

Равнодушіе рыцарей къ вѣрѣ, кошорой обязаны они были своимъ происхожденіемъ и благосостояніемъ, сославляешъ шакже опличительную чершу ордена. Пришедши въ Ливонію обращашъ дикарей въ Христіанство, они и сами въ заботахъ военныхъ забыли свое вѣроученіе. Раздоры съ Епископами еще болѣе охладили жарь сей. Сосѣднія распри за вѣру не могли имѣть на нихъ вліянія, ибо никому не послужило бы ихъ

участіе. Соперничество вѣрѣ, которое всегда поддерживалось чистоту вѣрующихъ, не существовало: потому, что Рускіе не имѣли съ ними никакого прикосновенія въ обычаяхъ. Наконецъ Римъ былъ далеко. Привыкнувъ долго ждать разрѣшеній по необходимости, они уволили себя отъ нихъ по привычкѣ. Буллы Папикана, какъ театральные перуны, гремѣли никого не пугая и не поражая. Должно, однакоже, отдать справедливость Папамъ, сколько часто клеветаннымъ, что они подъ проклятіями запрещали дѣлать рабами новообращенныхъ Христіанъ въ Ливоніи, какъ и въ Америкѣ, и все напрасно. Свои выгоды были ближе къ сердцу рыцарей, чѣмъ увѣщанія Папы. Наконецъ удивительнѣе всего, что Люшерово вѣроисповѣданіе, которое взволновало Европу, раздѣлило народы и превратило царства, — незнаемо прокралось и установилось въ Ливоніи, безъ частныхъ и соборныхъ преній, безъ потоковъ крови и чернилъ. Рыцари приняли Люшеранство не потому, что былъ

убѣждены въ изыщесствѣ новой религіи, а по-тому полько, что были равнодушны къ спарой. Даже спрахъ перевѣса власти Епископовъ не имѣлъ пушь никакого участія, ибо она въ эшо время вовсе была унижена. Обстояшельства образуюшь и мѣняюшь характеръ народовъ — эшо осязаемое въ обипашеляхъ Ливоніи. Прежніе рыцари были распочительны, беспорядочны, дерзки, но опкровенны въ своей грубости и присшрасны къ славъ для славы. Нынѣшніе попомки ихъ расчешливы, обстояшельны, плавки, но опважны для выгоды. Терпѣніе, неуномимосшь, насшойчивосшь, шочносшь, супъ добродѣтели неизвѣспныя ихъ предкамъ; шолько спрасшь счишашься породами и шипулами и кишѣніе въ дѣлахъ личной чесши насльдовано опъ нихъ во всей полношѣ. Чшо же касаешься до народа, ш. е., Лашышей и Эстонцевъ, шесшивѣковое угнешеніе унизило ихъ до невѣрояшной шенени. Получивъ, однакоже, права людей, они въ послѣдніе годы

замѣшно подвинулись въ нравственномъ образованіи, но домашній ихъ бытъ, руководѣльи и промышленность еще въ совершенномъ младенчествѣ.

Таковы, или почти таковы были составъ и измѣненія сего крайняго звѣна Европейскаго Феодализма, въ печеніи слишкомъ чешырехъ вѣковъ его сущестпованія. Наблюдатель не найдетъ на этой сухой почвѣ цвѣшовъ споль же яркихъ, плодовъ споль же сочныхъ, какъ на полѣ новой исторіи, но онъ увидишь за шо много таково, что опкроешь ему иныя средства къ разрѣшенію какой нибудь политической задачи, или доводовъ для подкрѣпленія другой. Пришомъ, неужели мы осудимъ на забвеніе судьбу цѣлаго народа, за шо шолько, что онъ былъ не многочисленъ, что обиталъ не на тысячахъ верспъ? Неужели высокое самоопверженіе, полезное геройство, великодушіе и благошворительность получаютъ достоинство опъ числа свидѣтелей? Ужели злодѣй-

**

ство, подлосць, черноша пошупковъ оправдываюшя, когда совершены онѣ вшайнѣ? Ужели счастье часшнаго чловѣка соразмѣрно обширности его опечесства? Можешь ли чловѣкъ умирашь дважды, или умирашь въ половину? Слѣдспвенно, судьба чловѣка, гдѣ бы онѣ ни жилъ, не можешь бышь чужда чловѣку; знаменишосць его можешь шолько увеличшь сѣ участие, но его ничшожность не извиняешь равнодушія. Число должно имѣшь въсь шолько въ опношеніи къ государшву и чловѣчесшву, не къ чловѣку въ особенности. И вопшь почему, мнѣ кажешя, должно предспавляшь поколѣнія и народы въ видѣ чловѣка, ибо у насъ не можешь бышь инаго мѣрила счастья и бѣдспвія государшвъ, кромѣ счастья и бѣдспвія членовъ его соспавляющихъ. И наконецъ восходя далѣе, счастье или бѣдспвіе большей части членовъ опредѣляешь здоровье, или болѣзненное соспояніе сего полишического шѣла, называемаго народомъ. Но возвращаясь къ предмешу,

я хочу сказать, что въ политическомъ отношеніи великія націи и сильныя перевороты, имѣвшія вліяніе на судьбу міра, заслуживаютъ большаго вниманія, нежели народцы и мяшежи какъ бури въ стаканѣ; но когда дѣло дойдетъ до частныхъ добродѣтелей, я не опкажу имъ въ уваженіи, хотя бѣ онѣ проявились между Лопарями, и одинаково пожалѣю упонувшаго въ Черной рѣчкѣ, какъ и въ Атлантическомъ океанѣ. Впрочемъ, если бышіе ордена и не имѣло постояннаго вліянія на дѣла Европы, за то какъ шажко лежалъ онъ въ военныхъ и торговыхъ вѣсахъ Россіи! По Невѣ, по Великой, по Лугѣ, по Волхову вливали Божіи дворянѣ въ области Пскова и Новгорода, или съ желѣзными эскадронами своими набѣжали опъ Нарвы, опъ Нейгаузена въ широкораспахнушыя границы Россіи, пускали мечъ и огонь на охошу,— и выходили вонъ не всегда съ добычей себѣ,— всегда съ вредомъ для Рускихъ. Тѣ не оставались въ долгу, но эшо пишало однихъ во-

роновъ. Военная мещь полько увѣковѣчи-
 ваешь вражду, но не воскрешаешь погиб-
 шихъ, не награждаеть разоренныхъ. Она
 всегда падаешь на невиннаго и богатишь не
 шого, кшо поперяль. Новгородъ и Псковъ,
 имѣя споль безпокойнаго сосѣда, должен-
 ствовали призывашь наемное войско, копо-
 рое упошребляло во зло свою силу;— или
 входишь въ союзы, шо съ князьями Руски-
 ми, шо съ Липвою, за чшо всякой разъ по-
 спупашься прямо, или послѣдшвенно, час-
 шю своей свободы или какими угодыми. И
 какъ много чужой крови пролипо въ Ливо-
 нии безславно, какъ много своей бесполезно!
 Сколько высокихъ посупковъ озарило имена
 воиновъ, въ дѣлахъ пашнающихъ чесшь на-
 рода, сколько имянь доспойныхъ очернено
 клеветою, или съдено забвеніемъ!

Въ военной исторіи нашей Ливонія зай-
 мешь важное мѣсто, ибо въ шеченіи 15,
 16 и 17 вѣковъ она была почти единшвен-
 нымъ попріщемъ военныхъ дѣйствій Рускихъ

войскъ. Она видѣла первыя попытки и обычныя побѣды арміи по Европейски успроенной.

Всѣмъ извѣстно, какую роль игралъ Новгородъ въ Ганзейскомъ союзѣ, и какія связи по этому имѣлъ съ Ревелемъ, съ Ригой, съ Нарвою. Когда же Могольскими ордами запалъ путь Воспочной шорговли съ Россією, она еще болѣе, чѣмъ когда либо впала въ зависимость ордена, равно для збышу произведеній своей земли, какъ и для ввоза заморскихъ издѣлій. Между тѣмъ, рыцари подъ малѣйшимъ предлогомъ нарушали договоры, разхищали въ своихъ городахъ наши складки, полонили купцевъ. Часпные грабежи на сушѣ и на морѣ грозили въ мирное время доставкѣ поваровъ, даже иноспранными купцами, даже на чужеземныхъ корабляхъ. Такая неувѣренность возвышала цѣны и подрывала довѣріе. Однимъ словомъ, Эстонія и Ливонія во времена рыцарскаго и Шведскаго владычества были для

сѣверной Руси споль же нужны и споль же спрашны, какъ Крымъ для южной.

Въ опношеніи къ просвѣщенію можно цолько сказаць, что орденъ изъ зависпи не пропускаль къ намъ ученыхъ, лѣкарей и масперовыхъ, копорые или сами спремились поискаць счастья въ землѣ новой, или были приглашаемы Князьями и Царями. Теперешнее вліяніе Ливоніи на просвѣщеніе Россіи не важно, хопя Дерпшскій Университетъ ешь безспорно лучший въ Имперіи, особенно въ изученіи древнихъ языковъ. Рускихъ спуденшовъ шамъ очень немного, а кругъ ученыхъ дѣйспвій шуземцевъ не выходитъ за границы провинцій, исключая малаго числа военныхъ и докпоровъ, въ нашемъ войскѣ служащихъ.

Но оставя разсужденія полишическія, оставя долгъ Рускаго знашь корошко все, что принадлежишь шеперь къ его опечесшву, — какихъ спрунь сердца не шпрогаюшь, какихъ шпаній не возбуждаюшь во всякомъ эши

разрушенные замки и крѣпости, шеперь забышыя — но когда-шо полныя жизни, богашства и силы! Въ душѣ человѣческой естъ чувство, невольнo ее привязывающее къ памяшникамъ минувшаго, къ развалинамъ древности, къ симъ пушеуказашелямъ на распуштіи вѣковъ. Не естъ ли эшо грустное чувство долгъ сожалѣнія къ брашьямъ — человѣкамъ, кошорые были и кошорыхъ уже нѣтъ? Взирая на эши гробницы поколѣній, кажешся, чувствуешь себя звѣномъ цѣпи сущешвъ, кошорая понешъ въ минувшемъ и шеряешся въ будущемъ.... Не эшо ли чувство безсмертія жизни, умирающей, въ поколѣніяхъ, но вѣчно возраждающей въ рѣдахъ, иногда унижающей въ часши и безпрешанно усовершенствующейся въ цѣломъ? Конечно, не всѣ и не всегда могушь дашь опчешъ въ ощущеніяхъ и въ мысляхъ, вселяемыхъ подобнымъ созерцаніемъ, но шѣмъ не менѣ оно и не замѣшное поучишельно. Опъ воспоминанія родящся, развивающся, крѣпнушь новыя мысли,

лучшія чувства, чистѣйшіе нравы. Такъ зерно, случайнымъ вѣтромъ занесенное въ прецину сѣны, даетъ опрыски, всходитъ куспарникомъ — и черезъ нѣсколько лѣтъ осяняетъ пышною зеленью развалину. Такъ обновляется вѣчноюная, никогда неисшощимая природа. Семена жизни кроюся въ лонѣ разрушенія — и мысль чловѣка, поглощаясь минувшимъ, выплываетъ опшолѣ подобно водолазу съ жемчугомъ и кораллами.

Не одна философическая польза, но и романпическая забава, или лучше сказаць одна въ другой, могутъ быць извлечены изъ эпошй почвы. Сосѣдство *рыцарей меча* съ Рускими, и безпрестанныя сношенія однихъ съ другими дадутъ писателю романовъ тысячу средствъ сдѣлать разсказъ свой занимательнымъ, не обижая исторіи, не удаляясь опть вѣроясія. Онъ даже можетъ досказаць то, что умолчала исторія, угадаць, что она могла сказаць и заманчиво передать то, что она говорила. Поле это не шрогано и неисшощимо.

Передъ нимъ два непріязненные народа, раздѣленные Вѣрою, обычаями, выгодами, но смѣшанные нуждами, похожіе другъ на друга только необузданными спраснями. Торговля и посольскія связи, народная и личная месь, бипвы, платнь, наѣзды, похищенія, словомъ всё пружины романизма у него подь рукою, и шѣмъ вѣрнѣе, что вымысль будешь имѣшь здѣсь достоинство правды, ибо сущность заключаешь въ себѣ все, что можешь изобрести воображеніе. Правда, характеръ и образъ жизни Ливонскихъ рыцарей имѣли въ себѣ очень мало заманчивости, сквозь раду-гу коей привыкли мы видѣшь прочее рыцарство; но въ этомъ-то самомъ я и вижу оригинальность, самобытность, следовательно занимательность новыхъ характеровъ, новыхъ каршинъ для романа. Ливонецъ былъ жестокъ съ вассалами, несправедливъ съ сосѣдами, жаденъ къ добычѣ — иногда къ славѣ, корешко сказать, во внѣшней жизни подобенъ рыцарямъ Европы. Но онъ не измѣнялъ

этому характеру и въ домашнемъ бышу : грубъ съ женщинами , роскошенъ безъ вкуса , весель безъ благородства и вовсе далекъ ошъшой любезности , ошъшой чувствительности и самоопроверженія въ любви , кошорья начишываемъ мы въ повѣсняхъ и кошорья , можешъ бышь , и на самомъ дѣлѣ встрѣчались ; пошому , что восшорженныя чувства могутъ бышь шакже почно модою , какъ покрой и мнѣнія . По крайней мѣрѣ , я вижу въ немъ шолько необразованнаго человека , воспоеннаго предразсудками и руководимаго спрашьями , кошорый не признаешъ иной власти , кромѣ силы , инаго закона кромѣ воли своей ;— но не лицемѣра , каковы всѣ прославленные Паладины....

ЗАГАДКА.

(Другу Н.)

1.

Глава загадки сей — есть отрицательный знак!..

2.

Я вижу храмъ, алтарь, кто вы, младыя дѣвы?
Кругомъ шаинспивенный, священный полу-мракъ;
Я слышу древнѣе, хвалебныя напѣвы
И жрицы спройныя, въ сѣньи красоны,
Блюдушъ святой огонь, ошвергнувъ брака сладость,
И пихо гаснегъ ихъ задумчивая младость:
Я узнаю швой храмъ *Богиня тистоты!*

3.

Видали ль вы цѣшокъ склоненный надъ водою,
Въ часъ упра вспырснушый алмазною росой?
Какъ сходенъ онъ съ Алиной молодою!
Люблю я дѣвущку съ заспѣнчивой красой!

Пыланіе ланипъ и персей шрепешанье,
О *колы-то* шайное, прерывное шептанье
И помноспъ милая въ лазоревыхъ очахъ
И неръщипельность, наджда, груспъ и спрахъ...
Пророчеспвуетъ всё, предчувспвиетъ мнѣ сладкимъ,
Чшо скоро, милый другъ! въ одинъ изъ ясныхъ дней,
Скажу я пасмурной красавицѣ швоей:
« Вы *цблое* моей загадки! »...

Ө. Глинка.

О Т Р Ы В К И

Изъ XI пѣсни Одиссеи.

Одиссей, по наставленію Цирцеи, достигашь предѣловъ океана, и выходишь на берегъ земли Киммерійской, надъ копорою царствуешь вѣчная ночь. Дойдя до мѣста, назначеннаго Цирцеєю, Одиссейъ вызываешь изъ Эрева души умершихъ. Неожиданно является ему пѣнь маперы, скончавшейся во время его отсутствія...

Сынъ мой, шы ли низшелъ въ сіе убѣжище мрака!

Нѣтъ здѣсь входа живущимъ: текуть здѣсь потоки и рѣки,
Пусть въ страну сію заградилъ океанъ безпредѣльный.

Какъ занесенъ къ симъ мѣстамъ швой корабль? Не опъ Трои
ль, плаवेशь шы?

Ты не достигнулъ опщизны? Не зрѣлъ еще вѣрной супруги?
 Милая мать, я рекъ, низшелъ въ Аидъ вопросишь я
 Тянь прорицателя Фивъ, Тирезія. Я до опщизны
 Все еще не достигъ, и бѣдами гонимый скипаюсь
 Съ самыхъ шѣхъ поръ, какъ на брань ополчился я прошиву
 Трои.

Но повѣдай, молю, давно ль ты въ семь мрачномъ жилищѣ?
 Съ ложа спряданья сюда низшла, или кроткой спрѣлою
 Въ часъ любимый ловишвы пронзила себя Исхеера;
 Гдѣ мой родишель, повѣдай? Гдѣ сынъ, покинутый мною?
 Въ ихъ ли мое dospоянье рукахъ? Не добыча ли хищныхъ?
 Можеть быть мыслятъ они, что меня никогда не увидятъ.
 Сердце разкрой мнѣ супруги: она печется ль о сынѣ,
 Или другой обладаешь ея вѣроломной рукою?
 Нѣтъ, опвѣстствуетъ шѣнь, въ черпогахъ швоихъ одинока,
 Скорбные ночи и дни она сокращаетъ слезами.
 Сынъ швой владѣетъ швоимъ dospояньемъ. Средь пиршествъ
 народныхъ

Онъ веселился, какъ царь, приглашаемый всѣми, любимый.
 Въ полѣ живетъ швой родишель. Нѣтъ ни ковровъ, ни пос-
 шели,

Нѣтъ одежды блестящей. Въ суровую зиму на прахѣ,
 Въ рубищѣ спишь близъ огня, подъ кровлей одною съ рабами.
 Въ лѣто и осень изъ листьевъ, упавшихъ съ лозы виноградной,
 Ложе низкое спелютъ ему. Такъ дни онъ проводитъ.
 Горестъ, мой сынъ, по тебѣ и старостъ его изнуряютъ.
 Такъ погибла и я. Не болѣзнь, не спрѣла Исхееры;

Тяжкая горесць меня, и памяць о кропкомъ, о миломъ
 Сынѣ моемъ Одиссеѣ, съзна лишили дневнаго.
 Смолкла она. Я бросился къ ней, проспирая объятъ,
 Трижды пѣнь я кошѣль прижасть къ препещущей груди!
 Трижды она, какъ видѣнье во снѣ, изъ рукъ улетала.
 Грусть пронзила мнѣ сердце. О милая матерь, вскричать и,
 Чпо не позволишь себя прижасть ко груди сыновней?
 Сладостно продили бѣ вмѣстѣ кошъ слезы въ Андѣ печаль-
 номъ!

Иль Персефона жестокая мнѣ пвой лишь образъ явила,
 Чцобы сильнѣй я терзалса! О сынѣ мой, цакъ пѣнь опрѣ-
 чала:
 Нѣтъ! не суетный образъ, но маперъ ты зришь предъ со-
 бою.

Всѣ обипашели здѣсь ни костей не имѣють, ни плоши;
 Сила огня испребляеть ее, а душа улетаетъ.
 Но поспѣши возвратишься на свѣтъ, просни до свиданья!
 Словъ моихъ не забудь, и супругъ швоей ихъ повѣдай.

Одиссею являюся другія пѣни. Онъ ви-
 дишь между осужденными на муки Сизифа:

Зрѣлъ и Сизифа я шамъ, обреченнаго пняжкимъ мученьямъ.
 Камень огромный съ усильемъ онъ движеть десницей и шуйцей.

Зрите ли, какъ подирая и сильной рукой и коленомъ,
 Капните оны камень къ вершинѣ горы? Но едва на вершину
 Мыслины спустиши оны, какъ вдругъ обращаясь стремительно

долю,
 Съ громомъ съ горы разкапаясь, низвергаеся камень коварный.
 Снова его, съ напряженіемъ, капните Сивифа на вершину;
 Поше спущаеся со часномъ, и дыла възспаеся надъ главою?..

Масальскій.

С

Когда подъ Шумлой батареж
 Заводяте жаркій разговоръ
 И гулы впорити ахо горъ
 И ядра сыпаются въ шранжи,
 Люблю тебя воображать
 Спокойнымъ веселымъ надъ пушкой,
 Ты ея можете урывать
 Какъ въ дѣлствіи спароу итрушкой!
 Не сходити бурка съ мощныхъ плечъ
 И не проникнуши ненашьемъ,

Ты ждешь и выстрѣловъ и съѣзъ
 Съ какимъ-то браннымъ сладострастьемъ.
 Но для чего, какъ брани шумъ
 Замолкнешъ въ сумракъ полночи,
 На сѣверъ ты наводишь очи
 И часно полонъ грустныхъ думъ?
 Я разгадаю тебя, мой милый,
 Въ своей задумчивой тишѣ
 Давно знакомыя свѣтили
 Ты любишь видѣть вдалекѣ.
 Тоской любви, тишью разлуки
 Тогда, бышь можешь, ты поминъ
 И спрутъ послушныхъ вторятъ звуки
 Сердечнымъ жалобамъ твоимъ.
 Утѣшься! если ты упрямъ
 Свою любовь во цѣльнѣ льшь
 Еще не дорого заплашишь
 За лавры вѣчные побѣдъ...

А. Подолнскій.

КАРТИНА
ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ

1828 ГОДА.

(Письмо къ другу за границу).

Чужеземные вѣшповщики, распространяя ложныя извѣстія о дѣйствіяхъ Россійскихъ войскъ, могли ввести въ заблужденіе не только соотечественниковъ нашихъ, пребывающихъ въ чужихъ краяхъ, но и благомыслящихъ иностранцевъ, принимающихъ искреннее участіе въ важныхъ современныхъ событіяхъ, неразрывно связанныхъ съ благомъ человѣчества. Для разсѣянія всѣхъ сомнѣній и водворенія истины, вознамѣрился я представить вамъ,

любезный другъ, крашкое и безпристрастное начертаніе сей войны, основанное на достовѣрныхъ офиціальныхъ извѣстіяхъ. Правительство сильное, увѣренное въ правотѣ своего дѣла не имѣешь нужды ни искажать, ни украшать происшествій. Неблагонамѣренные шолки и превращенныя вѣсти исчезають сами собою предъ свѣпильникомъ истины, которая появляеться всегда въ концѣ каждаго предпріянія, при размашриваніи *послѣдствій*, и освѣщаетъ собою всѣ прежнія недоразумѣнія.

25-го Апрѣля Россійскія войска, 6-го и 7-го Корпусовъ, отслуживъ въ лагерь молебствіе съ коленнопреклоненіемъ, благополучно переправились чрезъ рѣку Прушь, рубежь Имперіи, въ шрехъ колоннахъ при мѣспечкахъ Скулянахъ, Фальчи и Водолуй-Исаки. Быспроша движеній, предупредивъ всѣ предначертанія непріяшеля, доставила войску и жишелямъ новозаняшыхъ обласшей неисчислимыя выгоды. Правая колонна, подъ начальствомъ Генераль-Лейшенанша Барона Крейца, въ шолъ же

день заняла Яссы, и продолжала слѣдованіе къ Фокшанамъ. Средняя и лѣвая колонны двинулись на Максимени, откуда 6-й Корпусъ, подъ начальствомъ Генераль-Лейтенанта Роща, поспѣшилъ къ Бухаресту, для защиты онаго отъ предсвоившей ему опасности. Генераль-Маіоръ Баронъ Гейсмаръ, начальствуя авангардомъ сего корпуса, занялъ Бухарестъ 30 Апрѣля. Жители сего города приняли Русскихъ какъ избавителей, съ извѣщеніемъ живѣйшаго восшорга. Духовенство возсылало мольбы ко Всевышнему за спасеніе столицы Валахіи отъ разоренія, на которое обрекли оную Турки, уже доспѣвавшіе къ ней, чшобъ исполнишь свирѣпое свое желаніе. Между тѣмъ 7-й Корпусъ обратился къ крѣпости Браилову, и обложилъ оную, 29, Апрѣля. При исполненіи сихъ движеній не было сильнаго сопротивленія со стороны непріятеля. Два корпуса Россійскихъ войскъ, въ теченіе 5 дней, овладѣвъ обѣими столицами Княжесствъ Молдавіи и Валахіи, и занявъ оцераціонную ли-

нію между Бухарештомъ и Браиловымъ, лицемъ къ Дунаю, обезпечили переходъ оспальныхъ войскъ черезъ границу, и приобрѣли значительное пространство непріятельскаго края, для удовлетворенія первыхъ военныхъ потребностей.

Мая 5-го дня, Его Высочество Великій Князь Михаилъ Павловичъ, прибывъ подъ Браиловъ, принялъ начальство надъ осадю крѣпости и войсками, для сего назначенными. Трудность въ добываніи матеріаловъ для дѣланія шуровъ и фашинь, замедлявшая осадныя работы, и сильная оборона крѣпости, защищаемой правильными укрѣпленіями, мѣстоположеніемъ, и флотилією на Дунаѣ, принудили начальствовавшего Корпусомъ къ предпріянію правильной осады. Его Императорское Величество Государь Императоръ, переправившись чрезъ границу Своей Имперіи, 7-го Мая въ Водолуй-Исаки, изволилъ прибыть подъ Браиловъ. Здѣсь, въ первый разъ, Вѣстносонецъ Россійскій явился среди Сво-

ихъ неустрашимыхъ воиновъ на поприщѣ побѣдъ. Да вспомняшь наши соотечественники, что и Петръ Великій и Александръ Благословенный предводили своими воинствами, и подвергались опасностямъ для блага и славы Россіи! Присутствіе Государя улаживаетъ тяжкіе шруды война, и внушаетъ ему непреодолимую ревность къ совершенію великихъ подвиговъ. 10-го Мая Государь Императоръ благоволилъ своеручно награждать знаками военнаго ордена оплотившихся солдатъ. 12-го Государь Императоръ изволилъ быть свидѣтелемъ открытія новоустроенной баштареи изъ 24 орудій, начавшей дѣйствіе по крѣпости, съ желаемымъ успѣхомъ. Турки, кошорымъ Его Величество оказалъ милосердіе, опустивъ ихъ пленныхъ, принявъ множество офицеровъ на одномъ мѣсцѣ, обратили шуда выстрѣлы изъ орудій большаго калибра, и нѣсколько 24-фунтовыхъ ядеръ ударило въ основаніе возвышенія, на кошоромъ находился Государь

Императоръ. Но провидѣніе, пекущееся о благѣ Россіи, содѣлало ничтожными покушенія ея непріятелей.

Между шѣмъ, какъ осада Браилова длительно производилась, при упорномъ сопротивленіи со стороны осажденных, одинъ отрядъ 6-го корпуса занялъ Крайову, столицу Малой Валахіи, 9-го Мая. На произведеніе сего движенія, человеколюбіе имѣло еще большее вліяніе, нежели военные расчеты. Турки намѣревались разорить сей городъ. Онъ спасенъ Русскимъ оружіемъ, и благодарные жители вспрѣщали храбрыхъ Донцовъ какъ избавителей, и понынѣ прославляютъ великодушіе Россійскаго Монарха.

Сіи мѣры человеколюбія и крохотны произвели спасительное дѣйствіе. Запорожская Сечь, существовавшая съ давнихъ временъ на правомъ берегу Дуная, бывъ непріязненною Русскимъ въ прежнія войны съ Турціею, побѣждена благосхію Государя Императора, и добровольно покорилась Его власни.

Нынѣшній и прежній Кошевые, взявъ съ собою бунчуки и знамена, со всеми спаршинами, священниками, со множествомъ семейныхъ казаковъ, перешли въ предѣлы Россіи. Послѣдній Кошевой, Іосифъ Гладкій, пользовавшійся уваженіемъ Турецкаго Правительсшва, возвратился на лоно отечесшва единственно ошъ искренней преданности своей къ Государю Императору, безъ всякихъ другихъ побудишельныхъ причинъ. Такииъ образомъ взаимная неприязнь брашьевъ прекращена навѣки благодушіемъ ихъ Опща.

Необыкновенное разлишіе Дуная преляшсшвовало переправъ Россійскихъ войскъ чрезъ сію рѣку. Но общояшельсшва шгого требоваши, и Русскіе преодолѣли шрудности, шротиводосшавленныя имъ природою. Среди водъ разлившася Дуная, усшроева плошина, примыкающая къ берегу, при которомъ предположено было навесши мостъ. Но прежде наведенія моста, надлежало разбишъ неприязнелю, засѣдшаго въ крѣдосши Исакчѣ, по шу

спорону Дуная, и занимавшаго выгодное мѣсто-положеніе на возвышеніяхъ покрытыхъ кушарниками и усѣянныхъ башшареями. Турецкія укрѣпленія лѣвымъ крыломъ примыкали къ Исакчѣ, а правымъ къ озерамъ и болошамъ, просширавшимся до самаго Дуная. Турецкая позиція, по правиламъ Военнаго Искусства, почишалась неприспушною. На всѣ пункты нашей переправы усшремлены были орудія, и поверхность Дуная была подвержена перекрещнымъ выспрѣламъ. Турки съ гордосшію ожидали начашія смѣлаго предпріяшя, почишая поражение Русскихъ неизбѣжнымъ. Наспаша рѣшишельная минуша. Съ разсвѣшомъ 27 Мая, загремѣли орудія съ обѣихъ споронъ, и два егерскіе полка, подъ прикрышіемъ нашей Дунайской флошилїи, первые усшремились на вражескій берегъ. Другія войска подъ сильнымъ непріашельскимъ огнемъ, замедляемая въ шешвїи болошами, спѣшили къ рѣкѣ, чшнобъ бросившись въ мелкія суда Запорожцевъ (уже сдѣлавшихся вѣрными сынами Россїи), дока-

зашь укрывавшемся за башпареями врагу, что для Русскихъ нѣтъ неприспунныхъ мѣс-
щоположеній. Государь Императоръ изво-
лилъ присущствовашь при переправѣ, и Рус-
скіе воины оживлены были новою ревностію,
совершая блистательный подвигъ, предъ гла-
зами своего Монарха. Въ одиннадцатъ ча-
совъ утра Русскія знамена уже развѣвались
на неприспунной Турецкой позиціи, и баш-
парей, съ бывшими на нихъ орудіями, на-
ходились въ нашей власти. Турки въ опчая-
ннн взорвали на воздухъ одну башпарею, и
спасаясь бѣгствомъ въ крѣпость, зажгли пред-
мѣстія. Не думали ли они усрашишь Рус-
скихъ взрывами и пожарами? Занявъ съ бою
переправу, наши войска уже спокойно пере-
плывали быспрыя воды Дуная, и на другой
день (28 Мая) началось съ величайшею дѣя-
пельностію успроеніе моспа. Турки не
смѣли показывашься изъ крѣпости. Въ сей
день берега Дуная, отъ глубокой древности
бывшіе свидѣтелями знаменишыхъ подвиговъ,

сдѣлались незабвенными въ Россійской Историі событіемъ необыкновеннымъ и умили-пельнымъ. Его Величество Императоръ Всероссійскій изволилъ переправиться чрезъ Дунай въ лодкѣ, управляемой Запорожцами, бывшими за нѣсколько дней предъ симъ подданными Опшоманской Имперіи. Самъ Кошевой, бывшій двухъ-бунчужный Паша, правилъ рулемъ. На другой день начальствующій въ Исакчѣ Паша просилъ позволенія вступить въ переговоры о сдачѣ крѣпости. 30 Мая Россійскія войска вступили въ Исакчу съ распущенными знаменами, при звукахъ военной музыки, предшесвуемая покорившимися Пашами. Въ шопъ же день былъ изготовленъ мостъ на Дунаѣ.

Сія переправа при весеннемъ разливѣ водъ, совершенная съ необыкновенною быспроюю подъ непріятельскими бапшареями принадле-жишь къ числу самыхъ блиспапельныхъ воен-ныхъ подвиговъ всѣхъ вѣковъ и народовъ.

Послѣ перехода нашихъ войскъ черезъ Дунай, планъ операціи распроспранился. Быспро двинулся 3-й Корпусъ подѣ начальствомъ Генерала ошъ Инфантеріи Рудзевича, до Траянова вала, гдѣ ошановился на позиціи (6 Іюня), чшобѣ согласовашъ движенія свои съ дѣйсшвіями войскъ нашихъ въ Молдавіи и Валахіи и ошрядовѣ на правомъ берегу Дуная. При 3-мъ Корпусѣ находилась Главная кваршира Его Императорскаго Величества. Между шѣмъ крѣпосш Мачинѣ сдалась Полковнику Роговскому (5 Іюня); крѣпосш Гирсово Генераль-Лейшенаншу Князю Мадашову (11 Іюня); Кюспенджи Генераль-Лейшенаншу Ридигеру (12 Іюня); Тульча Генераль-Лейшенаншу Ушакову (15 Іюня). 3-й корпусъ по взятіи Кюспенджи, занялъ позицію при Карасу, гдѣ Государь Императоръ съ главною кварширою вознамѣрился ошжидашъ исполненія предначертанныхъ движеній цѣлою арміи.

Около сего времени Некрасовцы, попомки Донскихъ казаковъ, удалившихся въ Турецкіе предѣлы во время смуты, бывшей на Дону при Петрѣ Великомъ, увлеченные примѣромъ Запорожцевъ, снискавшихъ покорносью милосшь Государя Императора, выслали депушашовъ съ повинною, и вспунили въ подданство Россіи. Они были злѣйшими ея врагами, и въ прошедшія войны сопротивлялись Русскимъ съ большимъ ожеспченіемъ, нежели Мусульмане. Милосшь Государя Императора и крошосшь Его съ побѣжденными посѣяли въ сердцахъ Некрасовцевъ любовь и преданносшь къ Его Высокой Особѣ, и примирили ихъ съ прежними соопчичами. Такія побѣды сущь самыя драгоцѣнныя для челоѣчества!

Турки мужеспвенно защищались въ Браиловъ. Удачное мешаніе бомбъ и канонада съ нашей спороны, причиняя осажденнымъ величайшій вредъ, не могли поколебашъ ихъ упорсшва и принудишь крѣпосшь къ сдачѣ.

Нылкой храбрости Русскихъ казалась медленною крапковременная осада (съ 13 Мая по 6 Юня), и поному рѣшено было сдѣлать бреши взрывомъ минъ въ атакуемомъ фронтѣ, и взять крѣпость штурмомъ. Незначашее по видимому, но важное въ существѣ своемъ, собышье сдѣлало штурмъ неуспѣшнымъ. Изъ шрехъ минъ, одна взорвана ранѣе предположеннаго времени, другая осшалась безъ дѣйствія. Такимъ образомъ штурмующіе не могли проникнуть въ крѣпость условленными пушями, но увлеченные мужеспвомъ, они бросились на шѣны, и безъ сомнѣнія проникнули бы во внутренность города, если бы начальство, дорожа кровію Русскою, не повелѣло нашимъ опспунить. Сей штурмъ, неудачный въ исполненіи, имѣлъ благополучное послѣдствіе. Турки, приведенные въ ужась неуспрашимостію нашихъ воиновъ и успѣхомъ осадныхъ работъ, сдали крѣпость. Покореніе Браилова принесло великія выгоды,

предавъ въ нашу власть нижній Дунай, и обезпечивъ сообщеніе съ Россією.

Анапа, крѣпость лежащая на Черномъ морѣ, съ давнихъ временъ была средопочіемъ всѣхъ козней, нарушавшихъ спокойствіе нашихъ Закавказскихъ обласпей. Въ Анапѣ всегда шло пламя, воспалявшее Горскихъ хищниковъ злобою противъ Россіи: отсюда доспавлялось Горцамъ, вмѣстѣ съ зловредными совѣтами, оружіе; здѣсь они промѣнивали свою несправедную добычу. Для успѣшнаго дѣйствія со стороны Азіи, надлежало покрѣпить Анапу. Генераль-Адьюшаншъ князь Меншиковъ назначенъ былъ начальникомъ сухопутнаго отряда, копорый Вице-Адмираль Грейгъ доспавилъ на флотѣ, подъ сѣнны Анапы. Флигель-Адьюшаншъ Полковникъ Перовскій послѣшилъ шуда же съ малымъ отрядомъ со стороны Тамана. Горскіе народы вооружились на защиту Анапы. Съ горспью Русскихъ, Князь Меншиковъ долженъ былъ противуспашъ многочисленному неспріателю

внѣ и внушри крѣпости, и въ по же время производилъ осадныя работы. Но храбрость Русскихъ воиновъ и благоразуміе ихъ начальника воспоржесшвовали надъ неблагопріятными обстоятельствоми, и усшрашенная Анапа сдалась. Покореніе сей крѣпости принесло не однѣ временныя выгоды: оно будешъ имѣшь вліяніе на будущую учась Кавказскихъ областей и Горскихъ народовъ. Первыхъ ожидаешъ спокойствіе, впорыхъ образованность; ибо съ прекращеніемъ средствъ къ хищнической жизни, необходимостъ заставишь Горцевъ прибѣгнушь къ мирнымъ занятиямъ. Они уже добровольно признали надъ собою власть Россійскаго Императора, и Князья ихъ изъявили, предъ Генераломъ Эмануелемъ желаніе свое служить Россіи. Друзья челоувѣчества должны благословляшь успѣхи Русскаго оружія, прокладывающаго путь воинственнымъ и хищнымъ племенамъ къ достиженію Европейскаго образованія. Запорожцы, Некрасовцы и Горскіе народы вскорѣ почув-

ствуюшь сладосшь опеческой попечительности Правительства нашего о ихъ благъ, и съ благодарностию примушь сѣмена просвѣщенія.

Обширное пространство занято было 2-ю арміею въ весьма короткое время. Молдавія и Валахія находились въ нашей власти. Переходъ черезъ Дунай былъ, такъ сказать, предварительнымъ средствомъ къ обезпеченію нашихъ завоеваній. Турки слабо защищались въ открытомъ полѣ, и бѣжали передъ нашимъ авангардомъ. Покушаясь удержашъ быстрое стремленіе нашихъ войскъ подъ Базарджикомъ, они были разбиты и опрокинуты (25 Іюня). Главныя ихъ силы сосредоточивались въ укрѣпленной горной позиціи при Шумлѣ, кошорая была центромъ операцій Турецкаго войска. Въ Малой Валахїи, на нашемъ крайнемъ правомъ флангѣ непріятель дѣлалъ многократныя покушенія, отъ Видина и Калафата, къ вытѣсненію нашихъ войскъ изъ Крайовы и окрестностей,

но всегда былъ разбиваемъ и прогоняемъ съ урономъ храбрымъ Генераль-Маіоромъ Барономъ Гейсмаромъ. Зная, что всѣ усилія Турокъ подашся впередъ клоняшся единшвенно къ разоренію обласи, Генераль-Маіоръ Гейсмаръ дорожилъ каждымъ шагомъ, и успѣлъ защишишь Малую Валахію опъ неисповшва ея власшишелей. Правымъ крыломъ Турецкой позиціи была Варна, укрѣпленная природою и искусшвомъ, защищаемая многочисленнымъ гарнизономъ, подъ начальшвомъ любимца Султанова, Капишанъ-Паши, и Юсуфа-Паши Сересскаго, одного изъ первыхъ вельможъ Имперіи. Варна и Шумла почитались у Турокъ врашми Констаншинополя, и они въ нынѣшнюю войну упошребили всѣ свои способности и усилія къ укрѣпленію сихъ пункшвовъ. По минованіи Базарджика, планъ нашихъ операцій былъ слѣдующій: Генераль-Маіоръ Баронъ Гейсмаръ, на крайнемъ правомъ крылѣ, въ малой Валахіи, долженъ былъ удерживашъ покушеція Турокъ, со стороны Видина, и

наблюдать за сообщеніями Турецкихъ крѣпостей по Дунаю. Генераль-Лейтенанту Рошу поручена была блокада Силистріи; Генералу Корнилову наблюдение Журжи. Главная армія, подъ начальствомъ Фельдмаршала Графа Вишгенштейна, при коей находилась Главная квартира Государя Императора, двинулась къ Шумль (8-го Іюля), чтобы принудить Визиря къ сраженію, и разбивъ его, довершитъ, какъ выше сказано, обезпечение Княжества. Опредѣль Главной арміи, подъ начальствомъ Генераль-Лейтенанта Графа Сухтелена, успремился къ Варнѣ, для наблюдения сей крѣпости, до начатія правильной осады.

Сими движеніями начались за Дунаемъ съ нашей стороны важныя военныя дѣйствія, копорыхъ успѣхъ сопряженъ былъ съ величайшими трудностями, по причинѣ мѣстностей, представляющихъ непреодолимое препятствіе воюющимъ въ сей странѣ.

Между тѣмъ Руссіе орлы успремили полетъ свой опъ Кавказа и Арараша въ Азіятскую

Турцію, палладіумъ Исламизма, крѣпчайшій оплотъ Оштоманской Имперіи. Первый громъ Русскихъ пушекъ возвѣспилъ о знаменишыхъ успѣхахъ, покрывшихъ вѣчною славою неуспрашиваемыхъ Русскихъ воиновъ и вождя ихъ, Графа Паскевича-Эриванскаго. Съ горстью войска, еще упомяннаго опъ шрудной и доспославной войны съ Персією, Графъ Паскевичъ-Эриванскій смѣло вшоргнулъ въ предѣлы непріяшельскіе, защищаемые неприсступными горами и сильными крѣпостями. Пріобрѣвъ побѣдами въ Персіи и кропоспью съ побѣжденными любовь и уваженіе жишелей окрешныхъ спранъ, онъ блескомъ своего имени привлекъ подъ Русскія знамена храбрый ополченія Грузинъ, Армянъ и самыхъ Ташаръ, единовѣрцевъ нашихъ враговъ. Русское войско, совершивъ молебствіе Господу силъ, въ виду священныхъ горъ Арараша и Алагеза (око Провидѣнія), перешло черезъ рубежъ Имперіи (14 Іюня), и быстро успремилось къ знаменишой крѣпости Карсу, сре-

допочію всѣхъ силъ прилежащихъ къ Россіи Турецкихъ обласпей. Сильный гарнизонъ крѣпости думалъ, что онъ упорнымъ своимъ сопротивленіемъ задержитъ Русскихъ подъ стѣнами Карса, до пришествія помощи изъ Арзрума и другихъ Пашалыковъ, и тогда принудитъ нашихъ къ отступленію. Но Графъ Паскевичъ-Эриванскій рѣшилъ участь Карса иначе. Въ теченіе восьми дней, онъ совершилъ походъ отъ границы нашей до Карса, успѣлъ разбить Турокъ, намѣревавшихся задержать его въ пуши, и взялъ штурмомъ укрѣпленный лагерь и неприступную до того крѣпость, снабженную сильнымъ гарнизономъ и всѣми средствами къ защитѣ, обведенную тремя каменными стѣнами, съ цитаделью на высокой скалѣ, отъ которой отступилъ безъ успѣха и знамениый Шахъ Надиръ. 23 Юня въ 8 часовъ утра Русскія знамена уже развѣвались на швердыняхъ Карса. Распространивъ симъ блистательнымъ подвигомъ ужасъ въ окрестныхъ странахъ, Графъ Пас-

кевичъ-Эриванскій спѣшилъ воспользоваться благопріятными обстоятельствомъ и очистишь ошъ врага прилежація къ Россіи области, населенныя одноплеменниками нашихъ пограничныхъ народовъ. Оставивъ непріателя въ недоумѣніи на счетъ своихъ намѣреній, Графъ Паскевичъ-Эриванскій вдругъ обратился въ тылъ ошъ Карса, и перешедъ съ величайшимъ трудомъ верхній хребетъ горъ Чилдырскихъ, появился внезапно предъ стѣнами Ахалкалаки. Сіе неожиданное появленіе Русскихъ и удачное дѣйствіе нашей артиллеріи привели въ смятеніе гарнизонъ крѣпости; часть онаго въ бѣгствѣ искала спасенія. Генераль-Маіоръ Баронъ Осень-Сакенъ, пользуясь замѣшательствомъ, ворвался въ городъ, и Ахалкалаки покорился нашему оружію. Въ слѣдъ за симъ посланный Графомъ Паскевичемъ-Эриванскимъ Генераль-Маіоръ Баронъ Осень-Сакенъ принудилъ къ сдачѣ крѣпость Гершвисъ. 14 Іюля сдалась Генераль-Маіору Гессе крѣпость Поши, лежащая

на Черномъ морѣ, при устьѣ рѣки Ріона, пропекающей въ нашихъ предѣлахъ. Покореніе сей крѣпости, обезпечивая нашу торговлю и сообщенія, чрезвычайно важно для благоденствія шого края.

Турки, желая оспановишь успѣхи Русскаго оружія, собрались въ числѣ 30 тысячъ (вдвое прошивъ Русскихъ) и опъ Арзрума двинулись къ Ахалциху. Графъ Паскевичъ-Эриванскій, узнавъ о шомъ, усшремился немедленно къ сей крѣпости, чшобъ однимъ ударомъ сокрушишь всѣ надежды непріателя. Суворовскимъ маршемъ Графъ-Паскевичъ-Эриванскій прошель черезъ высокія горы, покрышыя лѣсами, по непроходимымъ шропинкамъ и упесамъ, черезъ кошорые съ величайшимъ усиліемъ надлежало спускашь и поднимашь людьми орудія и обозы. 4-го Августа Русскіе пришли къ переправѣ на рѣкѣ Курѣ, въ 6 верстахъ опъ Ахалциха, гдѣ уже заспали сильное вспомогательное Турецкое войско. Чешыре дня сряду происходили кровопролишныя сраженія подѣ

спѣнами крѣпости. Наконецъ Графъ Паскевичъ-Эриванскій рѣшился напасть на Турецкое войско, и принудить его къ генеральному сраженію. Въ ночи на 9 число онъ обошелъ городъ съ 8 баталіонами пѣхоты, частью своей кавалеріи и 25 орудіями, и появился на разсвѣтъ предъ 30-ти тысячнымъ Турецкимъ корпусомъ. Завязалось кровопролитное сраженіе, продолжавшееся 12 часовъ сряду, и побѣда пребыла вѣрною своему любимцу. Укрѣпленный непріятельскій лагерь взятъ штурмомъ, вспомогательное войско разбило на голову и разсѣяло, весь обозъ и вся артиллерія достались побѣдителямъ. Не давая непріятелю опомниться, Русскіе усpreмались на приступъ къ Ахалциху (15 числа), и послѣ жестокаго штурма, продолжавшагося 13 часовъ сряду внутри города, среди пламени и всѣхъ родовъ истребленія, Русскіе провозгласили побѣду на окровавленномъ пепелищѣ Ахалциха: цитадель, спрашась подобной участи, сдалась на капитуляцію.

Послѣ сихъ блистательныхъ побѣдъ, Графъ Паскевичъ - Эриванскій опрядилъ Генераль-Лейшенанша Князя Вадбольскаго для овладѣнія крѣпостію Ацхуромъ. Полковникъ Князь Бековичъ-Черкасскій наспигъ чепыре тысячи Турокъ, гнавшихъ въ пѣжку неволю жишелей Карскаго Пашалыка, разбилъ ихъ и освободилъ сихъ несчастныхъ. Крѣпость Ардаганъ, видя невозможность сопротивляться всеокрушающему Русскому оружію, сдалась (22 Августа) Генераль-Маіору Берхману. Весь Баязешскій Пашалыкъ, съ крѣпостями Баязешомъ, замками Топракъ-Кале и Діадиномъ, завоеванъ Генераль-Маіоромъ Княземъ Чевчевадзе въ печеніе 15 дней (съ 25 Августа по 9-е Сентября), и Русскія знамена водружены на берегахъ Евфрапа. Симв кончилась блистательная кампанія въ Азіи.

Если укрышіе силъ своихъ въ неприступныхъ горахъ, подъ защишою укрѣплений, въ спранъ, лишенной всѣхъ способовъ къ продовольствію, можно назвашь успѣхомъ, по

въ семь охотно соглашаюсь съ нѣкоторыми иносѣанными вѣсповщиками, употребляющими всю силу своего краснорѣчя для убѣжденія своихъ чашашелей, что Турецкое оружіе увѣнчалось успѣхомъ подѣ Шумлою, и что Визирь воспоржешшвовалъ, избѣгнувъ битвы, и сокрывшись въ горахъ Балканскихъ. Скажемъ съ своей спороны, что Русскіе попому только не перешли Балкановъ, что начальники ихъ не хотѣли жершшовашъ драгоценную кровію, для невѣрныхъ выгодъ. Они имѣли и шеперь имѣюшъ въ своихъ рукахъ ключъ Балкановъ, Праводы. Ишъи впередъ безъ всякаго расчеша, не значишъ побѣждашъ! Должно при семь замѣшишъ, что наша армія, перешедшая Дунай, не могла слишкомъ далеко угубляшъся въ шрану горисшую и безплодную, и должна была соображашъ свои движенія съ дѣйшвіями корпусовъ, оставшихся въ шылу по обѣимъ споронамъ Дуная. Надлежало шакже обѣзпечишъ и заняшъ берега Чернаго моря, для удобнѣйшаго сообщенія съ

Россіею. Первый напискъ къ Шумль произведенъ былъ для того только, что въ встрѣпшишь непріятеля и разбишь его въ опкрыпомъ полѣ. Когда же Визирь, не осмѣливаюсь сразиться, укрылся въ Балканахъ, само по себѣ разумѣется, что нашему главному Корпусу оставалось только наблюдать Шумлу; а между тѣмъ занявшись осадю крѣпостей на Дунаѣ и знаменишой Варны, копорая долженствовала бытъ прибѣжищемъ нашего флота и центромъ скорыхъ сообщеній съ Россіею.

Черноморскій флотъ, подѣ начальствомъ Адмирала Грейга, возвращаясь изъ подѣ Анапы, обложилъ Варну съ моря, а Генераль-Адьютаншу Князу Меншикову поручена была осада съ сухаго пуши. Турки защищались мужественно. Въ часпыхъ сшибкахъ гарнизона съ малочисленнымъ осаднымъ опрядомъ, Турки всегда прешерптѣвали пошери и принуждены были укрываться въ стѣнахъ своихъ. Величайшая наша пошеря состояла въ томъ, что хра-

брый, благоразумный и всѣми любимый Генераль Адьюпаншь Князь Меншиковъ шяжелораненъ въ одной изъ сихъ сшибокъ. Прославившійся въ опешественную войну Генераль-Адьюпаншь Графъ Воронцовъ принялъ начальство надъ осаднымъ корпусомъ, послѣ сего несчастнаго случая. Государь Императоръ изволилъ присущствовать при осадѣ Варны, имѣя постоянное пребываніе на кораблѣ Парижѣ. Гвардейскому Корпусу предославлена была слава участвовашъ въ осадѣ сей знаменишой крѣпости, копорую защищали около 22 тысячъ гарнизона и вооруженныхъ жипелей. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибъ почли нужнымъ сдѣлать пожертвованіе для взятія Варны штурмомъ, то снѣны ея не удержали бы Русскаго войска, доказавшаго неоднократно даже подъ самою Варною, что ни швердыя снѣны, ни неприсущныя горы не въ состояніи остановишь его шпремленія къ побѣдѣ. Но Государь Императоръ, какъ чадолюбивый Опець, не могъ бышь хладно-

кровнымъ зрителью бесполезнаго кровопролитія, и Варну положено принудить къ сдачѣ правильною осадю. Зависники Русской славы и безпокойные вѣсповщики, казалось, забыли объ осадахъ крѣпостей, продолжавшихся въ бывшія Европейскія войны въ шеченіе нѣсколькихъ кампаній: прехмѣсячную осадю Варны они провозгласили уже неудачною, предсказывая Русскимъ опшущеніе, а Визирю побѣды. Русскіе опвѣчали на слова дѣлами. Сокрушенная Русскими бомбами и ядрами Варна — смирилась, и гарнизонъ ея сдался безусловно. Приближеніе сильной помощи къ Варнѣ, подъ предводительствомъ одного изъ искуснѣйшихъ полководцевъ Турецкихъ, Омера-Вриони, не спасло сей крѣпости. Попѣсивъ нашъ передовой опрядъ около рѣки Камчика, Омеръ-Вриони уже мечпалъ о побѣдахъ вмѣстѣ съ Европейскими защитниками Турецкой воинской славы. Но надежды ихъ скоро исчезли. Послѣ покоренія Варны, Турецкій вспомогательный корпусъ бѣжалъ въ

горы, уклоняясь опъ сраженія. Хотя взятіе въ пльнъ Капишана-Паши (Великаго Адмирала) есть событіе неслыханное въ Ишоріи новыхъ временъ, но Государь Императоръ, зная, что сей Турецкій вождь есть любимецъ Султана, не хотѣлъ умножать порженства Русскаго оружія униженіемъ врага, и оппустилъ плѣнника къ его Государю.

Не взирая на совершенный недоспашокъ въ фуражъ, главный нашъ Корпусъ, подъ начальствомъ Фельдмаршала Графа Вишгенштейна, наблюдалъ Шумлу во все продолженіе осады Варны. Здѣсь также взятіе одного нашего редуша Турками, въ слѣдствіе нечаяннаго нападенія, обезпокоиваніе вагенбурга, сшибки съ нашими фуражирами, и опспуленіе нашего малочисленнаго отряда опъ Эски-Спамбула, названы были, у непріятелей Россіи, Турецкими побѣдами! Наше Правительство, не только не скрывало сихъ крапковременныхъ и бесполезныхъ въ своихъ послѣдствіяхъ, успѣховъ Турокъ, напрошивъ

шого, всегда отдавало справедливость хъ мужеству. Побѣдами же не возможно было назвашь мгновенныхъ перевѣсовъ оружія, и упорной защиты укрѣпленій. Побѣды имѣющ свои послѣдствія, а Турки не могли принудить Русскихъ; не только отступили отъ Шумлы, но даже отдали часть своей позиции.

Подъ Силистрией, Генераль отъ Инфантеріи Рошъ безпрестанно отражая вылазки гарнизона съ большимъ для него урономъ, осаждалъ сію крѣпость, до смѣны его отряда 2-мъ Корпусомъ, подъ начальствомъ Генераль-Адьютанта Князя Щербашова. Корпусъ Генерала отъ Инфантеріи Роша присоединился къ главной Арміи. Въ Малой Валахіи, Генераль-Маіоръ Баронъ Гейсмаръ былъ споль счастливъ, что успѣлъ сразиться съ Турками въ открытомъ полѣ, чего они споль щщательно избѣгаютъ съ Русскими. Генераль-Маіоръ Баронъ Гейсмаръ, съ 4200 воиновъ, пошелъ на встрѣчу Сераскиру Видинскому, имѣвшему 26 тысячъ

войска и 30 орудій. Сераскирь, назначенный въ Паша Крайовы; шакъ былъ увѣренъ въ успѣхъ, что уже провозгласилъ, что шестя для занятія новаго своего Пашалыка, нѣ на пуши разобьешъ Русскихъ. Генераль-Маіоръ Баронъ Гейсмаръ смирилъ его гордость и уничтожилъ надежды, совершенно разбивъ и разсѣявъ его войско, и взявъ въ добычу весь лагерь со всѣми военными снарядами. Слѣдствіемъ сей блистательной побѣды есть очищеніе Малой Валахіи ошъ неприащеля, и уступленіе намъ укрѣпленной позиціи Калафаша.

Черноморскій флотъ, хотя въ печеніе сей кампаніи не имѣлъ случая ознаменовашъ себя споль блистательнымъ подвигомъ въ морѣ, какъ Балшійскій нашъ флотъ подъ Навариномъ, но онъ исполнялъ все, что на него возложено было, съ удивительными успѣхами, и моряки наши при берегахъ Чернаго моря, покрылись славою. Въ десантной экспедиціи прошивъ Анапы, нашъ флотъ содѣйствовалъ

успѣху, безпрестанно обезпокоивая непріателя, и пресѣкая его сообщенія, причемъ взяло нѣсколько судовъ со вспомогательными Турецкими войсками. Даже подь самыми крѣпостными пушками, Турецкія суда не были безопасны. Капитанъ-Лейтенантъ Нѣмпиновъ, подь выстрѣлами съ крѣпости, подошелъ на гребныхъ судахъ къ Турецкой флотиліи, ошрубилъ канаты у шрехъ непріательскихъ судовъ, и въ шоржесивѣ привелъ ихъ къ своимъ. Вице-Адмиралъ Мессеръ при самомъ Конспаншинопольскомъ проливѣ побралъ Турецкія суда съ военными снарядами. Эскадра Адмирала Грейга, возвращаясь изъ подь покоренной Анапы къ Варнѣ, каждый свой подвигъ ознаменовала необыкновеннымъ мужествомъ. Въ ночи съ 26 на 27-е Юля, Капитанъ 2-го ранга Мелиховъ истребилъ всю непріательскую флотилію. 27 Августа Адмиралъ Грейгъ произвелъ подь Варною маневръ, кошорый можешъ почешься однимъ изъ самыхъ блистательныхъ въ мор-

**

скомъ дѣлѣ. Пользуясь благопріятнымъ вѣтромъ, онъ прошелъ два раза конспрь-маршемъ вдоль стѣнъ крѣпости, на разстояніи четырехъ сотъ сажень, и удачными выстрѣлами произвелъ большія поврежденія въ крѣпостныхъ стѣнахъ. Капитанъ Крицкій сдѣлалъ десантъ по близости Конспаншинополя, при Инадѣ, и въ 10 часовъ времени успѣлъ овладѣть береговыми баштареями, срыть ихъ, взявъ часть пушекъ, заколошишь прочія, и взорвать на воздухъ магазины со всѣми запасами. Дунайская наша флотилія также отличилась искусствомъ и мужествомъ. При переправѣ нашихъ войскъ съ бою черезъ Дунай, начальникъ флотиліи, Капитанъ 1-го ранга Панаіоти, сносѣшествовалъ удачному совершенію сего знаменишаго подвига. Капитанъ 1-го ранга Завадовскій истребилъ Турецкую флотилію подъ Браиловымъ, и тѣмъ во многомъ облегчилъ осаду сей крѣпости.

Изъ сего крашкого обозрѣнія главнѣйшихъ происшествій истина открывается сама собою. Пусть завистники славы Россіи говорять и пишутъ о великихъ подвигахъ Турецкой арміи, заставшей въ горахъ Балканскихъ, и шѣмъ спасшейся отъ пораженія! Побѣды Паскевича и Гейсмара въ открытомъ полѣ надъ превышающимъ въ силахъ непріателемъ, ручаюся, что та же участь постигла бы и Визиря, если бь онъ рѣшился сразиться съ Русскими. Теперь, по окончаніи кампаніи, уже невозможно зашмѣвать истины ложными слухами. Теперь видно, что сдѣлали и что пріобрѣли отъ воюющія стороны. Въ отвѣтъ на все умствованія противниковъ представляю крашкій перечень нашихъ пріобрѣтеній въ печеніе минувшей кампаніи. Вшорая Армія заняла Княжества Молдавію и отъ Валахій съ частію Булгаріи, по ту сторону Дуная. Покорено 8 крѣпостей: Браиловъ, Анапа, Варна, Мачинъ, Гирсово, Тульча, Кюспенджи и Исакча, съ укрѣ-

пленною позицію на Дунаѣ; приче́мъ взято 957 пушекъ, 180 знаменъ, два непріятельскіе лагерь, полонено и попоплено 17 большихъ судовъ, 45 малыхъ. Положили оружіе предъ нашими войсками: 9 Пашей и около 22.500 человекъ офицеровъ и солдатъ. Сверхъ того нѣсколько тысячъ Болгарскихъ семействъ освобождены отъ тяжкой неволи. Въ Азіи Графъ Паскевичъ-Эриванскій, съ малочисленнымъ своимъ корпусомъ, завоевалъ при Пашалыка и въ нихъ 6 крѣпостей и 3 замка: Карсъ, Ахалкалаки, Ахалцихъ, Гершвишь, Ацхуръ, Поши, Баязешъ, Ардаганъ, Топракъ-Кале и укрѣпленіе Діадинъ. При семъ взято: 313 пушекъ, 195 знаменъ, 11 бунчуковъ, 4 лагерь. Взято въ плѣнъ 8 Пашей и около 8 тысячъ солдатъ; 30-тысячный корпусъ Турецкихъ войскъ разбитъ и разсѣянъ (*). Попери непріятелей уби-

(*) И того въ Европѣ и Азіи завоевано два Княжества, при Пашалыка; покорено 14 крѣпостей и 3 замка; взято пушекъ 1270; знаменъ 375; 11 бунчуковъ; 6 лагерь. Сдано 17 Пашей и болѣе 30 тысячъ солдатъ.

тыми и ранеными нельзя опредѣлишь въ точности. Съ нашей стороны ушрачено 8 пушекъ подъ Шумлою, и около шести тысячъ чело-вѣкъ убишыми въ Европѣ и въ Азіи. Въ испинѣ всего сказаннаго нами, ссылаюсь не только на офиціальные донесенія, но и на чужеземныхъ Пословъ и офицеровъ, бывшихъ при главной кварширѣ Его Императорскаго Величества.

Наши войска расположены шеперь опть Ка-лафаша, въ виду Видина, до укрѣпленной на-ново Варны, имѣя форпосшы на рѣкѣ Кам-чикѣ, облегая Силистрию и Журжу, занимая Девно, укрѣпивъ шакже Праводы и Базарджикъ.

Будущее извѣшно одному Богу, но нѣшь сомнѣнія, что правое дѣло воспоржествуетъ при Его свяшой помощи, къ славѣ Русскаго оружія и ко благу челошества!

Всѣ благомыслящіе люди, въ образованныхъ странахъ міра, желаютъ успѣховъ Россіи, поднявшей оружіе только для защиты правъ своихъ и угнешеннаго челошества. Восемь лѣтъ сряду, Греція орошается кровію сыновъ

своихъ , и гордые Опшоманы , не хопяшь слышашь о примиреніи съ ними и прекращеніи кровопролишя ; шешнадцашь лѣшь (съ 1812 года) единовѣрческія съ нами племена спраждупь , вопреки священнымъ шракшапамъ , которыми обезпечено ихъ свободное существованіе въ нѣдрахъ Турецкой Имперіи . Турція не довольшповалась эшимъ , и нанося вредъ нашей шорговлѣ , безпрерывно оскорбляла достоинство Россіи въ лицѣ ея подданныхъ . Вошь причины наши къ войнѣ ! Средства Россіи неисшощимы , а выгоды , пріобрѣшенныя нами въ нынѣшнюю кампанію , должны увѣришь самыхъ неблагорасположенныхъ къ Россіи людей , что одинъ шолько миръ , опъ кошораго Россія никогда не уклонялась , можешь предохранить Турцію опъ гораздо вреднѣйшихъ послѣдшвій , если она будешь упоршповать въ войнѣ , склоняя слухъ къ лѣспивымъ и обманчивымъ наущеніямъ завистниковъ Россіи .

Θ. Булгаринъ.

ЭПИГРАММА.

Пирушкины храни учтивости законы,
Охотно плащяшь всемъ визитны и поклоны;
Да то бѣда,
Что лишь долговъ своихъ не плащяшь никогда.

*

ОКТАБРЯ 30 ДНЯ 1828 ГОДА.

Средь ночи горестной и мрачной и Октябрьской
Когда опъ сердца я скорбѣлъ, пуская сонъ,
Опъ Вязмы свѣплый духъ, зефиръ прелестный райской
Развѣлъ хопъ на часъ унынья пшжкй сонъ.

Графъ Хвостовъ.

В Ъ С Т Ъ.

... Вечеръ былъ прекрасный. Весна оживляла природу. Рощи шолько что раскинулись и запахъ молодого березоваго листа прелестно разшворялся въ шепломъ вечернемъ воздухѣ. — Полный пылкихъ мечтаній, смошрѣлъ я какъ погасала алая лучишная заря и неопишанное наслаждение, какъ чувство счастья, привѣшливо просилось въ душу. Вдругъ около меня шшало *свѣжѣ*... какъ будшо легкій вѣшерокъ коснулся лицу... Миѣ показалось, что слышу шихой шопошь — и сердце шашншвенно уразумѣло *роковую вѣсть*, зашрепешало и заныло... Миѣ здалось, что я увидѣлъ *крылатую*... и ничего болѣе не видалъ, когда спшалъ присшально всмашриваться... Она изчезла, какъ сновидѣние... Небо было ясно, воды чишпы, но сердце возмушалось грушшю непоняшною, неопишанною... Миѣ все, какъ

будно слышалось: *Её ужь нѣтъ!* — *Её ужь нѣтъ!* О — И не спало *Её!*... *Небесная*, какъ крапкѣи *миа*, мелькнула въ *земной* превогѣ... О *Ларисса!* ты разцвѣла, подь прекраснымъ небомъ, чшобъ показашь намъ *небесное* на землѣ, угасла, какъ вспыхнувшій лучъ и вознеслась какъ алмазныя слезины росы по лучамъ свѣшила дневнаго, чшобъ заставишь насъ, кинувшись въ объятія грусти, спрежишься за шобою къ небу. — Проспраншво изчезло, — душа подала вѣспь душѣ, — и я услышалъ на холодномъ сѣверѣ о швоемъ преображеніи — о, дочь благодатнаго юга!...

Ө. Г.

ВЕСНА.

Элегія — (1823.)

Свѣплѣе солнца лучъ играешъ надъ прудомъ,
 Лугъ зеленѣющій смѣшется,
 Крутами ласточка лепашетъ надъ гнѣздомъ,
 Воркуешъ горлица и жаворонокъ вѣпсся!...

Все.... счастье и любовь!

Лишь мнѣ вѣсть счастья и любви!

Я молодъ; но весна моей не грѣшетъ крови:

Моя весна не придетъ вновь!

Не для меня красы природы,

И свѣжій ароматъ цвѣтень,

И вдохновеніе свободы,

И вдохновеніе стиховъ!....

Мнѣ болѣ нравился густая пѣнь льсовъ,

Кремнистыя слезы, пещеры дикой своды,

Осенней ноши мракъ, сплхій неспрошенный бой:

Лишь въ нихъ я внемлю гласъ понятный и живой!

Не мнѣ въ ихъ мятежѣ почувствовать смятеніе:

Любви, молодой любви моей

Я видѣлъ съ жизнью послѣднее боренье;

Я видѣлъ, какъ пускалъ свѣтъ милыхъ мнѣ очей,

И научился видѣть пламя!

Съ шѣхъ поръ не пренещу слѣдовъ уничтоженья,

Дивлюсь желаніямъ людей,

Надежды ихъ не понимаю,

Не радуюсь веснѣ въ холодности своей

И не жалѣя провожаю!....

Мих. Дмитріевъ.

КОНЕЦЪ.

